

ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
Scientific and Theoretical
Issues

**Том
vol. 3 № 4 / 2023**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 3 № 4
2023

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 3 № 4
2023

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 3 № 4 2023

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддержка молодого поколения ученых.

Журнал принимает к опубликованию материалы по следующим научным специальностям:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования
- 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
- 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина, Г. В. Лукьянова, А. Н. Великих.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 3 № 4 2023

“**Russian Journal of Deviant Behavior**” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal’s priority is to support young scholars.

The journal accepts materials for publication in the following scientific specialties:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology
- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich’s Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – G. N. Golyadkin, L. M. Bukina, G. V. Lukyanova, A. N. Velikh.
Design and layout – S. N. Gorbunova

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения МПГУ (Россия, Москва)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, действительный член (академик) РАО, и.о. ректора Сочинского государственного университета (Россия, Сочи)

Гаррисон Е. – доктор педагогических наук, профессор, Университет Монтаны (США, Вашингтон)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гишинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор психологических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Злоказов К. В. – кандидат психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника военного института по научной работе – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University. Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of MPGU, (Russia, Moscow)

Editorial Board

- Bavsun M. V.** – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Kaverina L. V.** – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Bazarov T. Yu.** – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)
- Baranov A. A.** – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)
- Borodavko L. T.** – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Gaidamashko I. V.** – Doctor of Psychology, Associate Professor, full member (academician) of RAO, acting Rector of Sochi State University (Russia, Sochi)
- Garrison E.** – Doctor of Education, Professor, University of Montana (USA, Washington)
- Geyzhan N. F.** – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Gilinskiy Ya. I.** – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)
- Gogiberidze G. M.** – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)
- Gorelov A. A.** – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, (Russia, Yakutsk)
- Grigoriev A. N.** – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Gundur R.** – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)
- Dozortseva E. G.** – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)
- Zlokazov K. V.** – Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Head of the Research Department Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Zmanovskaya E. V.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)
- Ilakavichus M. R.** – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Karayani A. G.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, (Russia, St. Petersburg) (Russia, St. Petersburg)
- Kirillova T. V.** – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)
- Kleimenov M. P.** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)
- Kostromina S. N.** – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
- Lyaskovska K.** – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)
- Pudovochkin Yu. E.** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)
- Rybnikov V. Yu.** – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Sitnikov V. L.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Strelnikova Yu. Yu.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Teslenko A. N.** – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)
- Utyuganov A. A.** – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of the Military Institute for Scientific Work – Head of the Research and Editorial and Publishing Department of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)
- Fedotov S. N.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)
- Khusainova S. V.** – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)
- Shestakov D. A.** – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)
- Javorchikova J.** – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А...... 382

Современная девиантология: теории и концепции

Духновский С. В. Типы темпоральности личности: оценка и перспективы использования..... 384

Саградова Т. Г. Влияние современной сетевой субкультуры «аниме» на сознание несовершеннолетних..... 394

Психологические исследования девиантного поведения

Душкин А. С., Гончарова Н. А. Преимущества и риски перфекционизма курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России..... 403

Злоказов К. В. Субъективное отношение к себе, уголовному наказанию и потерпевшему как индикаторы криминализации личности..... 413

Шаболтас А. В., Арбузова Е. Н., Горбатов С. В. Проблемные зоны личностного развития в подростковом возрасте у лиц с явными признаками криминального поведения..... 429

Педагогические исследования

и профилактика девиантного поведения

Песков В. П., Кузеванов В. Я. Обоснование применения метода «садовой терапии» для коррекции и профилактики девиантного поведения..... 441

Сошникова И. А., Смородина В. А. Взаимосвязь уровня самооценки с нарушениями служебной дисциплины обучающимися образовательных организаций МВД России..... 452

Правовое противодействие девиантному поведению

Тамбовцев А. И. Содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, как проявление социальных девиаций..... 464

Криминологические исследования девиантного поведения

Инсин Сюй, Цзялу Лу. Вмешательство полиции в дела о домашнем насилии: посредничество, предупреждение или административный штраф..... 476

Буяннэмэх Дашдорж. Осуществление контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы в Монголии: проблемные аспекты и пути их решения..... 483

Сообщения о научных событиях

Гейжан Н. Ф. «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики» (Обзор международной научно-практической конференции)..... 490

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	382
-------------------------	-----

Modern deviantology: theories and concepts

Dukhnovsky S. V. Types of temporality of personality: assessment and perspectives.....	384
Sagradova T. G. Influence of modern online subculture «anime» on the consciousness of minors...	394

Psychological research of deviant behavior

Dushkin A. S., Goncharova N. A. Advantages and risks of perfectionism of cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	403
Zlokazov K. V. Attitude towards oneself, criminal punishment and victim of a crime as a predictor of a criminalization personality.....	413
Shaboltas A. V., Arbuzova E. N., Gorbatov S. V. Problem areas of personal development in adolescence in persons with obvious signs of criminal behavior.....	429

Pedagogical research and prevention of deviant behavior

Peskov V. P., Kuzevanov V. Ya. Substantiation of the «Horticultural therapy» method for the correction and prevention of deviant behavior.....	441
Soshnikova I. A., Smorodina V. A. The correlation between the self-esteem level and violations of official discipline by trainees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	452

Legal counteraction to deviant behavior

Tambovtsev A. I. Assistance of persons to bodies carrying out operational investigative activities as a manifestation of social deviations.....	464
--	-----

Criminological research of deviant behavior

Yingxing Xu, Jialu Lu. Police intervention in domestic violence cases: mediation, warning or administrative penalty?.....	476
Buyannemekh Dashdorzh. Control of persons released from criminal institutions in Mongolia: problem aspects and ways of solution.....	483

Reports on scientific events

Geizhan N. F. Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice. Review of international research and practice conference.....	490
---	-----

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-382-383

Уважаемые читатели!

Перед вами номер «Российского девиантологического журнала», которым мы завершаем третий год его издания.

В разделе **«Современная девиантология: теории и концепции»** предлагаем вашему вниманию статью «Типы темпоральности личности: оценка и перспективы использования». Автор исследования утверждает, что в течение жизни у человека формируется (им самим и/или обстоятельствами) «тип темпоральности его личности», определяющий повседневную и трудовую активность. Проблема исследования заключается в ответах на вопросы: возможно ли на основе временной направленности и временного сценария описать типы темпоральности личности; существуют ли различия в отношении ко времени, его функциях и доминирующей ориентацией адаптивной активности у субъектов с различным типом темпоральности? В результате исследования установлены ресурсный, невротично-фиксированный и инфантильно-фиксированный типы темпоральности личности. Полученные данные дополняют разрабатываемую автором концепцию темпоральности личности новым психологическим содержанием. Созданные методики позволяют описать типы темпоральности личности, которые правомерно использовать для изучения ресурсов и потенциалов личности, особенностей и перспектив ее жизненного пути. Использование знаний о темпоральных типах личности дает возможность прогнозировать поведение человека как в обыденной жизни, так и в трудовой деятельности.

Изучению специфики субкультуры аниме, определению степени ее влияния на несовершеннолетних посвящена следующая статья рубрики «Влияние современной сетевой субкультуры "аниме" на сознание несовершеннолетних». Исследование содержало социальный опрос о медийных предпочтениях в жанре аниме, включенное наблюдение в виртуальном пространстве на форумах, чатах, а также материалы средств массовой информации, анализ законодательных актов и решений органов власти о блокировке сайтов, относящихся к противоправному контенту и запрещенной пропаганде суицида и наркотических средств.

Раздел **«Психологические исследования девиантного поведения»** открывает статья «Преимущества и риски перфекционизма курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России», в которой обсуждается направленность перфекционизма, в содержании которого отражаются как его позитивные последствия, так и негативные. В ходе проведенного исследования авторы приходят к выводу, что преимущества перфекционизма заключаются в наличии у субъекта учебной деятельности стремления к совершенству, организованности, способности к адаптивному поведению, а риски перфекционизма кроются в глубинных переживаниях личности, ориентированной на социальное одобрение, соответствие завышенным стандартам, избегание неудач, повышенный уровень требований к себе, что детерминирует негативные эмоциональные переживания, тревожность и стрессовые состояния.

Автор исследования «Субъективное отношение к себе, уголовному наказанию и потерпевшему как индикаторы криминализации личности» утверждает, что возможности субъектного подхода не используются в полной мере для изучения криминализации, однако представляются полезными, поскольку способны раскрыть субъективные составляющие детерминации и регуляции криминального поведения. Применение субъектного подхода в рамках исследования позволяет теоретически обосновать совокупность отношений, участвующих в регуляции поведения, и создать модель данных отношений для оценки риска криминализации. Цель исследования – теоретическое обоснование комплекса субъективных отношений, указывающих на риск криминализации личности, и его эмпирическая проверка. В работе рассматривается модель отношений личности, влияющих на ее криминализацию, которая разработана на основе теоретического анализа представлений отечественных и зарубежных исследователей о криминогенной личности, криминогенной направленности и регуляции криминального поведения.

Статья «Проблемные зоны личностного развития в подростковом возрасте у лиц с явными признаками криминального поведения» ориентирована на выявление основных проблемных зон в структуре индивидуальных показателей и системы отношений подростков, сопровождающих криминализацию поведения, в целях дальнейшего повышения качества диагностики и коррекции их личностных особенностей. По результатам работы делаются выводы об основных негативных и позитивных зонах развития подростков.

Проблемы коррекции и профилактики девиантного поведения – один из основных вопросов и вызовов современного общества. Агрессия, наркомания, преступления, сексуальные девиации и другие асоциальные проявления оказывают негативное влияние на различные сферы жизни людей, включая семью, образование, работу и общество

в целом. В настоящее время изыскиваются различные фармацевтические и немедикаментозные подходы для купирования или смягчения девиантного поведения. Одному из таких подходов, а именно применению метода «садовой терапии» для коррекции и профилактики девиантного поведения, посвящена еще одна статья данного раздела. Авторы исследования обосновывают возможность более широкого применения «садовой терапии» как междисциплинарного немедикаментозного метода коррекции и профилактики девиантного поведения.

Раздел **«Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения»** открывает статья «Взаимосвязь уровня самооценки с нарушениями служебной дисциплины обучающимися образовательных организаций МВД России», в которой рассматриваются причины нарушений служебной дисциплины обучающимися во взаимосвязи с уровнем их самооценки. Авторами исследуется взаимосвязь самооценки обучающихся и их адаптации к особенностям учебно-служебной деятельности. Исходя из опыта работы Санкт-Петербургского университета МВД России, авторы предлагают пути и условия формирования адекватной самооценки обучающихся. В статье предложены конкретные методы по профилактике данного вида девиации среди курсантов и слушателей. Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности использования предложенных форм и методов профилактики нарушений служебной дисциплины и законности в работе с обучающимися образовательных организаций МВД России.

Рубрика **«Правовое противодействие девиантному поведению»** включает статью «Содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, как проявление социальных девиаций». Преступление как единичный персональный поведенческий акт и преступность как социально-правовой феномен являются социальными девиациями персоналий и групп. Государство вынуждено использовать принудительный правоприменительный аппарат для сдерживания преступности и нивелирования ее негативных социально-экономических последствий. В системе государственного принудительного аппарата противодействия преступности негласное содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, является наиболее эффективным и рациональным функционально-правовым инструментом. На основе проведенного ранее исследования автор констатирует нежелание и законопослушных граждан, и представителей криминальной среды оказывать содействие оперативным подразделениям. Однако детерминанты, лежащие в основе этого нежелания, отличны друг от друга. Для дальнейшего научного исследования и обсуждения выдвигается гипотеза, что негласное содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, является результатом социальных девиаций в рассматриваемых общественных группах. Изучение причин и форм указанных отклонений от неких социальных норм, свойственных обеим (законопослушной и криминальной) группам, способно, по мнению автора, оптимизировать процесс привлечения лиц к негласному содействию и борьбе с преступностью.

Раздел **«Криминологические исследования девиантного поведения»** представлен зарубежными исследованиями. Авторы из Китая представили статью «Вмешательство полиции в дела о домашнем насилии: посредническая деятельность, предупреждение или административное наказание?», посвященную изучению применения первого закона о домашнем насилии, позволившего установить систему профилактических мер относительно случаев домашнего насилия. Закон дает возможность полицейским участкам вмешиваться в дела о домашнем насилии и в определенной степени гарантировать гармонию и стабильность в семье. Исследователи отмечают региональные и индивидуальные различия в его применении.

Вторая статья посвящена анализу состояния и осуществления контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы в Монголии. Рассматриваются предпосылки, научно-правовые основы формирования системы постпенитенциарного надзора Монголии, дается характеристика ее современного состояния. Выявлены и описаны проблемы организации и осуществления пенитенциарного и постпенитенциарного надзора в Монголии.

Завершается номер разделом **«Сообщения о научных событиях»**, в котором публикуется обзор II Международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики», прошедшей в октябре 2023 года в Санкт-Петербургском университете МВД России. Конференция была нацелена на расширение и укрепление научного международного и межведомственного сотрудничества, обмен мнениями по развитию педагогики и психологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель
научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного
поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики
асоциального поведения Московского педагогического государственного
университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан**

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-384-393

Типы темпоральности личности: оценка и перспективы использования

Сергей Витальевич ДухновскийСанкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
dukhnovskysv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3118-9988

Аннотация

Введение. В течение жизни у человека формируется (им самим и/или обстоятельствами) «тип темпоральности его личности», определяющий повседневную и трудовую активность. Проблема исследования заключается в ответах на вопросы: возможно ли на основе временной направленности и временного сценария описать типы темпоральности личности? Существуют ли различия в отношении ко времени, его функциях и доминирующей ориентацией адаптивной активности у субъектов с различным типом темпоральности?

Методы исследования. Респондентами выступили 355 представителей социономических профессий, в возрасте от 27 до 35 лет (180 женщин и 175 мужчин). Психодиагностическими методиками выступили авторские разработки: опросник «Субъективная оценка временной направленности», шкала «Временной сценарий личности», методика «Шкала субъективного отношения к времени», анкета «Темпоральность личности», опросник «Субъективная оценка адаптивной активности личности».

Результаты. Установлены ресурсный, невротично-фиксированный и инфантильно-фиксированный типы темпоральности личности. «Ресурсный тип» – сочетание разрешающего временного сценария с направленностью на настоящее и будущее, гибким отношением ко времени, которое выполняет мобилизующую функцию, и прагматической ориентацией адаптивной активности. «Невротично-фиксированный тип» – это сочетание запрещающего временного сценария, с фиксацией на прошлом, временной зависимостью, где время обладает ограничивающей и подавляющей субъекта функциями, с гомеостатической ориентацией адаптивной активности. «Инфантильно-фиксированный тип» – сочетание инфантильно-разрешающего временного сценария с фиксированной направленностью на настоящее, равнодушным отношением ко времени, выполняющим ограничивающую функцию для субъекта и гедонизмом как ведущей ориентацией адаптивной активности.

Ключевые слова

темпоральность, отношение, сценарий, функции времени, адаптивная активность

Для цитирования: Духновский, С. В. (2023). Типы темпоральности личности: оценка и перспективы использования. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 384–393. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-384-393.

Original paper

Types of temporality of personality: assessment and perspectives

Sergey V. Dukhnovsky

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
dukhnovskysv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3118-9988

Abstract

Introduction. During a person's life, a "type of temporality of his personality" is formed (by himself and/or by circumstances), which determines everyday and work activity. The problem of the study is the answers the questions: is it possible to describe the types of temporality of personality based on temporal orientation and temporal scenario? Are there some differences in time attitude, its functions, and the dominant orientation of adaptive activity in subjects with different types of temporality?

Research methods. The respondents were 355 representatives of socioeconomic professions, aged 27 to 35 years (180 women and 175 men). Psychodiagnostic methods were the author's developments: the questionnaire "Subjective assessment of temporal orientation," the scale "Temporal scenario of personality," the methodology "Scale of subjective attitude to time," the questionnaire "Temporality of personality," the questionnaire "Subjective assessment of adaptive activity of personality."

Results. Resourceful, neurotic-fixed and infantile-fixed types of personality temporality are revealed. "Resourceful type" - a combination of a resolving temporal scenario with a focus on the present and future, with a flexible attitude to time, which performs a mobilizing function and a pragmatic orientation of adaptive activity as well. "Neurotic-fixed type" is a combination of a forbidding temporal scenario, with fixation on the past, a temporal dependence, where time has subject-limiting and suppressing functions, with a homeostasis orientation of adaptive activity. "Infantile-fixed type" is a combination of infantile-resolving temporal scenario with a fixed focus on the present, indifferent attitude to time, performing a limiting function for the subject and hedonism as the leading orientation of adaptive activity.

Keywords

temporality, attitude, scenario, time functions, adaptive activity

For citation: Dukhnovsky, S. V. (2023). Types of temporality of personality: assessment and perspectives. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 384–393. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-384-393.

Введение

Человек живет во времени, пользуется временем, которое в свою очередь, является индикатором его жизни. Время, с одной стороны, дает человеку возможности для реализации и проявления себя в различных сферах жизни, а с другой – ограничивает, ускоряет его жизнь в силу своей конечности и необратимости. В течение жизни у человека формируется (им самими и/или обстоятельствами) «тип темпоральности его личности», с присущим ему отношением ко времени, его значением для человека, индивидуально-психо-

логическими характеристиками, определяющий повседневную и трудовую активность. Знание и оценка темпоральных особенностей позволяет, в случае необходимости, трансформировать их, например изменить отношение человека к своему времени. Это может являться одним из условий, улучшающих качество его повседневной жизни, фактором, раскрывающим его потенциалы, в том числе и профессиональной деятельности.

Проблема времени в теоретическом и научно-практическом плане рассматривалась в работах К. А. Абуль-

хановой, Т. Н. Березиной (Абульханова, Березина, 2001), Е. И. Головахи, А. А. Кроника (Головаха, Кроник, 1984), В. И. Ковалева (Ковалев, 1995), L. T. White, R. Valk, A. Dialmy (White, Valk, & Dialmy, 2011) и др. Кроме того, проведены исследования, посвященные анализу отражения и переживания времени (Яничев, 2007), социокультурных особенностей восприятия времени (Горькая, 2014), в том числе и в восприятии молодежи (Забелина, 2018). Психологическое время рассматривалось в контексте самоэффективности личности (Кравцова, Дубовицкая, Абдуллин, 2020), ее здоровья (Печерская, 2014), включая хронические заболевания (Гурова, 2019). Изучалась временная перспектива у руководителей разного уровня (Чеврениди, 2019), а также при переживании кризиса идентичности (Вечканова, 2014). Описаны хронотопическая организация образа мира человека (Клочко, Краснорядцева, Хван, 2015), а также ее характеристики в период пандемии COVID-19 (Яницкий, Серый, Браун, Балабашук, 2021), влияние на здоровье человека (Reisch, 2001) и др.

Несмотря на наличие исследований, посвященных изучению времени, его роли в жизни и деятельности человека, проблема темпоральных типов личности нуждается в дополнительном эмпирическом анализе и обобщении. В этом плане актуальным является поиск ответов на вопросы: возможно ли на основе временной направленности и временного сценария описать типы темпоральности личности? Существуют ли различия в отношении ко времени, его функциях и доминирующей ориентации адаптивной активности у субъектов с различным типом темпоральности? Ответы на поставленные вопросы послужили основной целью нашего исследования.

В исследовании исходим из того, что тип темпоральности личности образуется сочетанием доминирующего временного сценария (разрешающего или запрещающего) и временной направленности (ресурсной или фиксированной) с присущими им отношением и функциями времени, а также ведущей ориентацией адаптивной активности.

Считаем, что темпоральности личности присущи свои специфические виды адаптивной активности, рассматривая которую, будем придерживаться позиции В. А. Петровского. Как указывает ученый, «говоря об адаптации, адаптивной направленности, мы предусматриваем тот случай, когда человек может заранее и не зная, к чему именно, к какому предметному эффекту приведет его действие, и тем не менее действовать адаптивно, если заранее известно, к чему он стремится «для себя», что оно ему может дать. Поэтому адаптивные действия могут быть и творчески продуктивными, «незаданными»; адаптивными их делает наличие ответа на вопрос «зачем?» (Петровский, 1992, с. 26).

При описании результатов исследования будем использовать теоретические положения разра-

батываемой нами «концепции темпоральности личности»:

– Темпоральность личности является отражением ее существования во времени и осмысления времени. Темпоральность представляет собой сочетание временного сценария, отношения ко времени, его функций и временной направленности личности, которое определяет ее созидательный или деструктивный характер. Темпоральность, с одной стороны, формирует индивидуальные психологические особенности человека, а с другой – сама детерминируется ими. Темпоральность, являясь отражением индивидуально-психологических особенностей личности, определяет качество жизни человека.

”

*Тип темпоральности личности
образуется сочетанием
доминирующего временного
сценария (разрешающего или
запрещающего) и временной
направленности (ресурсной
или фиксированной)
с присущими им отношением
и функциями времени,
а также ведущей ориентацией
адаптивной активности*

“

– Темпоральность выражается во временном сценарии человека – его жизненном плане, включающем в себя отношение ко времени, его функции и направленность, сформированном на основе наличия «запретов» и «разрешений» в прошлом, настоящем и будущем, получаемых от других людей и/или даваемых самому себе на проявление своей индивидуальности, реализацию желаемой для себя активности.

– Темпоральность объективируется во временной направленности личности, как проявлении временного сценария и отношении субъекта к своему времени, выраженной в ориентации на прошлое, настоящее, будущее или их сочетании, определяющей повседневную активность субъекта по достижению желаемых и/или необходимых для себя целей.

– Темпоральность человека проявляется в отношении ко времени – его восприятии и использовании в качестве ресурса для решения задач, возникающих в по-

вседневной жизни и трудовой деятельности, а также для проявления своей индивидуальности, своего личностного и профессионального развития и саморазвития. Видами отношения ко времени выступают: временная пластичность, пристрастность и индифферентность.

– Функции времени – это его роль и значение для человека, от особенностей использования которого зависит возможность достижения им желаемого и / или необходимого для себя результата, качество жизни в целом. В функциональном плане, время в силу своей конечности и ограниченности выступает барьером в жизни человека, обладая при этом мобилизующей, ограничивающей и подавляющей функциями.

Описание исследования

Респондентами выступили 355 представителей социально-экономических профессий, в возрасте от 27 до 35 лет (180 женщин и 175 мужчин), все граждане России, практически здоровые, прошедшие обследование по просьбе психолога. В качестве психодиагностических методик использовали авторские разработки:

– опросник «Субъективная оценка временной направленности» (ВН), предполагающий оценку ориентации субъекта на прошлое, настоящее и будущее в континууме «фиксация – ресурс». Чем выше балл, тем больше оценки отклоняются в сторону временной фиксации, средние и пониженные значения говорят о временном ресурсе (Духновский, Заикин, 2023);

– шкала «Временной сценарий личности» (ВС), позволяющая определить ведущий у субъекта временной сценарий (запрещающий или разрешающий), на основе оценки наличия «запретов» и «разрешений» в прошлом, настоящем и будущем, получаемых от других людей и/или даваемых самому себе на проявление своей индивидуальности, реализацию желаемой для себя активности;

– методика «Шкала субъективного отношения к времени» (ОКВ-Т), в рамках которой в зависимости от выраженности итогового показателя оценивается отношение респондента ко времени в континууме временная индифферентность (равнодушие) – пластичность (гибкость) – пристрастность (зависимость) (Духновский, 2021);

– анкета «Темпоральность личности», определяющая у субъектов доминирующие функции времени (мобилизующая, ограничивающая, подавляющая);

– опросник «Субъективная оценка адаптивной активности личности» (АА), направленный на выявление прагматической, гомеостатической и гедонистической ориентации адаптивной активности субъекта. Теоретическим обоснованием методики является «постулат сообразности», описанный В. А. Петровским: «Смысл постулата сообразности заключается, следовательно, не столько в том, что индивид в каждый момент времени “хочет сделать что-то”, т. е. что он “устремлен”

к какой-либо цели; смысл этого постулата в том, что, анализируя те или иные частные стремления человека, можно как бы взойти к той Цели, которая в конечном счете движет поведением, какими бы противоречивыми и неразумными не представлялись при “поверхностном” наблюдении основанные на ней побуждения и стремления людей» (Петровский, 1992, с. 26).

В качестве статистических методов применяли: анализ первичных статистик и сравнительный анализ. Перед проведением сравнительного анализа для каждой переменной был рассчитан статистический критерий нормальности Колмогорова-Смирнова. Уровень значимости p по всем переменным выше 0,05. Это позволило сделать вывод о нормальном распределении и определить в качестве метода параметрический критерий t-Стьюдента для независимых выборок. Обработка результатов проводилась при помощи программного пакета «SPSS 23.0».

Обсуждение результатов исследования

На основании соотношения значений показателей, полученных по шкалам опросника «Субъективная оценка временной направленности» (ВН) с показателем по шкале «Временной сценарий личности» (ВС), респонденты были разделены на три группы.

Первая – субъекты в количестве 155 человек, показатели которых по шкале «настоящее» и «будущее» находятся на повышенном и среднем уровне (в диапазоне 7 и 6 стэнов соответственно) и пониженными значениями по шкале «прошлое» (в диапазоне 4 стэнов). У данной категории обследованных выражен «разрешающий» временной сценарий (значение показателя по шкале «ВС» находится в диапазоне 7-8 стэнов). Данная группа нами была обозначена как «субъекты с ресурсным типом темпоральности».

Вторая – обследованные в количестве 97 человек, с высокими значениями по шкале «прошлое» (в диапазоне 9 стэнов) и средними значениями по шкалам «настоящее» и «будущее» (значение показателей находится в диапазоне 5-6 стэнов). Субъекты данной группы отличаются «запрещающим» временным сценарием (значение показателя по шкале «ВС» находится в диапазоне 3 стэнов). Данная группа нами была обозначена как «субъекты с невротично-фиксированным типом темпоральности».

Третья – респонденты в количестве 103 человек, показатели которых по шкале «настоящее» выражены на высоком уровне (в диапазоне 9 стэнов), а показатели «прошлое» – на низком (в диапазоне 3 стэнов), и «будущее» – на среднем (в диапазоне 5 стэнов). У обследованных данной группы выражен на экстремально высоком уровне показатель «разрешающий» временной сценарий (значение показателя по шкале «ВС» находится в диапазоне 7-8 стэнов). Данная группа нами была обозначена как «субъекты

с инфантильно-фиксированным типом темпоральности».

Данные таблицы 1 показывают следующее. Показатель по шкале отношения ко времени у субъектов с ресурсным типом темпоральности говорит о том, что у данной категории обследованных доминирующим отношением ко времени является «временная пластичность» (показатель по шкале «ОКВ» находится в диапазоне 5 стэнов). Субъектам свойственна гибкость планирования и использования своего временем – легкость трансформации своего временного распорядка, особенно в ситуациях «когда все идет не по плану», что не влияет на психическое состояние и настроение в неблагоприятную для них сторону. Для них время обладает ограничивающей и мобилизующей функцией. С одной стороны, время мобилизует человека, выступая ресурсом для удовлетворения своих желаний, потребностей, достижения желаемых целей и способ-

ствуя раскрытию потенциалов и способностей (созидательная функция), а с другой – как условие, ограничивающее его желания и связанную с ними активность (ограничивающая функция).

У обследованных с невротично-фиксированным типом темпоральности, имеет место «временная зависимость» (показатель по шкале «ОКВ» находится на высоком уровне – в диапазоне 9 стэнов). Соответственно, они испытывают тревогу, беспокойство в ситуациях, когда не могут следовать своему временному плану, даже по не зависящим от них причинам или по стечению обстоятельств. Время для них обладает подавляющей и ограничивающей функцией. Оно может выступать как условием, ограничивающим желания субъекта и связанную с ними активность (ограничивающая функция), так и лишая сил и энергии, оказывая на него деструктивное, патогенное воздействие (подавляющая функция).

Таблица 1. Функции и отношение ко времени у субъектов с разным типом темпоральности личности

Table 1. Functions and temporal orientation in subjects with different types of temporality of personality

Темпоральные характеристики	Тип темпоральности личности		
	Ресурсный (n=155)	Невротично-фиксированный (n=97)	Инфантильно-фиксированный (n=103)
Отношение ко времени	45,8±4,4 (5)	63,7±4,2 (9)	32,3±3,5 (3)
Мобилизующая	4,4±0,3*	2,0±0,5	2,1±0,5
Ограничивающая	4,0±0,3	4,3±0,2*	2,5±0,4
Подавляющая	2,3±0,5	4,1±0,4	4,3±0,3*

Примечание: * – различия достоверно выше на уровне $p \leq 0,05$; в скобках указаны стандартные значения – «СТЭНЫ»

Таблица 2. Ориентации адаптивной активности у субъектов с разным типом темпоральности личности

Table 2. Orientation of adaptive activity in subjects with different types of temporality of personality

Ориентации адаптивной активности	Тип темпоральности личности		
	Ресурсный (n=155)	Невротично-фиксированный (n=97)	Инфантильно-фиксированный (n=103)
Прагматическая	44,1±3,8*	23,9±3,1	25,4±3,5
Гедонистическая	36,3±3,3	24,1±3,7	42,5±3,1*
Гомеостатическая	27,5±3,0	40,0±4,1*	26,7±3,6

Примечание: * – различия достоверно выше на уровне $p \leq 0,05$

Субъектам с *инфантильно-фиксированным типом темпоральности* присуще равнодушное (индифферентное) отношение ко времени (показатель по шкале «ОКВ» находится на низком уровне – в диапазоне 3 стэнов). У респондентов отсутствует ценностное отношение к своему времени, использованию времени в качестве ресурса для реализации себя (своих способностей и потенциалов). При этом время для них обладает ограничивающей функцией – воспринимается как условие, ограничивающее их активность по достижению желаемых и/или необходимых целей.

Результаты, полученные по методике «Субъективная оценка адаптивной активности личности» (АА), позволили установить различия в выраженности ориентаций адаптивной активности субъектов с различным типом темпоральности личности. Данные представлены в таблице 2.

В таблице 2 представлены достоверные различия в выраженности ориентаций адаптивной активности у субъектов с разным типом темпоральности личности (значения t-критерия Стьюдента находятся в диапазоне от 1,90 до 1,93).

Таким образом, обследованным с *ресурсным типом темпоральности* свойственна *прагматическая ориентация адаптивной активности*, выражающаяся в ее узкопрактической направленности, нацеленной на достижение пользы для субъекта, его успеха и получение выгоды для него в настоящем и будущем. У субъектов с *невротично-фиксированным типом темпоральности* *гомеостатическая ориентация адаптивной активности* является ведущей (глубинной и порой неосознаваемой) целью поведения, проявляясь в стремлении сохранять и поддерживать равновесие как внутри себя, так и в отношениях с окружающими. Обследованным с *инфантильно-фиксированным типом темпоральности* свойственен гедонистический вариант адаптивной активности – ориентация на получение удовольствия, достижения комфорта и минимизации страданий, при этом субъект не ис-

пользует ресурсы прошлого опыта и не планирует перспективы будущего.

Результаты исследования показывают, что гипотеза о наличии различий в ориентациях адаптивной активности у субъектов с разным типом темпоральности личности, нашла свое эмпирическое подтверждение.

Далее обратимся к содержательному описанию типов темпоральности личности, особенности которых представлены в таблице 3.

Перейдем к содержательному описанию типов темпоральности личности, при этом будем использовать результаты нашего предыдущего исследования, в котором эмпирически установлены личностные детерминанты темпоральности (Духновский, Мищенко, Мионов, 2022).

Невротично-фиксированный тип.

Запрещающий временной сценарий – время воспринимается субъектом как условие, ограничивающее возможности его самореализации (проявления его способностей, возможностей и потенциалов), лишая при этом сил и энергии; в сочетании с пассивным отношением к жизни, преобладанием пессимистической позиции в оценке многих жизненных ситуаций, неверием в возможность успешного преодоления препятствий; дискомфортом в сложных, неоднозначных, неопределенных ситуациях, желанием внести в свою жизнь максимальную ясность и однозначность.

Временная направленность – «фиксация на прошлом»: сосредоточен на своем прошлом, однако не использует его ресурсы и не планирует реальные перспективы будущего, что сопровождается переживанием отсутствия желаемого благополучия, на фоне неблагоприятного психического состояния, неудовлетворенности отношениями с окружающими.

Отношение ко времени: навязчивое желание и стремление рационально планировать, использовать своё время, контролировать его.

Время обладает подавляющей функцией для субъекта – лишает его сил, энергии для проявления активно-

Таблица 3. Типы темпоральности личности

Table 3. Types of temporality of personality

Темпоральные характеристики	Тип темпоральности личности		
	Ресурсный	Невротично-фиксированный	Инфантильно-фиксированный
Временная направленность	– настоящее и будущее	– фиксация на прошлом	– фиксация на настоящем
Временной сценарий	– разрешающий	– запрещающий	– инфантильно разрешающий
Отношение ко времени	– пластичность	– зависимость	– индифферентность
Функции времени	– ограничивающая – мобилизующая	– подавляющая – ограничивающая	– ограничивающая

сти, выражения индивидуальности, не даёт проявить свои способности, потенциалы и достичь желаемых для себя целей.

Адаптивная активность: предпочитают использовать гомеостатический вариант адаптивной активности.

Личностные характеристики:

- объективность, рассудительность, самоконтроль, педантичность, пунктуальность, внимательность к деталям и мелочам, хорошее осознание и соблюдение социальных норм и требований, способность к планированию жизни (поведения и деятельности), самодостаточность и независимость;

- преобладание собственных мнений, взглядов, убеждений над общепринятыми, защита своей индивидуальности и независимости;

- отсутствие инициативы в поиске контактов с людьми, трудности в выражении своих чувств и выстраивании эмоционально близких отношений с людьми;

- предпочтение индивидуальной работе и принятию решений, ориентация на исполнение конкретных поручений, но без проявления инициативы.

Инфантильно-фиксированный тип.

Разрешающий временной сценарий, обусловленный завышенной самооценкой, недостаточно развитым пониманием себя либо неприятием и отвержением трудностей.

Временная направленность – «ресурсная направленность на настоящее и будущее»: обращение субъекта к своему психологическому настоящему и будущему способствует изменению его психического состояния и настроения в благоприятную для себя сторону, повышает веру в себя, свои способности, дает возможность позитивно изменить отношение к себе и взаимоотношения с другими людьми.

Отношение ко времени – индифферентность (равнодушие): отсутствие ценностного отношения к своему времени, желания и способности конструктивно распоряжаться им, использовать время в качестве ресурса для реализации себя, своих способностей и потенциалов.

Время обладает ограничивающей функцией – тормозит, ограничивает активность субъекта, удовлетворение его потребностей и желаний, реализацию способностей, достижение желаемых целей.

Адаптивная активность: предпочитают использовать гедонистический вариант адаптивной активности.

Личностные характеристики:

- хорошие адаптивные способности, стремление к сотрудничеству, искренность и непосредственность, упорство, ориентация на достижения, непереносимость монотонной работы;

- преобладание собственных мнений, взглядов и убеждений над общепринятыми, защита своей индивидуальности и независимости, ориентация на развитие себя;

- частое пребывание в приподнятом настроении, даже при отсутствии для этого каких-либо внешних поводов, может быть впечатлительным по поводу печальных событий и фактов;

- убежденность в том, что жизнь неподвластна сознательному контролю, свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Ресурсный тип темпоральности.

Разрешающий временной сценарий – время обладает для субъекта созидательной функцией, выступает ресурсом для проявления индивидуальности и реализации активности, способствуя активному отношению к жизненной ситуации; дает ощущение сил для преодоления препятствий и достижения своих целей, веры в свои возможности и восприятию жизни как интересной, эмоционально насыщенной и наполненной смыслом в сочетании с позитивным отношением к новизне, сложным задачам и неопределенным ситуациям.

Временная направленность – «фиксация на настоящем»: сосредоточен на своем настоящем, не использует ресурсы прошлого опыта и не планирует реальные перспективы будущего, что сопровождается переживанием отсутствия желаемого благополучия, на фоне неблагоприятного психического состояния, неудовлетворенности отношениями с окружающими.

Отношение ко времени – гибкость (пластичность) в планировании, контроле, рациональном использовании своего времени.

Функции времени – мобилизующая и ограничивающая. Если время стимулирует активность субъекта, выступает ресурсом для удовлетворения своих желаний и потребностей, достижения желаемых для себя целей, раскрытия потенциалов и способностей, то оно выполняет «мобилизующую функцию». Если время тормозит, ограничивает активность субъекта, удовлетворение его потребностей и желаний, реализацию способностей, достижение желаемых целей, то оно выполняет «ограничивающую функцию».

Адаптивная активность: предпочитают использовать прагматический вариант адаптивной активности.

Личностные характеристики:

- осознание и хорошее владение своими способностями, чувство статуса и власти, добросовестность, серьезность, ответственность, аккуратность, готовность к взаимопомощи, предпочтение индивидуальной работы, энтузиазм и увлеченность делом;

- представление о себе как о сильной личности, обладающей свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле; ориентация на достижение поставленных целей;

- ориентация на установление благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодей-

ствия, расширение своих межличностных связей, реализация своей социальной роли;

– руководство морально-нравственными принципами в своем поведении и деятельности.

Заключение

В ходе исследования нашло свое эмпирическое подтверждение предположение о том, что сочетание временной направленности с временным сценарием, и релевантным им отношением ко времени, его функциями, а также ведущей ориентацией адаптивной активности и личностными особенностями определяет ресурсный, невротично-фиксированный и инфантильно-фиксированный типы темпоральности.

Установлено, что «ресурсный тип темпоральности» представляет собой сочетание разрешающего временного сценария с направленностью на настоящее и будущее, гибким отношением ко времени, которое выполняет мобилизующую функцию для субъекта. Прагматизм является ведущей ориентацией адаптивной активности для субъектов с данным типом темпоральности. «Невротично-фиксированный тип темпоральности» – это сочетание запрещающего временного

сценария с фиксацией на прошлом, временной зависимостью, где время обладает ограничивающей и подавляющей субъекта функциями. Гомеостатическая ориентация является ведущей адаптивной активностью для субъектов с данным типом темпоральности. «Инфантильно-фиксированный тип темпоральности» – сочетание инфантильно-разрешающего временного сценария с фиксированной направленностью на настоящее, равнодушным (индифферентным) отношением ко времени, которое выполняет ограничивающую функцию для субъекта. Гедонизм является ведущей ориентацией адаптивной активности для субъектов с данным типом темпоральности.

Полученные данные дополняют разрабатываемую нами концепцию темпоральности личности новым психологическим содержанием. Созданные нами методики позволяют описать типы темпоральности личности, которые правомерно использовать для изучения ресурсов и потенциалов личности, особенностей и перспектив ее жизненного пути. Использование знаний о темпоральных типах личности позволяет прогнозировать поведение человека как в обыденной жизни, так и трудовой деятельности.

Список литературы

- Абульханова, К. А., Березина, Т. Н. (2001). *Время личности и время жизни*: монография. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Вечканова, Е. М. (2014). Специфика временной перспективы личности при различных уровнях переживания кризиса идентичности. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 4 (60) (2), 117–122.
- Головаха, Е. И., Кроник, А. А. (1984). *Психологическое время личности*. Киев: Наукова Думка.
- Горькая, Ж. В. (2014). Социокультурный анализ психологии восприятия времени. *Вестник Самарского государственного университета*, 9 (120), 245–250.
- Гурова, О. С. (2019). Особенности временной перспективы людей с хроническими заболеваниями. *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*, 5 (5 (16)), 14–24. URL: <http://hpcas.ru/article/view/7216>
- Духновский, С. В. (2021). Шкала «Отношение к времени»: психометрическая характеристика и возможности использования. *Личность: ресурсы и потенциал*, 4 (12), 59–66.
- Духновский, С. В., Мищенко, В. А., Миронов, А. В. (2022). Личностные характеристики педагогов зрелого возраста с разным отношением ко времени. *Северный регион: наука, образование, культура*, 1 (49), 39–46. <https://doi.org/10.34822/2312-377X-2022-1-39-46>
- Духновский, С. В., Заикин, А. В. (2023). Особенности временной направленности субъектов, переживающих и непереживающих безопасность. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 28 (2 (93)), 133–138. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-293-133-138>
- Забелина, Е. В. (2018). Время в восприятии современной молодежи: отражение культуры постмодернизма. *Гуманитарные науки*, 4 (44), 17–23.
- Зимбардо, Ф., Бойд, Дж. (2010). *Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь Прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим*. Санкт-Петербург: Речь.
- Клочко, В. Е., Краснорядцева, О. М., Хван, Н. В. (2015). Индивидуально-психологические характеристики двух типов хронотипической организации жизненного мира человека. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3 (63) (3), 148–154.
- Ковалев, В. И. (1995). Особенности личностной организации времени жизни. В *Гуманистические проблемы психологической теории*: сборник статей (стр. 179–184). Москва: Наука.
- Кравцова, Я. В., Дубовицкая, Т. Д., Абдуллин, А. Г. (2020). Психологическое время и самооффективность личности. *Психология. Психофизиология*, 13 (3), 17–23. <https://doi.org/10.14529/jpps200302>

- Петровский, В. А. (1992). *Психология неадаптивной активности*. Москва: ТОО «Горбунок».
- Печерская, С. А. (2014). Психологическое время как психологический аспект здоровья личности. *Вестник Университета*, 21, 292–297.
- Чеврениди, А. А. (2019). Особенности временной перспективы у руководителей разного должностного уровня. *Организационная психология*, 7 (1), 83–96.
- Яницкий, М. С., Серый, А. В., Браун, О. А., Балабашчук, Р. О. (2021). Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 23 (2), 466–476. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-466-476>
- Яничев, П. И. (2007). Психология отражения и переживания времени: актуальные проблемы. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 42, 7–20.
- Reisch, L. A. (2001). Time and Wealth. *Time & Society*, 10(2-3), 367–385. <https://doi.org/10.1177/0961463X01010002012>
- White, L. T., Valk, R., & Dyalmy, A. (2011). What Is the Meaning of “on Time”? The Sociocultural Nature of Punctuality. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 42 (3), 482–493. <https://doi.org/10.1177/00220221110362746>

References

- Abul'hanova, K. A., Berezina, T. N. (2001). *Vremya lichnosti i vremya zhizni: monografiya*. Saint Petersburg: Aletejya.
- Vechkanova, E. M. (2014). Specifica vremennoj perspektivy lichnosti pri razlichnyh urovnayah perezhivaniya krizisa identichnosti. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (60) (2), 117–122.
- Golovaha, E. I., Kronik, A. A. (1984). *Psihologicheskoe vremya lichnosti*. Kiev: Naukova Dumka.
- Gor'kaya, Zh. V. (2014). Sociokul'turnyj analiz psihologii vospriyatiya vremeni. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 9 (120), 245–250.
- Gurova, O. S. (2019). Osobennosti vremennoj perspektivy lyudej s hronicheskimi zabolevaniyami. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta*, 5 (5 (16)), 14–24. URL: <http://hpcas.ru/article/view/7216>
- Dukhnovskij, S. V. (2021). Shkala «Otnoshenie k vremeni»: psihometricheskaya harakteristika i vozmozhnosti ispol'zovaniya. *Lichnost': resursy i potencial*, 4 (12), 59–66.
- Dukhnovskij, S. V., Mishchenko, V. A., Mironov, A. V. (2022). Lichnostnye harakteristiki pedagogov zrelogo vozrasta s raznym otnosheniem ko vremeni. *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura*, 1 (49), 39–46. <https://doi.org/10.34822/2312-377X-2022-1-39-46>
- Dukhnovskij, S. V., Zaikin, A. V. (2023). Osobennosti vremennoj napravlenosti sub'ektov perezhivayushchih i neperezhivayushchih bezopasnost'. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 28 (2 (93)), 133–138. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-293-133-138>
- Zabelina, E. V. (2018). Vremya v vospriyatii sovremennoj molodezhi: otrazhenie kul'tury postmodernizma. *Gumanitarnye nauki*, 4 (44), 17–23.
- Zimbardo, F., Boïd, Dzh. (2010). *Paradoks vremeni. Novaya psihologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn': isprav' Proshloe, naslazhdajsiya Nastoyashchim i upravlyaj Budushchim*. Saint Petersburg: Rech'.
- Klochko, V. E., Krasnoryadceva, O. M., Hvan, N. V. (2015). Individual'no-psihologicheskie harakteristiki dvuh tipov hronotipicheskoy organizacii zhiznennogo mira cheloveka. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (63) (3), 148–154.
- Kovalev, V. I. (1995). Osobennosti lichnostnoj organizacii vremeni zhizni. V *Gumanisticheskie problemy psihologicheskoy teorii: sbornik statej* (str. 179–184). Moscow: Nauka.
- Kravcova, Ya. V., Dubovickaya, T. D., Abdullin, A. G. (2020). Psihologicheskoe vremya i samoeffektivnost' lichnosti. *Psihologiya. Psihofiziologiya*, 13 (3), 17–23. <https://doi.org/10.14529/jpps200302>
- Petrovskij, V. A. (1992). *Psihologiya neadaptivnoj aktivnosti*. Moscow: ТОО «Горбунок».
- Pecherskaya, S. A. (2014). Psihologicheskoe vremya kak psihologicheskij aspekt zdorov'ya lichnosti. *Vestnik Universiteta*, 21, 292–297.
- Chevrenidi, A. A. (2019). Osobennosti vremennoj perspektivy u rukovoditelej raznogo dolzhnostnogo urovnya. *Organizacionnaya psihologiya*, 7 (1), 83–96.
- Yanicikij, M. S., Seryj, A. V., Braun, O. A., Balabashchuk, R. O. (2021). Hronotopicheskie harakteristiki obraza mira v situacii pandemii COVID-19. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23 (2), 466–476. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-466-476>
- Yanichev, P. I. (2007). Psihologiya otrazheniya i perezhivaniya vremeni: aktual'nye problemy. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 42, 7–20.

Reisch, L. A. (2001). Time and Wealth. *Time & Society*, 10(2-3), 367–385. <https://doi.org/10.1177/0961463X01010002012>
White, L. T., Valk, R., & Dialmy, A. (2011). What Is the Meaning of “on Time”? The Sociocultural Nature of Punctuality. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 42 (3), 482–493. <https://doi.org/10.1177/00220221110362746>

Информация об авторе:

Сергей Витальевич Духновский – профессор кафедры юридической психологии, доктор психологических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 27.10.2023

Одобрена после рецензирования 30.11.2023

Опубликована 15.12.2023

About the authors

Sergey V. Dukhnovsky – Professor of the Department of Legal Psychology, Dr. Sci. (Psy.), Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted October 27, 2023

Approved after reviewing November 30, 2023

Accepted December 15, 2023

УДК 008+316.315

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-394-402

Влияние современной сетевой субкультуры «аниме» на сознание несовершеннолетних

Тамара Гарегиновна Саградова

Краснодарский университет МВД России

(Краснодар, Россия)

tamara.sagradova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4466-2690

Аннотация

Введение. В настоящее время отношение российского общества к субкультуре аниме варьируется в диапазоне от паники до полного приятия. Аниме является глобальной культурой с локальными сообществами и не признает государственных границ. Аниме-сообщество включает в себя структуру, нормы, ценности и определенный уровень взаимоотношений. Объектом исследования стала группа учащихся МБОУ СОШ № 19 и МБОУ СОШ № 39 г. Краснодара (90 анкет), возраст учащихся от 10 до 17 лет. Цель исследования – изучить специфику и получить представление о субкультуре аниме, определить степень ее влияния на несовершеннолетних.

Методы исследования – теоретический анализ, выявление с помощью контент-анализа мультипликаций внутренних символов, смыслов и тенденций. В исследование входил социальный опрос о медийных предпочтениях в жанрах аниме. Использовалось также включенное наблюдение в виртуальном пространстве на форумах, чатах, а также материалы средств массовой информации. Анализировались законодательные акты и решения органов власти о блокировке сайтов, относящиеся к противоправному контенту и запрещенной пропаганде суицида и наркотических средств.

Результаты. Комплексное исследование позволило выработать рекомендации о мерах профилактики и повышении бдительности для родителей несовершеннолетних (или их законных представителей) для оперативного удаления из сети запрещенной информации.

Ключевые слова

неформальные группы, субкультура аниме, суицид, «ЧВК Рёдан», несовершеннолетние

Благодарности

Выражаю благодарность анонимным рецензентам за обратную связь и сотрудничество.

Для цитирования: Саградова, Т. Г. (2023). Влияние современной сетевой субкультуры «аниме» на сознание несовершеннолетних. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 394–402. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-394-402.

Original paper

Influence of modern online subculture "anime" on the consciousness of minors

Tamara G. Sagradova

Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of Russia
(Krasnodar, Russia)
tamara.sagradova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4466-2690

Abstract

Introduction. Nowadays, Russian society's attitude towards the anime subculture varies from panic to complete acceptance. Anime is a global culture with local communities and does not respect state borders. Anime community includes structure, norms, values and a certain level of relationships. The object of the study was a group of students of school №19 and school №39 in Krasnodar (90 questionnaires), the age of students is from 10 to 17 years old. The aim of the research is to study the specifics and get an idea of the anime subculture, to determine the degree of its influence on minors. **Research methods** consisted of theoretical analysis, identification of internal symbols, meanings and trends through content analysis of anime cartoons. The research included a social survey on media preferences in anime genres. Participatory observation in virtual space in forums, chat rooms, as well as media materials were also used. Legislative acts and decisions of authorities on blocking websites related to illegal content and prohibited propaganda of suicide and drugs were analysed. **Results.** The comprehensive study made it possible to develop recommendations on preventive measures and increased vigilance for parents of minors (or their legal representatives) to promptly remove prohibited information from the network.

Keywords

informal groups, anime subculture, suicide, "PMC Redan", minors

Acknowledgments

I express my gratitude to the anonymous reviewers for their feedback and co-operation.

For citation: Sagradova, T. G. (2023). Influence of modern online subculture "anime" on the consciousness of minors. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 394–402. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-394-402.

Введение

Аниме как культурный феномен возникло в Японии. Сам термин появился как сокращение от англ. «animation» – анимация. В настоящее время аниме стало значительной частью японской культуры. Изучением данного феномена занимаются более 50 университетов мира, об этом феномене написано около 200 монографий в разных странах. В России исследования молодежных субкультур аниме и манга изучались А. Х. Габдуллиной (субкультура аниме

рассматривается в контексте глобализации), Е. И. Чикоровой и С. А. Богамазовым (проводится анализ субкультур). Этой теме посвящены также кандидатские диссертации А. М. Рябининой и Е. С. Сычевой (анализ косплея и выявление отношения к нему в российском обществе). В работе Е. Л. Катасоновой подробно изучено значение аниме для Японии. Особого внимания заслуживает исследование И. Ю. Лебедевой и Я. В. Лапчуки, рассмотревших психологические аспекты молодежных субкультур.

Гипотеза исследования: Существует взаимосвязь между деструктивным девиантным поведением и изменением картины мира и представления окружающей действительности несовершеннолетнего после просмотра мультипликационного контента «аниме».

Цель исследования заключается в выявлении отличительных признаков и скрытых тенденций изменения взглядов подростков, классификации субкультуры аниме в жизни современной молодежи и выработке рекомендаций первичной формы профилактики.

Объект исследования: группа учащихся МБОУ СОШ № 19 и МБОУ СОШ № 39 г. Краснодара (90 анкет), возраст учащихся от 10 до 17 лет, 46 девочек и 44 мальчика.

Методология и методы

В исследовании использовался теоретический анализ, выявление внутренних символов, смыслов и тенденций с помощью контент-анализа мультипликаций, проводился социологический опрос представителей субкультуры аниме в социальной сети «ВКонтакте», использовалось включенное наблюдение и общение в группах поклонников аниме.

Источники исследования: результаты анкетирования; нормативные правовые акты государственных учреждений и документы, регулирующие деятельность судов. За единицы анализа принимаются персонажи, текст, диалоги героев аниме-сериалов и комиксов.

Аниме-фильмы стали дальнейшим развитием особых японских комиксов – манга. Персонажи аниме продумываются и прорисовываются создателями с особой тщательностью и уникальной эстетикой: здесь не встретишь двух похожих героев. Культура аниме сегодня активно развивается. Она обладает собственной символикой, выражающейся в субкультурной идентичности: это прически, одежда, аксессуары и ритуалы. В нашей стране у истоков этого молодежного течения стояли «Покемоны» и «Сейлор Мун». Несовершеннолетние приверженцы этой субкультуры носят одежду ярких цветов, окрашенные волосы, символику аниме, рюкзаки и игрушки. Немаловажную часть образа персонажа составляет цветовая палитра. Для «посвященного» цвет представляет особый символ, характеризующий героя. К примеру, белый символизирует божественность, смерть, суперспособности, а также принадлежность персонажа к высшим слоям общества; черный – благородство, решительность, сдержанность; желтый олицетворяет нестандартного героя; красный означает восхищение и высокое происхождение персонажа. Помимо цветовой гаммы, особое внимание в персонажах аниме уделяется глазам и музыкальному сопровождению. У детей и положительных персонажей обычно большие блестящие глаза,

отрицательные герои, напротив, имеют характерный прищур. Музыкальное сопровождение, как правило, состоит из треков популярных музыкальных групп и исполнителей.

Аниме можно классифицировать как по возрастному признаку, так и по направлениям. Наиболее популярны киберпанк – мрачное будущее; стимпанк – параллельные вселенные; хентай – аниме эротического характера; апокалиптика – конец времен.

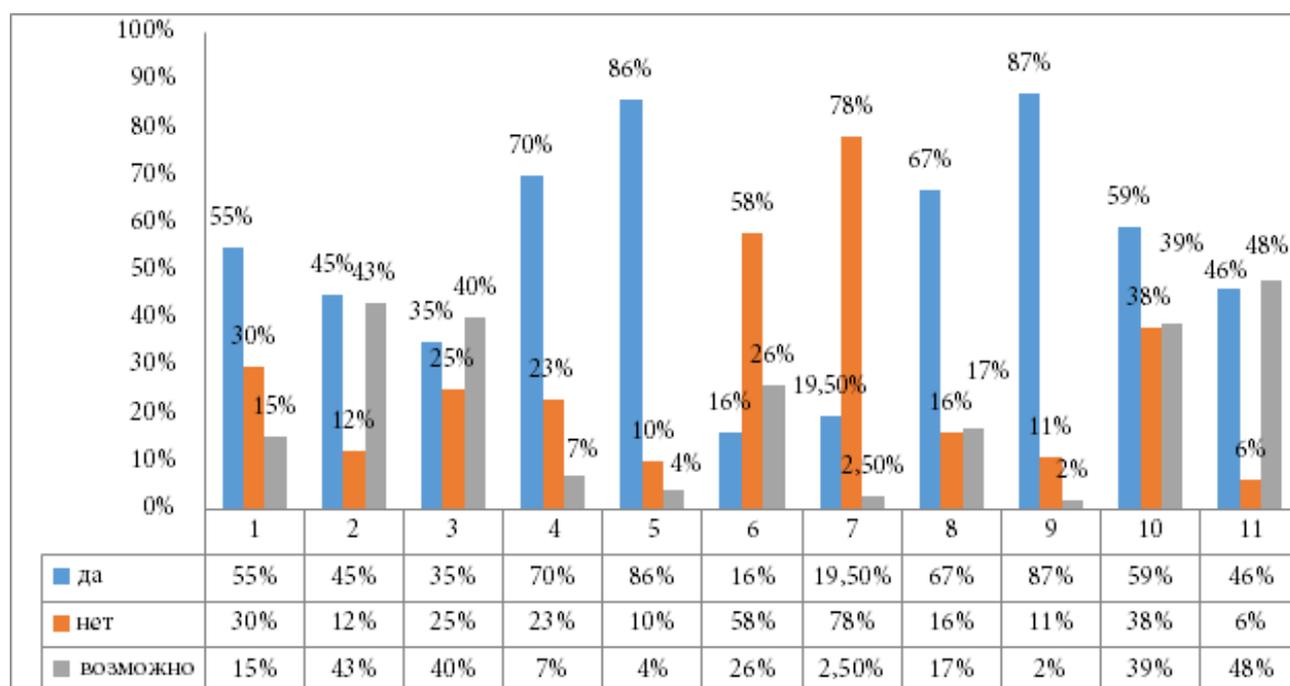
Популярность аниме среди несовершеннолетних связана с тем, что отаку (человек, который увлекается чем-либо, за пределами Японии слово обычно употребляется по отношению к фанатам аниме или манги) легко вписывается в социальную культуру, в аксиологическое восприятие реальности, поскольку персонажи и их чувства приближены к повседневной жизни подростка, который с пониманием и симпатией относится к постоянной борьбе героев с проблемами, их благородству и самопожертвованию. Близка им и стилистика аниме, напоминающая популярное молодежное направление «граффити», мотивы дзен-буддизма с его особой философией.

Субкультура как таковая представляет собой специфическую часть культуры внутри основной культуры, отличающуюся самостоятельной системой ценностей и нормами. По большей части приверженцами субкультур являются подростки. Российские фанаты аниме именуют себя «анимешники». Созданная кинорежиссером, мультипликатором или художником виртуальная цивилизация воспринимается как реальная. Происходящие в ней события, развивающиеся отношения занимают в сознании все больше места, находиться в этой выдуманной жизни подростку становится все комфортней и интересней. Следствием этого становится добровольное уединение, переходящее порой в полную социальную изоляцию. В японском языке появился специальный термин «хикикомори», означающий человека, находящегося в подобной изоляции более полугода. Среди несовершеннолетних такое поведение стало трендом. Оно романтизируется в сериалах, а такие люди называются «хикки». Погруженным в виртуальный мир «хикки» все сложнее социализироваться и адаптироваться к реальным условиям. Культивируется общение именно в форумах, где обсуждаются персонажи аниме. Происходит трансформация личности, разрушаются или искажаются коммуникации, моральные нормы, социальные отношения.

Таким образом создается модель поведения фанатов, копирующих своих кумиров в реальности.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ результатов опроса учащихся (см. рис. 1) показал уровень их вовлеченности в эту субкультуру, показал, чем интересуются и чему отдают предпочтение несовершеннолетние.

1. Любите смотреть аниме?
2. Вы просматриваете аниме фильмы и сериалы более 2 часов в день?
3. Читаете ли Вы мангу?
4. Вы давно увлекаетесь аниме (больше 1 года)?
5. Считаете ли Вы, что после просмотра аниме ваши взаимоотношения с окружающими изменились?
6. Есть ли у Вас любимый антигерой из аниме?
7. В аниме Вам импонирует агрессия, месть и насильственные действия антигероев?
8. После просмотра аниме возникала ли у Вас потребность в изменении своей внешности?
9. Сколько аниме вы смотрели? (Много, более 30 часов а неделю).
10. Хотели бы Вы стать именно «плохим» персонажем из аниме, чтобы также отомстить всем?
11. Посещали ли Вас мысли о жизни и смерти после просмотра аниме-сериалов?

Рис. 1. Анализ опроса вовлечённости

Fig. 1. Engagement survey analysis

Интервьюирование показало, что несовершеннолетние, увлекающиеся субкультурой аниме, быстро проникаются проблемами героев аниме-сериалов и ищут схожесть с собственными. Это и конфликты в семье, и отвержение сверстников: «Сопереживая герою, я представляю себя на его месте и задаюсь вопросом, смог бы также поступить?», «Мне бы хотелось быть внешне похожим на героев из сериалов аниме». Исходя из опроса и интервьюирования, были рассмотрены отличительные признаки данной субкультуры. К их числу можно отнести:

- особые интересы – коллекционирование выпусков манга и аниме, постеров, художественное рисование в этом стиле, написание небольших повестей в стиле аниме;

- своеобразный язык общения. Среди самых популярных: «ня» – описывающее все что угодно; «кавай» –

что-то непостижимое и интересное; «сайонара» – до свидания; «охайо» – доброе утро и др.;

- внешний вид, куда можно отнести ношение брекетов, символики на одежде, значков, тонкой косички спереди. Помимо этого, анимешники косплеят героев любимых аниме (косплей – полное воссоздание образа героя, включая одежду, крафт и даже характер). Они отождествляют себя с конкретным персонажем и перенимают его стиль, манеру поведения, фразы и т. п.;

- участие в неформальных сообществах. Среди наиболее популярных «махо седзе» – волшебницы, «муняшки» – любители мультфильма «Сейлор Мун». Представители «муняшек» носят школьную форму, фиолетовые волосы, короткие юбки. «J-рокеры» – анимешники, увлекающиеся японской музыкой. Детское

направление анимешников ярко представлено «покемонами» – фанатами мультфильма «Покемоны».

Подробно течения «аниме» рассматривались в работах Т. Щепанской, Е. Омельченко, В. Лукова.

«Анимешников» можно подразделить на следующие подгруппы.

– Новички. Данный тип только вступил в изучение культуры аниме, не знает языка, однако увлекается рисованием аниме.

– Интересующиеся. Данный тип пока не вступил в ряды конкретной группы, имеет несколько созданных аниме, изучает язык, посещает специализированные мероприятия.

– Японисты. Данный тип увлекается не только аниме, но и всем, что связано с Японией. Занимаются коллекционированием, посещают специальные форумы, участвуют в клубах «анимешников».

Контент-анализ показал, что, говоря о проблемах повседневности, мультипликаторы уходят глубоко в философию, затрагивая, в частности, проблемы ценностных ориентаций. У персонажей аниме имеются завуалированные психологические особенности, заставляющие читателя или зрителя сочувствовать антигероям.

Чаще всего герой аниме – одиночка, непонятый социумом, или жертва, вызывающая эмпатию. Возникает воздействие на зрителя, вызывающее защитно-бессознательную травматическую связь, романтизирующее персонаж и оправдывающее его девиантное поведение.

В соответствии со ст. 731 Гражданского кодекса Японии возраст согласия вступления в половые отношения составляет 13 лет, а в России возраст согласия – 16 лет, что уже является законодательно существенным различием. Таким образом, просмотр многих сюжетов аниме, которые японский законодатель считает допустимыми для подростков 13–15 лет, в России будет противоправным. Кроме того, дети и до 12 лет могут игнорировать указание возрастного ценза по причине доступности информации в социальных сетях и просматривать аниме о половых отношениях между аниме-субъектами, один из которых вполне может быть его (зрителя) ровесником. Как правило, по сюжету малолетние персонажи нередко ведут себя пассивно и беспомощно, подавая соответствующий пример поведения малолетнему «анимешнику». Далее, указанные аниме-фильмы часто развивают темы насилия, смерти, сексуальных отклонений. В сюжетах запрещенных к просмотру в России аниме-сериалов экранизированы поведенческие шаблоны, допускающие (и даже считающие это в порядке вещей) совершение правонарушений и преступлений. В аниме-сериалах назойливо повторяются, например, сцены побоев, истязаний, убийств, что деструктивно воздействует на сознание и ценностные ориентации личности.

Написание собственных коротких повестей (фанфиков) также может приобретать негативный оттенок.

Возьмем, к примеру, такие популярные направления, как «слеш» и «фурри». Фанфики типа «слеш» в основном посвящены однополым отношениям между героями (используются образы героев уже написанного произведения). В произведениях типа «фурри» действуют антропоморфные герои (то есть животные, разговаривающие и ведущие себя как люди). В некоторых сюжетах животные вступают в половую связь, и такой сюжет способен причинить серьезный вред психическому здоровью несовершеннолетних, нравственному, духовному, а также сексуальному самоопределению их личности. Мир аниме четко прорисован, что придает ему некоторую степень сходства с компьютерными играми и отчасти поэтому воспринимается как виртуальная альтернатива (лучшая версия) действительности. При просмотре мультипликаций несовершеннолетние «анимешники» теряют связь с реальным миром, так как фильмы оказывают негативное воздействие на зрителя, для чего используются самые различные способы: внушение, убеждение, вовлечение и побуждение, далее же идет, соответственно, подражание. По мнению М. Б. Агеевой, субкультура аниме вызывает серьезную зависимость. В среде фанатов это называется «подсесть на аниме». «Мир аниме настолько отличается от привычного мира, что психика в течение всего времени просмотра прибывает в напряженном состоянии. Яркие, захватывающие, необычные образы, все чрезмерно: цвет, эффекты, фантастические сюжеты. Вследствие этого несовершеннолетний уже не удовлетворяется тем реальным миром, который существует вокруг него» (Агеева, 2016, с. 21).

Для выявления особенностей аудитории потребителей аниме и манги мы сочли необходимым выяснить жанровые предпочтения и расположить их по популярности. В опросе приняли участие 90 респондентов, активных пользователей субкультуры аниме. Результаты опроса участников аниме-сообществ, проведенного в социальной сети «ВКонтакте», представлены в табл. 1.

Жанровое разнообразие здесь огромно, в таблице показана лишь основная часть предпочтений аниме и манги в России. Опрос респондентов показал также, что в «анимешных» сериалах все циклично: на протяжении большинства серий показываются одни и те же действия. Этот фактор формирует шаблонность мышления и вызывает желание повторить демонстрируемые действия. А действия эти из разряда девиантных: в фильмах активно пропагандируются легкодоступное поведение, неестественная худоба, смещение гендерных социальных ролей, когда девушки обладают маскулинными чертами, а юноши, наоборот, показываются инфантильными мечтателями. Кроме того, некоторые герои страдают различными психическими расстройствами и носят символику сатанизма.

Анализировались также тематические группы социальной сети «ВКонтакте», где в выдаче по запросу

Таблица 1. Анализ опроса жанров аниме

Table 1. Analysis of the Anime genre survey

Жанры	Процент респондентов
Аниме о романтизированной любви	19 %
Мистические жанры, постапокалиптика и фэнтези (магия, таинственные силы, путешествия между мирами)	24 %
Йой (о мужских гомосексуальных отношениях) и Юри (о женских гомосексуальных отношениях)	14 %
Хентай (эротические или порнографические аниме)	16 %
Самурайские боевики (сюжет о самураях ниндзя)	18 %
Детективы	19%
Комедии	20 %

«аниме» показываются около 219 тысяч сообществ, в основном депрессивного и агрессивного характера. Кроме того, в этих сообществах действуют боты, которые генерируют «массовую печаль». Названия групп говорят сами за себя: «Психбольница аниме», «Анимен», «Кто псих? Я псих», «Кровавые аниме», «Аниме-суицид», «Джефф-убийца», «Реальность? Нет, мне аниме по душе». Подобный депрессивный материал оказывает негативное психологическое воздействие на сознание, создавая у членов сообществ конкретные психологические установки. Большая часть постов посвящена эротике, созданию отрицательного образа школы и образования в целом. Однако гораздо большую опасность таят в себе комментарии, в которых публикуются призывы вступать в подобные группы, в группы с суицидальным подтекстом и т.п. Страницы социальных сетей представляют собой обширное поле по изучению личности. По постам на стене, фотографиям и сообществам можно определить ценностные идеалы личности, по музыкальным композициям – ее эмоциональное состояние. Все это эффективный инструмент кураторов подобных групп для воздействия на несовершеннолетних.

Как пример, приведем сюжет аниме-сериала «Класс убийц». Инопланетянин работает школьным учителем, и школьники должны его убить, иначе он уничтожит планету. На протяжении 50 серий повторяется один и тот же набор действий. «Положительные» герои аниме (школьники) агрессивны, в сериале постоянно происходят

драки, схватки и т. п. Психологи в своих исследованиях отмечают, что просмотр подобного контента на протяжении длительного времени может сформировать у зрителя «афганский синдром». Насилие и жестокость становятся частью повседневности и уже воспринимаются как норма поведения, как результат, у несовершеннолетних смещается фокус ценностных ориентиров.

Помимо жестокости, стоит упомянуть о теме смерти, весьма популярной в аниме. Отношение к смерти в Японии абсолютно отличается от западных представлений. В аниме проскальзывает мысль, что суицид – это финал логических рассуждений. Смерть на экране предстает красивой, эффектной, романтической и привлекательной. Примером может послужить нашумевшее аниме «Тетрадь смерти». По сюжету мальчик записывает в тетрадь имена людей, которые после этого умирают. После демонстрации аниме на рынке в продаже появились такие тетради, однако в дальнейшем их продажу запретили.

В России эта тема тоже актуальна. В 2013 году активисты фонда «Уральский родительский комитет» передали обращение к Президенту РФ с требованием запрета манги и аниме на территории России. Поводом послужило самоубийство несовершеннолетней из Екатеринбурга. После осмотра места происшествия представителями правоохранительных органов были обнаружены книги «Тетрадь смерти». Еще один трагический случай произошел в Уссурийске в 2015 году, когда несовершеннолетняя покончила с собой. Перед суицидом она выложила пост в социальной сети с подписью: «Ня.Пока», что свидетельствует о принадлежности к «анимешникам».

Стоит сказать и о подаче в аниме семейной темы. Как правило, родители у героя либо отсутствуют, либо всячески издеваются над ним, пропагандируя деструктивные ценности. И такая пропаганда дает свои плоды. В 2016 году в Новосибирске двое подростков, ворвавшись в квартиру, нанесли ножевые ранения женщине, как впоследствии выяснилось, матери подруги преступников. Таким образом 13-летняя Наташа решила расправиться со взрослыми, которые «мешали ей жить». Анализ её страницы в социальной сети показал, что размещенный на ней контент состоит сплошь из «анимешных» групп.

Обозначим выявленные механизмы влияния на сознание несовершеннолетних:

1. Вовлечение через интенсивность просмотров аниме.
2. Пропаганда свободы, власти, независимости и жажда власти (на примере мультипликационной картины «Тетрадь смерти»).
3. Отсутствие медиабезопасности в силу возраста.
4. Побуждение к деструктивным поведенческим действиям.
5. Осуждение и критика окружающих (родителей, одноклассников, общество).
6. Намек на «недостойное» окружение (одноклассники, родители, учителя), пропагандирующие, на взгляд антигероя, «истинные» ценности.

7. Требование от окружающих беспрекословного подчинения согласно собственным потребностям, игнорируя рамки общественных норм на примере антигероя.

8. Совет или намек читателю, зрителю о «правильных взаимоотношениях» и восторжествовании справедливости через мщение.

Сегодня молодежные субкультуры, сформировавшиеся через средства массовой информации, практически в полном объеме становятся частью системы. Достаточно вспомнить о «ЧВК Рёдан».

«ЧВК Рёдан» – молодежное интернет-сообщество любителей аниме¹, точнее, одной-единственной манги «Hunter x Hunter» («Охотник против охотника») – книги с аниме-иллюстрациями, которая читается задом наперед. В ней рассказывается о группировке, созданной Геней Рёдан и состоящей из 12–15 киллеров, убивающих своих противников. Символ группы – паук с 12 лапами и цифрой «4» на спине – это номер самого властного антигероя. Отметим, что эта манга выходит с 1998 г., но ее антигерои обрели большую популярность только в последние годы. Подростки из субкультуры «ЧВК Рёдан» максимально полно копируют внешний образ персонажей преступной группировки из манги «Hunter x Hunter», основными атрибутами которой являются балахонная одежда темного цвета с изображением 12-лапого паука с цифрой «4» на спине, длинные волосы, клетчатые широкие штаны. В интернете сегодня насчитывается множество групп, связанных с «ЧВК Рёдан». Администраторы каналов убеждают, что данное сообщество не пропагандирует насилие, наркотики, алкоголизм, а также суицид².

У роликов, снятых приверженцами «ЧВК Рёдан» и выложенных в интернет, сегодня большая аудитория. Одно из первых «мероприятий» сторонников новой субкультуры, было проведено в Москве в ТЦ «Авиапарк», и вслед за этим с молниеносной скоростью последователи ранее малоизвестной группы любителей аниме стали проявляться в разных городах России: в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Брянске, Барнауле, Челябинске, Туле, Тольятти, Уфе, Ростове-на-Дону, Перми, Южно-Сахалинске.

Автором был также проведен анализ судебной практики в отношении материалов, запрещенных к распространению в сети интернет. Например, в открытом судебном заседании рассмотрено административное дело и осуществлена проверка исполнения законодательства в сфере противодействия распространению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» запрещенных материалов в Колпинском районном суде города Санкт-Петербурга (дело № 2а-720/2021 от 20 января 2021 года по заявлению

прокурора Колпинского района о признании информации, распространяемой посредством сети по сетевому адресу [приводится адрес аниме «Токийский гуль»] информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено). Доказано, что мультсериалы, находящиеся в свободном доступе, содержали информацию, причиняющую вред психическому здоровью, нравственному и духовному развитию несовершеннолетних.

Напомним, что в соответствии с частью 2 статьи 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация:

1) побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, либо жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий;

2) способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;

3) обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

4) содержащая изображение или описание сексуального насилия;

5) отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;

6) пропагандирующая либо демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения;

7) оправдывающая противоправное поведение;

8) содержащая нецензурную брань;

9) содержащая информацию порнографического характера;

10) о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, по-

¹ Свечков, Д., Галимов, О. (2023). Безобидное аниме или опасное движение: кто такие ЧВК «Рёдан» и стоит ли их бояться на Урале. Комсомольская правда. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/27471/4727170/>

² Сообщество Редан. ВКонтakte. URL: https://vk.com/chvk_ryodan

зволюющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего».

Суд постановил запретить распространение японских аниме «Токийский гуль», «Тетрадь смерти», «Инуяшки», «Токийский террор», «Межвидовые рецензенты», «Эльфийская песня» на территории Российской Федерации. Эксперт Санкт-Петербургского института независимых экспертиз и оценки, доктор психологических наук Василий Белов заявил, что эмоциональные образы героев проникают в подсознание и влияют на убеждения и поведение подростков: «В этих фильмах отсутствует грань между добром и злом, стираются границы между положительным и отрицательным героем, культивируется насилие и жестокость, недопустимое отношение к людям, животным, растениям. И что самое опасное – это четкое прослеживание суицидальной тематики. Система поиска в интернете не учитывает возраст, и настройки таковы, что как только пользователь написал «печаль», вокруг него появляется множество ссылок на эту тему. Они ведут и к фильмам, и в закрытые группы. Несовершеннолетний, у которого нарушен эмоциональный фон, попадает в соответствующее окружение. Все это несет колоссальный разрушительный потенциал».

Проведенный анализ подтверждает нашу гипотезу о существовании социальных и психологических взаимосвязей, оказывающих деструктивное влияние на сознание несовершеннолетних путём вовлечения их в субкультуру аниме. Противостоять этому воздействию подросткам сложно, и как результат, у них снижается способность критически мыслить, формируется деспотизм, закрепляются схемы девиантного поведения.

Выводы

Исследование подтвердило факт, что большая часть субкультуры аниме стала важным элементом молодежной культуры. Поклонниками аниме большей частью становятся подростки и дети, которые игнорируют возрастную ценз и переходят на аниме «для взрослых», способствующие изменению их представлений о моральных и семейных ценностях, а также о мире в целом. По нашему мнению, требуется установление контроля над информацией, развращающей сознание и вовлекающей несовершеннолетних в деструктивные сообщества молодежных субкультур.

Избежать негативных последствий, на наш взгляд, могут помочь некоторые первичные профилактические мероприятия:

1) контрпропаганда (длительные диалоги с подростком о том, чего ему хочется, что он чувствует, что его тревожит, какие видит для себя перспективы в будущем. Невозможно постоянно контролировать несовершеннолетнего, и только собственные нравственные убеждения могут оградить его сознание от привлекательного влияния субкультуры);

2) вторичная профилактика, направленная на изменение ценностных установок несовершеннолетнего, коррекция его поведения;

3) формирование негативного отношения к девиантным формам поведения;

4) снижение агрессивности и раздражительности;

5) ориентирование на персональные формы деятельности (обучение, хобби и т.д.);

6) проведение работы с родителями, которые также должны участвовать в воспитательном процессе с несовершеннолетними;

7) родительский контроль за просматриваемым подростком мультимедийным контентом и оперативное извещение соответствующих структур о замеченных призывах к суицидальным действиям и девиантным формам поведения. Так, Роскомнадзор создал мобильное приложение, чтобы граждане могли оперативно подавать жалобы на нецензурную лексику и запрещенный контент в сети. Эти сообщения не анонимны: чтобы пожаловаться, надо будет зарегистрироваться в приложении через портал «Госуслуги». Цель этого приложения РКН – повысить оперативность удаления из сети запрещенной информации. К противоправному контенту, распространение которого в сети законодательно запрещено, относятся материалы, связанные с детской порнографией, пропагандой суицида, наркотических средств и т. п.

Также необходимой мерой профилактики воздействия субкультур является поддержка альтернативных занятий. Например, если несовершеннолетний заинтересован в музыке, ему могут быть предложены занятия в музыкальной школе и спортом.

Подводя итог, заметим, что субкультуры являются важным элементом молодежной культуры. Они могут вдохновлять, способствовать творческому развитию и объединять людей с общими ценностями. В то же время они могут пропагандировать и девиантное поведение. Однако в целом субкультуры оказывают положительное влияние на современную молодежь, помогая ей найти свое место в мире, выразить себя и создать свое социальное окружение.

Список литературы

- Агеева, М. Б. (2016). Восприятие японской культуры через анимэ. Феномен субкультуры «анимешники». В *Новый взгляд. Япония: переломные моменты истории: сборник статей конференции*. Москва.
- Артемов, Р. Ю. (2017). Религиозные символы и атрибуты в фэндомных персонажах отаку. *Труды Минской духовной академии*, 14, 275–290.

- Милукова, А. В. (2017). Влияние японской аниме-культуры на современную молодежь России. *Инновационная наука*, 4 (2), 202–204.
- Наймушина, А. Н. (2016). *История аниме в России*: автореф. дис. ... д. филос. наук. Санкт-Петербург.
- Одегова, К. И. (2018). Анимационный кинематограф как объект комплексного гуманитарного исследования: философский аспект. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*, 2, 143–146.
- Рябинина, А. М. (2018). Отаку атакуют: российское косплей-сообщество в публикациях СМИ (по материалам статей 1999–2017 года). *Артикульт*, 1, 109–127.
- Самойлова, Е. О. (2016). Семантика киберпространства в жанрах аниме. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, 1, 161–167.
- Трифонова, Л. Л. (2016). Мифопоэтический аспект творчества Х. Миядзакки. *Культура. Духовность. Общество*, 27, 82–97.
- Шамяионов, Р., Суздальцев, Н., Бочарова, Е., Акаемова, Ю. (2023). Роль ценностей и вовлеченности молодежи в различные формы активности в предпочтении онлайн/ офлайн-среды. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13 (1), 38–50. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.103>
- Шишкина, Е. В., Зотова, С. В., Хавронина, В. Н., Зотов, В. М. (2020). Японское аниме: исследование его влияния на психологическое здоровье школьников и студентов младших курсов высших учебных заведений России. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 1 (30), 309–312.
- Näsi, M., Tanskanen, M., Kivivuori, J., Haara, P., & Reunanen, E. (2021). Crime News Consumption and Fear of Violence: The Role of Traditional Media, Social Media, and Alternative Information Sources. *Crime & Delinquency*, 67 (4), 574–600. <https://doi.org/10.1177/0011128720922539>

References

- Ageeva, M. B. (2016). Vospriyatie yaponskoj kul'tury cherez anime. Fenomen subkul'tury «animeshniki». V Novyj vzglyad. *Yaponiya: perelomnye momenty istorii: sbornik statej konferencii*. Moscow.
- Artemov, R. Yu. (2017). Religioznye simvol'y i atributy v fendomnyh personazhah otaku. *Trudy Minskoj duhovnoj akademii*, 14, 275–290.
- Milyukova, A. V. (2017). Vliyanie yaponskoj anime-kul'tury na sovremennuyu molodezh' Rossii. *Innovacionnaya nauka*, 4 (2), 202–204.
- Najmushina, A. N. (2016). *Istoriya anime v Rossii*: avtoref. dis. ... d. filoz. nauk. Saint Petersburg.
- Odegov, K. I. (2018). Animacionnyj kinematograf kak ob'ekt kompleksnogo gumanitarnogo issledovaniya: filosofskij aspekt. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2, 143–146.
- Ryabinina, A. M. (2018). Otaku atakuyut: rossijskoe kosplej-soobshchestvo v publikacijah SMI (po materialam statej 1999–2017 goda). *Artikul't*, 1, 109–127.
- Samojlova, E. O. (2016). Semantika kiberprostranstva v zhanrah anime. *Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva*, 1, 161–167.
- Trifonova, L. L. (2016). Mifopoeticheskiy aspekt tvorchestva H. Miyadzaki. *Kul'tura. Duhovnost'. Obshchestvo*, 27, 82–97.
- Shamionov, R., Suzdal'cev, N., Bocharova, E., & Akaemova, YU. (2023). Rol' cennostej i vovlechennosti molodezhi v razlichnye formy aktivnosti v predpochenii onlajn/ oflajn-sredy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya*, 13 (1), 38–50. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.103>
- Shishkina, E. V., Zotova, S. V., Havronina, V. N., Zotov, V. M. (2020). Yaponskoe anime: issledovanie ego vliyaniya na psihologicheskoe zdorov'e shkol'nikov i studentov mladshih kursov vysshih uchebnyh zavedenij Rossii. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*. 1 (30), 309–312.
- Näsi, M., Tanskanen, M., Kivivuori, J., Haara, P., & Reunanen, E. (2021). Crime News Consumption and Fear of Violence: The Role of Traditional Media, Social Media, and Alternative Information Sources. *Crime & Delinquency*, 67 (4), 574–600. <https://doi.org/10.1177/0011128720922539>

Информация об авторе:

Тамара Гарегиновна Саградова – научный сотрудник группы по изучению проблем оперативно-служебной деятельности ОВД научно-исследовательского отдела.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 27.04.2023

Одобрена после рецензирования 03.11.2023

Опубликована 15.12.2023

About the author:

Tamara G. Sagradova – Researcher of the group for studying the problems of operational activities of the Department of Internal Affairs, Research Department.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 27, 2023

Approved after reviewing November 03, 2023

Accepted December 15, 2023

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-403-412

Преимущества и риски перфекционизма курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России

Антон Сергеевич Душкин

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585**Наталья Андреевна Гончарова**

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
goncharova_n@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0795-4969

Аннотация

Введение. В статье обсуждается направленность перфекционизма, в содержании которого отражаются как позитивные его последствия, так и негативные. Преимущества перфекционизма заключаются в наличии у субъекта учебной деятельности стремлений к совершенству, организованности, способности к адаптивному поведению. Риски перфекционизма кроются в глубинных переживаниях личности, ориентированной на социальное одобрение, соответствие завышенным стандартам, избегание неудач, завышенный уровень требований к себе, что детерминирует негативные эмоциональные переживания, тревожность и стрессовые состояния. Цель исследования – определение особенностей перфекционизма курсантов с высоким и низким его уровнем и анализ рисков его высоких показателей.

Исследование проведено на выборке в количестве 73-х человек, которая была разделена на две группы по признаку значений перфекционизма: с высоким ($n=34$) и низким ($n=39$) уровнем.

Методы исследования. В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, а также эмпирические методы (тестирование, интервью). Исследование осуществлялось с помощью психодиагностических методик: опросник перфекционизма (Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б.), методика диагностики уровня эмоционального выгорания (В. В. Бойко).

Результаты. Описаны и проанализированы результаты эмпирического исследования по используемым методикам. Результаты исследования показали достоверно значимые различия между группами с высоким и низким уровнем перфекционизма, отражающие наличие значимых эмоциональных проблем. В группе с высоким уровнем перфекционизма выявлены факторы социально ориентированного типа перфекционистских ожиданий, ориентация на завышенные стандарты деятельности по принципу «быть самым успешным», застревание на неудачах и ошибках, категоричность и поляризованность мышления. Такой тип перфекционизма носит деструктивный характер и его последствия, установленные в исследовании, отражаются в виде негативных эмоциональных переживаний, редукции профессиональных обязанностей субъектов, развития состояний эмоционального выгорания и психического истощения.

Ключевые слова

перфекционизм, конструктивный перфекционизм, деструктивный перфекционизм, эмоциональное выгорание, дезадаптация, возраст, психическое истощение

Для цитирования: Душкин, А. С., Гончарова, Н. А. (2023). Преимущества и риски перфекционизма курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 403–412. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-403-412.

Original paper

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585**Natalia A. Goncharova**

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
goncharova_n@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0795-4969

Advantages and risks of perfectionism of cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract

Introduction. The article deals with the nature of perfectionism, the content of which reflects both its positive and negative consequences. The advantages of perfectionism involve the students' efforts to perfection, self-organisation, and adaptive behaviour. The risks of perfectionism include deep-seated feelings of a person oriented to social approval, conformity to exaggerated standards, avoidance of failures, and overrated level of demands to oneself. This determines negative emotional feelings, anxiety, and stressful states. The aim of the research is to determine the features of perfectionism of cadets with high and low levels of perfectionism and to analyse the risks of its high indicators.

The research is based on a sample of 73 people. They were divided into two groups according to the values of perfectionism: with high (n=34) and low (n=39) level.

Research methods. The research involved general scientific research methods aimed at data collection, analysis, systematisation and generalisation, as well as empirical methods (testing, interviews). The research was carried out with the help of psychodiagnostic methods: perfectionism questionnaire (N. G. Garanyan, A. B. Kholmogorova), method of diagnosing the level of emotional burnout (V. V. Boyko).

Results. The results of the empirical study on the methods used are described and analysed. The results of the study showed reliable differences between the groups with high and low levels of perfectionism, reflecting the presence of significant emotional problems. In the group with a high level of perfectionism the factors of socially oriented type of perfectionist expectations, orientation to exaggerated standards of activity according to the principle "to be the most successful", fixation on failures and mistakes, categorical and polarised thinking were revealed. This type of perfectionism is destructive and its consequences, identified in the research, are reflected in the form of negative emotional experiences, reduction of subjects' professional responsibilities, development of emotional burnout and mental exhaustion.

Keywords

perfectionism, constructive perfectionism, destructive perfectionism, emotional burnout, maladaptation, age, mental exhaustion

For citation: Dushkin, A. S., Goncharova, N. A. (2023). Advantages and risks of perfectionism of cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(4), 403–412. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-403-412.

Введение

Период обучения в образовательной организации высшего образования лиц в возрасте от 18-ти до 22-х лет характеризуется активным развитием личностных свойств, завершением процесса социализации, оформлением ценностно-нравственной системы, стабилизацией профессиональной направленности. Этот период в исследованиях рассматривается в качестве наиболее активного в реализации личностью познавательных потребностей. Готовность когнитивной сферы к освоению сложных научных дисциплин Б. Г. Ананьев считал главным для профессионализации на данном возрастном этапе (Ананьев, 2001). В исследованиях И. С. Кона, Л. Г. Бикчинтаевой, И. Ф. Шилаевой отмечается возрастающая динамика активных изменений в эмоциональной, познавательной и поведенческой сферах личности студентов и курсантов, существенные сдвиги в правовом сознании личности, стремления к совершенству и достижению идеала (Кон, 1989; Бикчинтаева, 2018; Шилаева, 2021).

Трансформация психической активности личности в период обучения в образовательной организации высшего образования происходит под влиянием совокупности факторов, детерминирующих как адаптивные процессы, так и дезадаптивные психические состояния. Одной из причин дезадаптации являются завышенные ожидания субъекта учебной деятельности, связанные с ориентацией на безусловную успешность, исключительно высшие результаты своей деятельности, успех и благополучие. Комплекс таких завышенных ожиданий и требований к себе и к другим определяется в качестве явлений «перфекционизма» как устойчивого психического образования личности, содержательно отражающего черты самооценки и самоотношения с позиции безупречности, совершенства, превосходства, завышенных субъективных стандартов (Burns, 1980; Pacht, 1984; Ясная, Ениколопов, 2007; Ясная и др., 2011).

В существующих определениях перфекционизма рассматриваются как его преимущества, отражающие конструктивность таких ориентаций, так и недостатки, детерминирующие риски благополучия личности и возникновение деструктивных психических явлений стрессового характера, эмоциональное выгорание, нервно-психические нарушения. В содержании конструктивного перфекционизма следует отметить несомненные его достоинства и положительные последствия, способствующие повышению мотивации в деятельности, организованности личности и высокой социальной активности. Один из первых исследова-

телей такого аспекта перфекционизма, М. Холлендер, в качестве позитивных проявлений рассматривает его детерминирующую роль в здоровой адаптации. Негативные аспекты перфекционизма проявляются в невротических состояниях, тревожности, социальной дезадаптивности личности (Hollender, 1965; Hollender, 1978).

Таких же позиций в оценке двух полюсов перфекционизма придерживаются М. Р. Фрост с соавторами, Д. Хамачек, Р. Слейни и Д. Джонсон, отмечая, что для негативного типа перфекционизма характерным является совокупность установленных личностью для себя стандартов, несоответствующих в реальности (Frost et. al., 1990; Hamachek, 1978; Slaney & Johnson, 1992). Это, как правило, является следствием навязанных социальной средой сверхзадач, требований безусловной успешности и достижений, невыполнение которых воспринимается перфекционистом в качестве проблемы, трагедии и порождает тревожность и хронический страх.

Два разнонаправленных фактора перфекционизма рассматриваются в исследованиях П. Хьюитта и Дж. Флетта (Hewitt & Flett, 1989). Первый фактор отражает позитивные стремления личности, связанные с организованностью и адекватными стремлениями к достижениям, второй фактор характеризует иной тип перфекционизма, для которого характерны высокий уровень озабоченности оценкой, беспокойство по поводу ошибок, критики, сомнения в правильности действий.

Размышления о преимуществах и недостатках перфекционизма являются одними из центральных в современных эмпирических исследованиях личности студентов. Так Г. К. Чанг установил положительные корреляции между дезадаптивными формами перфекционизма и состояниями прокрастинации и тревожности. Вместе с тем между данными показателями, при позитивной ориентации перфекционизма, установлены отрицательные корреляции. Посредниками в выявленных взаимосвязях выступают показатели мотивации (Chang, 2014). На недостатки перфекционизма и связанные с этим риски адаптации указывает Ш. Вишвалингам с соавторами, установившими корреляции перфекционизма с нарушениями межличностного поведения, враждебностью и одиночеством (Visvalingam et. al., 2023). Перфекционизм детерминирует эмоциональный стресс и повышает чувствительность индивида в ситуации социального отвержения.

В отечественных исследованиях данные о студенческом перфекционизме, имеющиеся в зарубежной литературе, подтверждаются результатами, полу-

ченными В. А. Ясной. Совместно с соавторами ею были установлены разные типы перфекционизма – адаптивного и дезадаптивного. Так было выявлено, что перфекционист адаптивного типа характеризуется требовательностью к себе, «организованностью и аккуратностью в разных сферах жизни», он «настойчив в достижении цели и имеет устойчивую мотивацию, активен, способен устанавливать эффективные межличностные отношения» (Ясная и др., 2011). Положительный перфекционизм определяется также и высокими показателями экстраверсии. По сравнению с интровертами, такие личности при помощи собственной активности быстрее достигают успешности в процессе развития и более адаптивны. Дезадаптивный перфекционизм в этом же исследовании отличается высоким уровнем самокритичности, тревожности, недоверчивости, неэффективностью социальных отношений, страхами неудачи и осуждения. Такой тип перфекционизма связан с неблагоприятным эмоциональной сферы личности и последующими тревожными и депрессивными расстройствами (Ясная и др., 2011; Юдеева, 2007; Чехлатый, 2006). Поэтому особого внимания к таким проявлениям перфекционизма требуют представители молодежи студенческого возраста, для которых предельно важен результат достижений, приоритет совершенства и выигрыш в конкуренции с другими.

В студенческом возрасте трудности в достижении установленных личных стандартов и целей порождают эмоциональные проблемы, переживания тревожности, стресса, неудовлетворенности деятельностью, внутриличностный конфликт, затруднения в становлении Я-концепции и развитии личности. Такие факторы отмечаются в многочисленных работах отечественных и зарубежных исследователей, при этом подчеркивается, что напряжение, испытываемое студентами с перфекционистскими тенденциями, отличается стабильным постоянством, возрастанием недовольства собственными достижениями и стресса (Гаранян, Андрусенко, Хломов, 2009; Гаранян, Холмогорова, Юдеева, 2001; Голенков и др., 2020; Ужовский, 2021; Hamilton & Schweitzer, 2000; Saddler & Sacks, 1993). Преодоление стрессовых состояний сопряжено с высоким уровнем психической напряженности. При этом наблюдается эффект повышенной психической «эксплуатации» механизмов приспособления к ним, которые М. В. Москова назвала «сверхмобилизацией копинг ресурсов» (Москова, 2007). Предел такой избыточной активности ведет к истощению всей адаптационной системы организма. В конечном итоге это «может приводить к психологическим и физическим нарушениям, в частности, физическому и психологическому сгоранию, переутомлению, психосоматическим срывам» (Москова, 2007).

Проблемы деструктивного перфекционизма личности в студенческом возрасте обостряются в период доминирования в обществе ценностей «успеха, престижа, индивидуализма», по поводу чего Н. Г. Гаранян отмечает его роль в динамике конкурентных отношений студентов и стремления к соответствию социальным предписаниям (Гаранян, Клыкова, Сорокова, 2018). Исследования, проведенные Т. Карраном и П. Хилл в Йоркском университете, убедительно доказывают совпадение культурных социальных изменений, ориентированных на конкурентный индивидуализм, с возрастающим уровнем многомерного перфекционизма студентов (Curran & Hill, 2019). При этом социально предписанный перфекционизм они называют «принуждением к совершенству», которое негативным образом отражается на восприятии молодыми поколениями социальных требований и порождает невротические симптомы.

Стремление к быстрым результатам в учебной деятельности, характерное для отличников, пришедших в высшую школу после средней школы, и невозможность за короткий период добиться высоких достижений, порождает состояния неудовлетворенности и неблагоприятия. Справиться с большим количеством отрицательных эмоциональных переживаний в первые годы обучения в образовательных организациях высшего образования весьма непросто, учитывая незрелость способности к адекватной самооценке, ограниченность знаний о собственных возможностях и ориентацию личности на мнение других лиц и завышенные родительские установки. Все это является совокупностью факторов, деструктивно влияющих на личность, и определяющих риски нарушения процессов стабильной деятельности.

Методы

Проведенный анализ особенностей становления личности в студенческом возрасте и существенной роли в данном процессе явлений перфекционизма позволил сформулировать эмпирическую цель исследования, заключающуюся в анализе особенностей перфекционизма лиц, обучающихся в образовательной организации МВД России. В качестве объекта исследования выступили курсанты в количестве 73-х человек. Выборка была разделена на две группы по признаку значений перфекционизма: с высоким ($n=34$) и низким ($n=39$) уровнем. Исследование осуществлялось с помощью психодиагностических методик: опросник перфекционизма Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогоровой, методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко (Бойко, 2008). Полученные результаты диагностики были подвержены статистическому анализу при помощи параметрического парного критерия Стьюдента (t) для независимых выборок.

Результаты

Сравнение показателей групп с высоким и низким уровнем перфекционизма позволило установить наличие между ними статистически достоверных значимых различий при $p \leq 0,001$ по всем факторам (табл. 1).

Совокупность представленных в таблице 1 значимых факторов свидетельствует о завышенных требованиях группы с высоким уровнем перфекционизма, наличии высоких стандартов в деятельности. В группе с высоким уровнем перфекционизма установлены достоверно высокие значения общего показателя перфекционизма, согласно которому данный уровень рассматривается в качестве завышенного. Фактор «Восприятие других людей, как делегирующих высокие ожидания» соответствует аналогичному фактору, предложенному П. Хьюиттом и Дж. Флеттом (Hewitt et al., 1991). Респонденты оцениваются в качестве лиц, субъективно ориентирующихся на социальные предписания, исходящие от ожиданий других людей. Для них характерным является наличие высокого уровня страха несоответствия стандартам. Исследования показывают, что такое поведение характерно для талантливых и усердных сотрудников. Также установлено нереалистичное понимание собственных ошибок и глубокое их переживание, распространяющееся на другие жизненные сферы, поляризованность когнитивной оценки. Совокупность эмоциональных отрицательных реакций сводится к субъективным ощущениям полного краха при малейшей погрешности в работе.

Исследование эмоциональной сферы личности и состояний эмоционального выгорания группы с высоким

уровнем перфекционизма показало наличие многочисленных складывающихся симптомов (табл. 2).

Такие симптомы выявлены в каждой фазе выгорания и свидетельствуют о частоте переживания психотравмирующих событий представителями группы с высоким уровнем перфекционизма. Складывающиеся симптомы выражены в проявлениях тревожности, депрессивных состояниях, дезориентации эмоционально-нравственного характера, редукции профессиональных обязанностей, эмоциональном дефиците, эмоциональной отстраненности, деперсонализации.

Наблюдаются уже сформированные симптомы эмоционального выгорания в группе с высоким уровнем перфекционизма, отличающиеся своей стабильностью. Это выражено в неадекватном избирательном эмоциональном реагировании и редукции профессиональных обязанностей.

В значениях каждой из представленных в таблице 2 фаз эмоционального выгорания установлено наличие состояний их формирования. В группе с высоким уровнем на стадии формирования находится «Фаза резистенции» и «Фаза истощения». По сравнению с группой с низким уровнем перфекционизма, значения являются достоверно высокими, и более всего эмоциональное состояние личности отягощается высокой степенью эмоциональной напряженности, связанной с высоким уровнем перфекционизма. Переживаемое напряжение в деятельности, в соответствии с показателями фазы напряжения, носит дезадаптивный характер и сказывается на эмоциональном истощении, отстраненности, проявлении равнодушия. Общий энерготонус личности существенно отражается на со-

Таблица 1. Сравнение показателей групп с высоким и низким уровнем перфекционизма (Опросник перфекционизма, Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б.)

Table 1. Comparison of indicators of groups with high and low levels of perfectionism (Perfectionism Questionnaire, N. G. Garanyan, A. B. Kholmogorova).

№	Факторы перфекционизма	Группа с высоким уровнем перфекционизма M±y	Группа с низким уровнем перфекционизма M±y	p ≤
1	Восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания	13,6 ± 4,1	9,05 ± 3,1	0,001
2	Завышенные притязания и требования к себе	13,3 ± 2,7	10,6 ± 3,09	0,0001
3	Высокие стандарты деятельности при ориентации на полюс «самых успешных»	10,6 ± 2,5	7,9 ± 2,5	0,001
4	Селектирование информации о собственных неудачах и ошибках	5,7 ± 2,1	2,8 ± 1,9	0,001
5	Поляризованное мышление	9,9 ± 2,2	5,8 ± 2,4	0,0001
6	Общий показатель перфекционизма	52,9 ± 5,6	36,55 ± 6,9	0,0001

стоянии нервной системы, а нарастающее истощение порождает состояние неудовлетворенности и неблагополучия.

Между значениями групп установлены статистически достоверные различия при $p \leq 0,0001$. Вместе с тем, в соответствии с нормативными критериями, в группе с низким уровнем перфекционизма также отмечается ситуация складывающихся симптомов неадекватного избирательного эмоционального реагирования, редукции профессиональных обязанностей и эмоционального дефицита. На стадии формирования, как и у группы сравнения, находится и фаза резистенции, что свидетельствует об общей тенденции нарастания

неадекватных реакций, высоком напряжении психических ресурсов в выполнении деятельности, требующей высокой ответственности. Напряжение в данном случае, для группы с низким уровнем перфекционизма, является нормальной адаптивной реакцией, не выходящей за пределы истощения психических ресурсов, о чем свидетельствуют показатели благополучия фазы истощения.

Заключение

В проведенном исследовании было установлено, что курсанты, обучающиеся в одинаковых условиях образовательной организации высшего образования,

Таблица 2. Сравнение показателей эмоционального выгорания экспериментальных групп (Методика диагностики уровня эмоционального выгорания, В. В. Бойко)

Table 2. Comparison of emotional burnout indicators of experimental groups (Methodology of diagnostics of emotional burnout level, V. V. Boyko)

№	Показатели эмоционального выгорания	Группа с высоким уровнем перфекционизма M±y	Группа с низким уровнем перфекционизма M±y	p ≤
<i>Фаза напряжения</i>				
1	Переживание психотравмирующих обстоятельств	11,1 ± 4,1	5,8 ± 2,5	0,000
2	Неудовлетворенность собой	5,2 ± 2,2	4,96 ± 2,6	0,7
3	«Загнанность в клетку»	7,5 ± 2,5	4,3 ± 3,6	0,04
4	Тревога и депрессия	9,3 ± 2,4	4,4 ± 1,5	0,000
	<i>Значение по фазе</i>	33,35	22,9	
<i>Фаза резистенции</i>				
5	Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	18,3 ± 6,3	13,6 ± 5,1	0,07
6	Эмоционально-нравственная дезориентация	9,2 ± 3,5	7,7 ± 2,9	0,000
7	Расширение сферы экономии эмоций	8,3 ± 2,4	4,8 ± 2,1	0,000
8	Редукция профессиональных обязанностей	16,02 ± 6,9	10,2 ± 4,9	0,000
	<i>Значение по фазе</i>	52,05	43,5	
<i>Фаза истощения</i>				
9	Эмоциональный дефицит	13,4 ± 4,5	9,2 ± 3,3	0,000
10	Эмоциональная отстраненность	12,4 ± 4,8	8,6 ± 2,9	0,000
11	Личностная отстраненность (деперсонализация)	12,4 ± 4,3	7,1 ± 5,7	0,000
12	Психосоматические и психовегетативные нарушения	5,8 ± 2,7	3,5 ± 1,5	0,000
	<i>Значение по фазе</i>	42,47	30,9	
	Общий уровень эмоционального выгорания	127, 5 ± 27,9	85,1 ± 19,9	0,000

обладают различным уровнем перфекционизма, который рассматривается в двух качествах – конструктивного, отражающего возможности адекватного совладания с трудностями и адаптацией к ним, и деструктивного, негативного, сказывающегося на эмоциональном состоянии личности, порождающего эмоциональное выгорание и дезадаптацию.

Исследование показало, что лица с низким уровнем перфекционизма достоверно значимо отличаются по всем исследованным факторам и обладают адаптивными свойствами, что позволяет отметить преимущества перфекционизма. Как свойство личности, перфекционизм, ориентированный на эффективность в деятельности и собственное совершенство, может быть важным фактором саморазвития, профессионального становления. Преимущества такого его типа заключаются в адекватном реагировании в эмоционально сложных обстоятельствах, критичности в оценке требований других людей, наличии личных стандартов собственной деятельности в соответствии с согласованностью личностной концепции реальности и идеальности. Такой перфекционизм носит конструктивный характер, способствует здоровой адаптации личности, создает условия для эффективного совладания с возникающими в деятельности напряженными условиями, мотивирует к деятельности и позволяет сохранить психические ресурсы.

Риски перфекционизма определяются его высокими общими значениями и показателями факторов, содержательно отражающих негативное влияние на личность и детерминирующих отрицательные последствия. В группе курсантов с высоким уровнем перфекционизма были выявлены высокие уровни в значениях шкал «Восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания», «Завышенные притязания и требования к себе», «Высокие стандарты деятель-

ности при ориентации на полюс «самых успешных», «Селектирование информации о собственных неудачах и ошибках», «Поляризованное мышление».

Негативное влияние перфекционизма установлено в комплексе переживаемых группой с высоким уровнем перфекционизма состояний эмоционального выгорания. На уровне складывающихся симптомов выгорания установлено переживание психотравмирующих обстоятельств, тревога и депрессия, эмоциональная и нравственная дезориентация, эмоциональный дефицит и отстраненность, деперсонализация. Первичные стадии таких симптомов наиболее опасны, так как субъект их не осознает, но глубина переживаний уже присутствует.

Установлены сложившиеся симптомы эмоционального выгорания в фазе напряжения, в соответствии с которыми в деятельности субъектов с высокими значениями перфекционизма отмечается стабильность неадекватных эмоциональных реакций и редукция профессиональных обязанностей. Такие состояния характеризуются нарушениями поведения, опозданиями, длительными перерывами в процессе выполнения работы, хорошо скрываемой необязательностью и внешней демонстративной активностью, стремлением сократить объем работы, избегать эмоциональных отношений.

Особого внимания требуют результаты, полученные в исследовании показателей истощения. Значения данной фазы являются самыми высокими в группе перфекционистов и должны быть учтены в организации учебной деятельности и психологическом сопровождении курсантов и слушателей. Психологическая работа, направленная на снижение уровня перфекционизма, обеспечивает сохранение психического здоровья, стабилизацию эмоциональных переживаний деструктивного характера и повышение эффективности в деятельности.

Список литературы

- Ананьев, Б. Г. (2001). *Человек как предмет познания*. Санкт-Петербург: Питер.
- Бикчинтаева, Л. Г. (2018). Психологические особенности студенческого возраста в контексте проблемы формирования профессионального правосознания в вузе. *Вестник Московского университета МВД России*, 1, 240–244.
- Бойко, В. В. (2008). *Психоэнергетика*. Санкт-Петербург: Питер.
- Гаранян, Н. Г. Андрусенко, Д. А., Хломов, И. Д. (2009). Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации. *Психологическая наука и образование*, 14 (1), 72–81.
- Гаранян, Н. Г., Клыкова, А. Ю., Сорокова М. Г. (2018). Перфекционизм, зависть и конкурентные установки в студенческой среде. *Консультативная психология и психотерапия*, 26 (2), 7–32. <https://doi.org/10.17759/cpr.2018260202>
- Гаранян, Н. Г., Холмогорова А. Б., Юдеева Т. Ю. (2001). Перфекционизм, депрессия и тревога. *Московский психотерапевтический журнал*, 9 (4), 18–48.
- Голенков, А. В., Филоненко, В. А., Сергеева, А. И., Филоненко, А. В. (2020). Перфекционизм и депрессия как факторы риска суицида студентов-медиков. *Академический журнал Западной Сибири*, 3 (86) (16), 23–25.
- Кон, И. С. (1989). *Психология ранней юности*. Москва: Просвещение.
- Москова, М. В. (2007). Личностные факторы эмоциональной дезадаптации студентов. *Психологическая наука и образование*, 12 (5), 82–91.

- Ужовский, В. С. (2021). Социологическое исследование взаимосвязи перфекционизма с тревожностью у вузовской молодежи Саратовской области. *Актуальные научные исследования в современном мире*, 6-7(74), 15–22.
- Чехлатый, Е. И. (2006). Исследование копингмеханизмов у студентов вузов в связи с задачами первичной психогигиены и психопрофилактики. *Обзорные психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева*, 2.
- Шиляева, И. Ф. (2021). Проблемы социально-психологической адаптации студентов, склонных к перфекционизму. *Вестник Прикамского социального института*, 3 (90), 96–104.
- Юдеева, Т. Ю. (2007). *Перфекционизм как личностный фактор депрессивных и тревожных расстройств*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Ясная, В. А., Ениколопов, С. Н. (2007). Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы. *Вопросы психологии*, 7, 25–47.
- Ясная, В. А., Митина, О. В., Ениколопов, С. Н., Зурабова, А. М. (2011). Апробация методики измерения перфекционизма Р. Слейни «Почти совершенная шкала». *Теоретическая и экспериментальная психология*, 4 (4), 30–45.
- Burns, D. D. (1980). The Perfectionist's Script for Self-Defeat. *Psychology Today*, 34–52.
- Chang, Henry K. (2014). Perfectionism, anxiety, and academic procrastination: the role of intrinsic and extrinsic motivation in college students. *Electronic Theses, Projects, and Dissertations*, 28. <https://scholarworks.lib.csusb.edu/etd/28>
- Curran, T., & Hill, A. P. (2019). Perfectionism is increasing over time: A meta-analysis of birth cohort differences from 1989 to 2016. *Psychological Bulletin*, 145 (4), 410–429. <https://doi.org/10.1037/bul0000138>
- Frost, R. O., Marten, P., Lahart, C., & Rosenblate, R. (1990). The dimensions of perfectionism. *Cognitive Therapy and Research*, 14 (5), 449–468. <https://doi.org/10.1007/BF01172967>
- Hamachek, D. E. (1978). Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. *Psychology: A Journal of Human Behavior*, 15 (1), 27–33.
- Hamilton, T. K., & Schweitzer, R. D. (2000). The Cost of Being Perfect: Perfectionism and Suicide Ideation in University Students. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 34 (5), 829–835. <https://doi.org/10.1080/j.1440-1614.2000.00801.x>
- Hewitt, P. L., & Flett, G. L. (1989). The multidimensional perfectionism scale: Development and validation. *Canadian Psychology*, 30, 339.
- Hewitt, P. L., Flett, G. L., Turnbull-Donovan, W., & Mikail, S. F. (1991). The Multidimensional Perfectionism Scale: Reliability, validity, and psychometric properties in psychiatric samples. *Psychological Assessment: A Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 3 (3), 464–468. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.3.3.464>
- Hollender, M. H. (1965). Perfectionism. *Comprehensive Psychiatry*, 6 (2), 94–103. [https://doi.org/10.1016/S0010-440X\(65\)80016-5](https://doi.org/10.1016/S0010-440X(65)80016-5)
- Hollender, M. H. (1978). Perfectionism, a Neglected Personality Trait. *Journal of Clinical Psychiatry*, 39, 384–394.
- Pacht, A. R. (1984). Reflections on perfection. *American Psychologist*, 39 (4), 386–390. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.39.4.386>
- Saddler, C. D., & Sacks L. A. (1993). Multidimensional perfectionism and academic procrastination: Relationships with depression in university students. *Psychological Reports*, 73 (3), 863–871.
- Slaney, R. B., & Johnson, D. G. (1992). *The Almost Perfect Scale*. Unpublished manuscript. Pennsylvania State University, State College.
- Visvalingam, S., Magson, N. R., Newins, A. R., & Norberg, M. M. (2023). Going it alone: Examining interpersonal sensitivity and hostility as mediators of the link between perfectionism and social disconnection. *Journal of Personality*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1111/jopy.12868>

References

- Anan'ev, B. G. (2001). *Chelovek kak predmet poznaniya*. Saint Petersburg: Piter.
- Bikchintaeva, L. G. (2018). Psihologicheskie osobennosti studencheskogo vozrasta v kontekste problemy formirovaniya professional'nogo pravosoznaniya v vuze. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 1, 240–244.
- Bojko, V. V. (2008). *Psihoenergetika*. Saint Petersburg: Piter.
- Garanyan, N. G. Andrusenko, D. A., Hlomov, I. D. (2009). Perfekcionizm kak faktor studencheskoj dezadaptacii. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 14 (1), 72–81.

- Garanyan, N. G., Klykova, A. Yu., Sorokova M. G. (2018). Perfekcionizm, zavist' i konkurentnye ustanovki v studencheskoj srede. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*, 26 (2), 7–32. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260202>
- Garanyan, N. G., Holmogorova A. B., Yudeeva T. Yu. (2001). Perfekcionizm, depressiya i trevoga. *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal*, 9 (4), 18–48.
- Golenkov, A. V., Filonenko, V. A., Sergeeva, A. I., Filonenko, A. V. (2020). Perfekcionizm i depressiya kak faktory riska suicida studentov-medikov. *Akademicheskij zhurnal Zapadnoj Sibiri*, 3 (86) (16), 23–25.
- Kon, I. S. (1989). *Psihologiya rannej yunosti*. Moscow: Prosveshchenie.
- Moskova, M. V. (2007). Lichnostnye faktory emocional'noj dezadaptacii studentov. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 12 (5), 82–91.
- Uzhovskij, V. S. (2021). Sociologicheskoe issledovanie vzaimosvyazi perfekcionizma s trevozhnost'yu u vuzovskoj molodezhi Saratovskoj oblasti. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*, 6-7(74), 15–22.
- Chekhlatyj, E. I. (2006). Issledovanie kopingmekhanizmov u studentov vuzov v svyazi s zadachami pervichnoj psihogigieny i psihoprofilaktiki. *Obozrenie psichiatrii i medicinskoj psihologii im. V. M. Bekhtereva*, 2.
- Shilyaeva, I. F. (2021). Problemy social'no-psihologicheskoy adaptacii studentov, sklonnyh k perfekcionizmu. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta*, 3 (90), 96–104.
- Yudeeva, T. Yu. (2007). *Perfekcionizm kak lichnostnyj faktor depressivnyh i trevozhnyh rasstrojstv*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow.
- Yasnaya, V. A., Enikolopov, S. N. (2007). Perfekcionizm: istoriya izucheniya i sovremennoe sostoyanie problemy. *Voprosy psihologii*, 7, 25–47.
- Yasnaya, V. A., Mitina, O. V., Enikolopov, S. N., Zurabova, A. M. (2011). Aprobaciya metodiki izmereniya perfekcionizma R. Slejni «Pochti sovershennaya shkala». *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*, 4 (4), 30–45.
- Burns, D. D. (1980). The Perfectionist's Script for Self-Defeat. *Psychology Today*, 34–52.
- Chang, Henry K. (2014). Perfectionism, anxiety, and academic procrastination: the role of intrinsic and extrinsic motivation in college students. *Electronic Theses, Projects, and Dissertations*, 28. <https://scholarworks.lib.csusb.edu/etd/28>
- Curran, T., & Hill, A. P. (2019). Perfectionism is increasing over time: A meta-analysis of birth cohort differences from 1989 to 2016. *Psychological Bulletin*, 145 (4), 410–429. <https://doi.org/10.1037/bul0000138>
- Frost, R. O., Marten, P., Lahart, C., & Rosenblate, R. (1990). The dimensions of perfectionism. *Cognitive Therapy and Research*. 14 (5), 449–468. <https://doi.org/10.1007/BF01172967>
- Hamachek, D. E. (1978). Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. *Psychology: A Journal of Human Behavior*, 15 (1), 27–33.
- Hamilton, T. K., & Schweitzer, R. D. (2000). The Cost of Being Perfect: Perfectionism and Suicide Ideation in University Students. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 34 (5), 829–835. <https://doi.org/10.1080/j.1440-1614.2000.00801.x>
- Hewitt, P. L., & Flett, G. L. (1989). The multidimensional perfectionism scale: Development and validation. *Canadian Psychology*, 30, 339.
- Hewitt, P. L., Flett, G. L., Turnbull-Donovan, W., & Mikail, S. F. (1991). The Multidimensional Perfectionism Scale: Reliability, validity, and psychometric properties in psychiatric samples. *Psychological Assessment: A Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 3 (3), 464–468. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.3.3.464>
- Hollender, M. H. (1965). Perfectionism. *Comprehensive Psychiatry*, 6 (2), 94–103. [https://doi.org/10.1016/S0010-440X\(65\)80016-5](https://doi.org/10.1016/S0010-440X(65)80016-5)
- Hollender, M. H. (1978). Perfectionism, a Neglected Personality Trait. *Journal of Clinical Psychiatry*, 39, 384–394.
- Pacht, A. R. (1984). Reflections on perfection. *American Psychologist*, 39 (4), 386–390. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.39.4.386>
- Saddler, C. D., & Sacks L. A. (1993). Multidimensional perfectionism and academic procrastination: Relationships with depression in university students. *Psychological Reports*, 73 (3), 863–871.
- Slaney, R. B., & Johnson, D. G. (1992). *The Almost Perfect Scale*. Unpublished manuscript. Pennsylvania State University, State College.
- Visvalingam, S., Magson, N. R., Newins, A. R., & Norberg, M. M. (2023). Going it alone: Examining interpersonal sensitivity and hostility as mediators of the link between perfectionism and social disconnection. *Journal of Personality*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1111/jopy.12868>

Информация об авторах:

Антон Сергеевич Душкин – начальник кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Наталья Андреевна Гончарова – доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 15.10.2023

Одобрена после рецензирования 27.11.2023

Опубликована 15.12.2023

About the authors:

Anton S. Dushkin – Head of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Docent.

Natalia A. Goncharova – Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Docent.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted October 15, 2023

Approved after reviewing November 27, 2023

Accepted December 15, 2023

УДК 159.9:316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-413-428

Субъективное отношение к себе, уголовному наказанию и потерпевшему как индикаторы криминализации личности

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Аннотация

Введение. Криминализация негативно сказывается на благополучии общества и личности, препятствуя их функционированию и развитию. Научные представления о криминализации основываются на положениях индивидуально-психологических и социальных подходов. Возможности субъектного подхода не используются в полной мере для изучения криминализации, однако представляются полезными, поскольку способны раскрыть субъективные составляющие детерминации и регуляции криминального поведения. Разработка субъектного подхода в рамках исследования позволяет теоретически обосновать совокупность отношений, участвующих в регуляции поведения, и разработать модель данных отношений для оценки риска криминализации.

Целью исследования выступает теоретическое обоснование комплекса субъективных отношений, указывающих на риск криминализации личности, и его эмпирическая проверка. С этой целью в работе рассматривается модель отношений личности, влияющих на ее криминализацию, разработанная на основе теоретического анализа представлений отечественных и зарубежных исследователей о криминогенной личности, криминогенной направленности и регуляции криминального поведения.

Методология, методы и методики. Методологическим основанием исследования выступают положения субъектного подхода (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова), ценностно-нормативная теория преступного поведения (А. Р. Ратинов), положения о криминогенной склонности личности (А. Н. Пастушеня). **Эмпирическое исследование** нацелено на проверку взаимосвязи субъективных отношений, указывающих на криминализацию личности.

Методом сбора информации выступает опросник «Риск криминализации», структуру которого образуют пять шкал, в совокупности включающих 60 вопросов.

Метод обработки результатов: дескриптивная статистика, конфирматорный факторный анализ, непараметрический критерий различий Н-критерий Краскела-Уоллиса.

Выборка исследования: 618 человек, разделенных на правопослушную (n=202 человека) группу и криминогенную, разделенную в свою очередь по критерию неоднократности привлечения к уголовной ответственности на подгруппы ситуативно-криминогенных лиц (n=219 человек) и последовательно-криминогенных лиц (n=197 человек). Криминогенные лица находились под административным надзором органов внутренних дел Российской Федерации.

Результаты: подтверждено криминализирующее значение комплекса субъективных отношений: сверхценного отношения к себе, обесценивающего отношения к наказанию и цинично-обвиняющего отношения к потерпевшему. В результате конфирматорного факторного анализа получена скорректированная шкала, пригодная для оценки риска криминализации, получены отдельные сведения о ее надежности и валидности.

Ключевые слова

криминализация личности, психология преступления, отношение к преступлению, диагностика личности преступника, криминогенная личность

Для цитирования: Злоказов, К. В. (2023). Субъективное отношение к себе, уголовному наказанию и потерпевшему как индикаторы криминализации личности. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 413–428. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-413-428.

Original paper

Attitude towards oneself, criminal punishment and victim of a crime as a predictor of a criminalization personality

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444**Abstract**

Introduction. Criminalisation negatively affects the well-being of society and personality, worsening and restricting progress and hindering their functioning and development. Scientific ideas about criminalisation are based on the regulations of individually-psychological and social approaches. The possibilities of the subjective approach are not fully used to study criminalisation, but they are useful, as they can reveal subjective components of the determination and regulation of criminal behavior. The development of subjective approach within the framework of research allows us to substantiate theoretically the combination of relations involved in regulation of behavior and to develop a model of these relations for assessing risk of criminalisation.

The aim of study is a theoretical substantiation of set of subjective relations indicating a risk of personality criminalisation and its empirical verification. For this purpose, the study examines a model of personality attitudes affecting its criminalisation, having developed on the basis of theoretical analysis of domestic and foreign researchers' ideas about criminogenic personality, criminogenic orientation and regulation of criminal behavior.

Methodology, methods and techniques. The methodological basis of the study is a subjective approach (S.L. Rubinstein, A.V. Brushlinsky, K.A. Abulkhanova), value-normative theory of criminal behavior (A.R. Ratinov), provisions about criminogenic propensity of personality (A.N. Pastushenya).

The empirical study is aimed at verifying the interconnection of subjective attitudes indicating the criminalisation of personality.

The method of collecting data is the questionnaire "Risk of Criminalisation", the structure of which is formed by five scales which totally include 60 questions. **The method of processing results:** descriptive statistics, confirmatory factor analysis, non-parametric criterion of differences Kruskal-Wallis-H criteria test.

The study sample: 618 people divided into law-abiding (n=202 people) and criminogenic group, having been divided in its turn by the criterion of repeated criminal responsibility into subgroups of situation-criminogenic persons (n=219 people) and consecutive-criminogenic persons (n=197 people). The criminogenic persons were administratively supervised by law enforcement bodies of the Russian Federation.

Results: criminalising significance of subjective attitudes set of super-valuable attitude to the self, devaluing attitude to punishment and cynically accusing attitude to the victim was confirmed. As a result of confirmatory factor analysis, an adjusted scale suitable for assessing the risk of criminalisation was obtained, and some information about its reliability and validity was obtained.

Keywords

criminalisation of personality, psychology of crime, attitude to crime, diagnosis of criminal personality, criminogenic personality

For citation: Zlokazov, K. V. (2023). Attitude towards oneself, criminal punishment and victim of a crime as a predictor of a criminalization personality. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 413–428. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-413-428.

Актуальность исследования. Криминализация личности является значимой проблемой как для общества, так и самого субъекта криминального поведения. Общественная значимость проявляется в деструктивном влиянии криминальных ценностей и противоправного поведения членов общества на состояние и развитие государственных и общественных институтов. Проблема криминализации для личности выражается в ухудшении ее субъективного благополучия и снижении качества жизни.

Криминализация как форма антиобщественного отношения, проявляющаяся в противоправном поведении, в современных условиях приобретает новые возможности распространения. Они обусловлены развитием информационных технологий, обеспечивающих трансляцию ценностно-смыслового базиса криминального поведения и предоставляющих новые возможности его осуществления. Взрывной рост высокотехнологичных преступлений свидетельствует об увеличении риска криминализации несовершеннолетних и молодежи. Не обладая развитым правосознанием, они легко вовлекаются в противоправные действия, балансируя на грани совершения преступления и риска оказаться жертвой преступных посягательств. В этой связи противодействие криминализации подрастающего поколения в цифровую эпоху приобретает особую значимость.

Появление новых вызовов стимулирует научный интерес к психологическим механизмам и факторам криминализации. Предметом изучения выступают механизмы правосознания (Сучкова, 2018) и правовой социализации (Дворянчиков, Савкина, 2011) в противодействии криминализации, факторы, способствующие ее формированию – психическое здоровье (Токарева, 2017) и индивидуальные психологические особенности (Григорьева, Афонина, Кабанова, 2018), Я-концепция (Чернышева, 2007) и самоотношение личности (Вэтра, 2020).

Несмотря на широкий спектр исследований, возможности изучения криминализации личности зачастую сдерживаются их теоретико-методологическими основаниями. Так, в большинстве работ внимание отводится изучению криминогенных свойств и качеств личности и воздействию социального окружения. Безусловно, подобный подход позволяет точнее понять основания и предпосылки криминализации, однако не в полной мере раскрывает роль субъекта на этапе регуляции криминального поведения.

Объяснение этому видится в том, что субъектный подход (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова) не получил широкого распростра-

нения в изучении механизма и факторов криминального поведения личности. Полагая, что криминальное поведение регулируется субъектностью, формирующей отношение личности к преступлению и его последствиям, его теоретико-методологические положения применяются нами для изучения криминализации личности.

Целью статьи является теоретическое обоснование комплекса отношений, указывающих на криминализацию личности, и его эмпирическая проверка.

Задачами выступает проведение теоретического анализа субъектного подхода как методологического основания изучения криминализации личности, определение отношений, влияющих на регуляцию криминального поведения, разработку и эмпирическую проверку комплекса отношений в выборках лиц с разным уровнем криминогенности.

”

*Взрывной рост
высокотехнологичных
преступлений свидетельствует об
увеличении риска криминализации
несовершеннолетних и молодежи.
Не обладая развитым
правосознанием, они легко
вовлекаются в противоправные
действия, балансируя на грани
совершения преступления и риска
оказаться жертвой преступных
посягательств*

“

Результатом исследования выступает описание комплекса отношений личности к себе, преступлению и его последствиям, выражающих субъектную позицию и способствующих криминализации личности. Данный комплекс воплощается в виде шкалы оценки риска криминализации личности.

Структура статьи соответствует ее цели и задачам. В теоретической части статьи рассматриваются принципы и теоретические основания субъектного подхода к изучению криминализации, описываются ключевые представления о криминогенном потенциале отношений личности и описывается их модель.

В эмпирической части раскрывается замысел, процедура, результаты эмпирического исследования комплекса отношений, влияющих на криминализацию личности, проводится их интерпретация. В заключении статьи обсуждаются теоретические и методические перспективы, в приложении приводится шкала оценки риска криминализации.

Теоретические основания исследования. Субъектный подход в психологической науке (Рубинштейн, 1989) основывается на представлении об активном и осознанном участии личности в собственной жизнедеятельности. К настоящему времени в отечественной психологии сформировано несколько вариантов субъектного подхода, раскрывающих различные аспекты подобного участия: субъектно-деятельностный, субъектно-бытийный, субъектно-объектный (Алексеева, 2006). В рамках субъектного подхода активность личности рассматривается в контексте саморазвития (выражаемой в самоизменении и самопреобразовании) и самореализации (выражаемой в достижении целей, замыслов), что в контексте жизнедеятельности воплощается в особом способе жизни и индивидуальном жизненном пути. Важной характеристикой становления субъектности выступает переход от развития к саморазвитию, от подверженности изменениям к их инициации, от проживания жизни к житнетворчеству. При этом проявление субъектности не приводит к отчуждению от общества, напротив, саморазвитие предполагает социальное развитие, а самореализация обеспечивается за счет признания обществом достижений личности.

Оценивая возможности субъектного подхода в изучении криминализации личности, отметим его ориентацию на социально-значимое и правопослушное поведение личности. Разработка подхода для описания субъекта криминального поведения и криминального образа жизни в настоящее время еще далека от завершения. Об этом можно судить, рассмотрев различия в трактовках субъектности, предлагаемых исследователями. Так, А. Н. Пастушеня представляет личность в качестве субъекта конкретного вида социально-значимой активности, сущность субъектности, по его мнению, выражается в актуальных психических явлениях, присущих действующему человеку (Пастушеня, 1998). Субъектность асоциальной личности в представлении Г. И. Уразаевой выступает внутренним условием ее позитивной социальной активности (Уразаева, 2014). Возможность проявления активности обеспечивается признанием, поддержкой и поощрением асоциальной личности со стороны окружающих. В трактовке Л. В. Алексеевой субъектность соответствует уровням организации жизнедеятельности человека и имеет четырехуровневое строение (витальное, индивидное, общественно-социальное и индивидуально-социальное). Высший уровень субъектности обеспечивает

правопослушное поведение, а снижение способствует криминализации (Алексеева, 2006). По ее мнению, субъектность личности ограничена пределами, определяемыми возможностями человека отвечать на требования общества. При их исчерпании субъектность подменяется объектностью, ставя человека в зависимую и уязвимую от внешних воздействий позицию и способствуя противоправному поведению. Изучая механизм криминализации личности, Н. М. Романова связывает субъектность с проявлением криминальной самореализации (Романова, 2015). Она приходит к выводу о том, что криминализация в определенных случаях осуществляется посредством самодетерминации и самомотивации личности, приводящей к самововлечению в криминальную деятельность. Субъективные отношения рассматриваются М. Г. Дебольским с соавторами в контексте жизненного пути осужденного

”

Важной характеристикой становления субъектности выступает переход от развития к саморазвитию, от подверженности изменениям к их инициации, от проживания жизни к житнетворчеству

“

(Дебольский, Левин, Бокова, 2016). Динамика субъективных отношений на докриминальном, криминальном и посткриминальном этапах жизнедеятельности осужденного рассматривается исследователями в контексте постпенитенциарной ресоциализации личности (Бастрыкин и др., 2020).

Обобщая рассмотренные позиции, отметим, что к настоящему времени субъектный подход не получил воплощения в целостной теории криминализации личности, составляя на текущий день базис частных концепций криминального поведения (Тазин, 2006).

Оценивая возможности субъектного подхода, подчеркнем его возможности в представлении феноменологии криминализации личности. Ими выступают признание способности субъекта управлять собственным поведением, выбирая между криминальным

и правопослушным способами удовлетворения потребностей; понимание субъектом ответственности за свои поступки, направленность на саморазвитие и самореализацию в жизнедеятельности.

Данные характеристики субъектности расширяют представление о специфике субъектной регуляции криминального поведения, располагающейся вне био-психо-социальных факторов криминализации личности.

Рассматривая криминальное поведение с позиции субъектного подхода, охарактеризуем ключевые представления о нем. Во-первых, являясь видом активности субъекта, криминальное поведение подвергается регуляции, что предполагает его подчиненность цели и плану, контролю над действиями и оценку результата. Во-вторых, криминальное поведение сопровождается осознанием социальных последствий как для окружающих, так и для самого субъекта. В-третьих, являясь социально-значимым видом активности, криминальное поведение, репрезентирует *«отношение личности к другим людям, к обществу, к нормам общественной морали»* (Рубинштейн, 1989, с. 10).

Поскольку содержание криминального поведения составляет отношение субъекта к удовлетворению собственных потребностей антиобщественным способом, изучение этого отношения позволяет оценить уровень криминализации. В научной публицистике представлены исследования, раскрывающие значение отношений, установок и представлений личности в криминализации личности. Основной объем сосредоточен в области взаимодействия с другими людьми, группами и обществом, отдельные направления характеризуют криминализирующее значение отношения личности к нормативным правовым, культурным и субкультурным, групповым аспектам социального взаимодействия.

В нашем представлении субъективный контекст криминализации личности образуют отношения, участвующие в регуляции криминального поведения и определяющие выбор субъектом правонарушающего или правопослушного варианта действия (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010). В их состав могут входить отношение к себе (самоотношение) как субъекту удовлетворения потребностей, к преступлению как антиобщественному пути удовлетворения потребности и наказанию как последствию преступления. На основании теоретических сведений о сущности подобных отношений нами были определены и обобщены отдельные виды отношений. В их числе нами рассматриваются:

1. Эгоцентрическая установка как сверхценное отношение к себе. Данное субъективное образование самосознания неоднократно отмечалось исследователями в качестве отличительного признака криминальных лиц (Зауторова, Кевля, 2021; Тазин, 2006;

Deitzer et al., 2022). Высокий уровень эгоцентризма, сочетающийся с обесцениванием общественных норм, побуждает субъекта придавать исключительное значение собственным потребностям, желаниям и интересам, манипулировать или вовсе игнорировать интересы других людей (Токарева, 2017; Узлов, 2015).

2. Отношение к наказанию как последствию преступления рассматривается в качестве одного из факторов, учитываемых при его совершении (Deitzer et al., 2022). Оценка вероятности быть пойманным и изобличенным в преступлении, а затем подвергнуться наказанию выделяется в числе этапов субъективной оценки преступления (Walters, 1995) и, как показывают исследования, у лиц с последовательно-криминогенным типом поведения готовность совершать преступления сочетается с недооценкой его последствий (Gummerum, Hanoch, & Rolison, 2014).

3. Признание допустимости преступления выступает одним из ведущих признаков криминализации личности. В работах отечественных и зарубежных криминальных психологов отмечается, что оправданием преступления служит субъективная ценность цели преступления (Ратинов, 2016), криминальная целевая установка (Пастушеня, 1998). Нередко допустимость преступления обосновывается обстоятельствами ситуации, побуждением со стороны окружающих или потерпевшего, представлением о справедливости (Ioannou et al., 2015).

4. Отношение к потерпевшему характеризует морально-нравственную сферу личности преступника, выражая его просоциальную либо антиобщественную направленность. Переживание сострадания и сочувствия к жертве преступных посягательств указывает на развитие механизма моральной регуляции поведения (Levy & Ben-David, 2015), тогда как циничное, обесценивающее и дегуманизирующее отношение выражает антиобщественную направленность (Haunpes & Cares, 2015).

5. Признание необходимости преступления относится к обстоятельствам, влияющим на уголовное наказание и снижающим чувство вины у преступников (De Vel-Palumbo, Wenzel, & Woodyatt, 2019). Уверенность в необходимости совершения преступления позволяет оправдать свое поведение в глазах окружающих, а также облегчить переживание вины перед близким окружением (Hall & Fincham, 2008). При этом зачастую при отсутствии необходимости преступники воссоздают ее в рамках собственных представлений о событии преступления (Althoff, Dollinger, & Schmidt, 2020).

Описанная совокупность отношений характеризует позицию личности по отношению к криминальному поведению и соответствует предположению о регулирующей функции субъектности. Следует отметить, что криминогенное значение отношений ранее было

установлено нами в результате изучения восприятия преступления несовершеннолетними (Злоказов, Ильянкова, Рожков, 2021) и совершеннолетними правонарушителями и преступниками (Недилько, Злоказов, 2020). В исследованиях были получены сведения о выраженности отношений у лиц с криминальной направленностью и отсутствии таковой у лиц с правопослушным поведением. При этом не было установлено, какие отношения и в какой мере характеризуют уровень криминализации. Кроме того, разновозрастные выборки исследований, а также нахождение участников опроса на разных стадиях криминализации не позволяли выявить взаимосвязь отношений, а также установить их комплексный характер их проявления.

Данные задачи решаются в этом исследовании. На основе идеи об обусловленности криминализации проявлением субъектности нами разработан комплекс отношений, свидетельствующих о риске криминализации личности. Предполагается, что отношения соучаствуют в регуляции поведения, и ожидается, что их проявление должно быть взаимосвязанным, а выраженность у криминогенных лиц превышать выраженность у правопослушных.

Эмпирическое исследование. Целью исследования выступала эмпирическая проверка предположений о комплексном характере связи субъективных отношений, указывающих на криминализацию личности.

Задачами выступили:

- подтверждение комплексного характера (связи) отношений, указывающих на криминализацию личности;
- определение надежности (по критерию внутренней согласованности) утверждений и способности комплекса отношений дифференцировать лиц по уровню криминализации.

Гипотезами исследования выступили предположения:

1. О взаимосвязи отношений, выступающих индикаторами криминализации.
2. О способности опросника различать (дифференцировать) лиц с разным уровнем криминогенности.

Выборка исследования объемом 618 человек формировалась в соответствии с задачами исследования и включала в себя лиц с правопослушным поведением (202 человека, 75 % мужчины, ср. возраст 32,4 года, SD=11,6 лет) и криминогенных лиц. Криминогенные лица разделены на две подгруппы по критерию неоднократности привлечения к уголовной ответственности на ситуативно-криминогенных (однократно привлеченных к уголовной ответственности за совершение корыстных преступлений и преступлений по неосторожности), n=219 человек, 91 % мужчины, ср. возраст 31,2 лет, SD=12,2 года, а также последовательно-криминогенных (неоднократно привлеченных к уголовной ответственности), n=197 человек, 93% мужчины, ср. возраст 36,3 года, SD=9,5 лет.

Криминогенные участники обследования находились под административным надзором органов внутренних дел Российской Федерации. Выборка исследования собиралась в г. Санкт-Петербурге, а также Ленинградской, Свердловской и Омской областях. Правопослушные участники не привлекались к уголовной ответственности, являлись сотрудниками правоохранительных органов.

Объем выборки устанавливался с учетом требований, определяющих необходимое количество обследуемых для проведения процедур конфирматорного анализа, расчета согласованности (α -Кронбаха) и корреляционного анализа утверждений опросника.

Процедура исследования осуществлялась в добровольном порядке. Перед началом исследования участнику предоставлялась информация о целях работы, характере вопросов, порядке заполнения, время исследования не ограничивалось. Незаполненные анкеты, а также бланки, заполненные неправильно либо с искажением ответов, исключались.

Методы решения задач исследования применялись согласно поставленным гипотезам. Структура модели (конструкта) криминализации изучалась посредством конфирматорного факторного анализа, а различительные возможности опросника оценивались посредством расчета N-критерия Краскела-Уоллиса, дополненного оценкой мощности результата и выявлением межгрупповых различий по критерию Двасса-Стила-Крихтлоу-Флингера, расчетом дескриптивной статистики показателя риска криминализации между подгруппами выборки.

Описательная статистика и дисперсионный анализ выполнялись в статистической программе Statistica for Windows, конфирматорный факторный анализ в JASP.

Конструкт был воплощен в форме опросника общим объемом 60 утверждений, включавшего шкалы, ранее выделенные нами в качестве факторов криминализации: «Эгоцентрическая установка», «Отрицание уголовного наказания», «Обвинение потерпевшего», «Признание допустимости преступления», «Признание необходимости преступления».

Каждая шкала включала по 12 утверждений, раскрывающих ее значение. Регистрация ответов осуществлялась посредством пятибалльной шкалы Лайкерта (у всех утверждений минимальное значение признака было равно 1, а максимальное – 5).

Дескриптивные показатели шкал включали расчет средних значений (далее – ср.знач), стандартного отклонения (далее – SD), критерия нормальности распределения ответов (по критерию Шапиро-Уилкса (далее – Shapiro-W).

Оценка согласованности проводилась путем расчета коэффициента α -Кронбаха. Связи утверждений внутри и между шкалами оценивались посредством расчета коэффициента корреляции.

Полученные результаты представлены в табл. 1. (показатели внутренней согласованности опросника).

Результаты исследования. Результаты исследования излагаются последовательно, в соответствии с намеченными задачами и раскрывают результаты проверки гипотез.

1. Гипотеза о компонентном составе конструкта криминализации проверялась посредством конфирматорного анализа показателей опросника. Проверка гипотезы заключалась в выявлении группировки во-

просов, а затем и шкал, обладающих оптимальными показателями связей между собой и в совокупности объясняющих закономерности ответов респондентов.

Рассматривались три варианта факторизации показателей криминализации: полный, соответствующий теоретической модели, скорректированный на основе структурных критериев (χ^2 / df , RMSEA, CFI и др.) и сокращенный по основаниям всех формальных критериев (Burne, 2016). Статистические показатели моделей представлены в таблице 2.

Таблица 1. Показатели внутренней согласованности опросника риска криминализации

Table 1. Indicators of the internal coherence of the questionnaire "Risk of Criminalisation"

№ п/п	Шкала	Показатели распределения значений шкал	Показатели внутренней согласованности		
			Значения α -Кронбаха	Значения корреляции между утверждениями	Надежность по расщеплению
1	Эгоцентрическая установка	Ср. знач.: = 2,78 SD = 0,63 Shapiro-W, W=	0,68	0,47	0,42
2	Отрицание уголовного наказания	Ср. знач.: = 2,79 SD = 0,67 Shapiro-W, W=	0,71	0,51	0,49
3	Обвинение потерпевшего	Ср. знач.: = 2,59 SD = 0,64 Shapiro-W, W=	0,77	0,61	0,66
4	Признание допустимости преступления	Ср. знач.: = 2,64 SD = 0,65 Shapiro-W, W=	0,71	0,39	0,41
5	Признание необходимости преступления	Ср. знач.: = 2,03 SD = 0,53 Shapiro-W, W=	0,61	0,34	0,36

Таблица 2. Параметры моделей криминализации личности (на материале конфирматорного факторного анализа)

Table 2. Pattern parameters of personality criminalisation (on the basis of confirmatory factor analysis)

Модели опросника	Параметры модели			Характеристики модели				
	χ^2	df	p	RMSEA	RMSEA CI 90%		TLI	CFI
					Нижний	Верхний		
Теоретическая модель (6 компонент)	522,7	87	0,001	0,107	0,098	0,116	0,876	0,897
Скорректированная модель (3 компоненты)	105,3	34	0,001	0,076	0,060	0,093	0,941	0,956
Сокращенная модель (9 утверждений)	73,4	27	0,001	0,069	0,051	0,088	0,962	0,970

Можно видеть, что скорректированный и сокращенный варианты наиболее соответствуют требованиям конфирматорного анализа к структуре модели (соотношение χ^2 / df и уровень статистической значимости (p). Кроме того, глядя на характеристики полученных моделей, можно отметить, что теоретическая модель имеет худшие показатели соответствия модели эмпирическим данным (далее – качества подгонки). Об этом говорит более высокое значение индексов ошибки (RMSEA, > 0,08), низкие значения корреляций между переменными (CFI, < 0,9) и недостаточное соответствие эмпирической модели ее нулевому варианту (TLI, < 0,95).

По сравнению с теоретической моделью ее скорректированный вариант обладает удовлетворительными параметрами ($\chi^2 / df < 3$, $p < 0,001$ и значениями индексов RMSEA, CFI, TLI). Скорректированная модель включает шкалы эгоцентрической установки, отрицания наказания и обвинения потерпевшего и не включает шкалы вынужденности преступления и обвинения окружающих. Однако скорректированная модель нуждается в доработке, поскольку ряд утверждений (например, «Умные преступники избегают наказания», «Жить нужно по собственным, а не по чужим правилам») обладает высокими значениями ошибок измерения. Объяснение этому видится в различиях представлений у лиц с разным уровнем криминогенности и разной направленностью (правопослушной или правонарушающей), составивших выборку нашего исследования.

Лучшими характеристиками обладает сокращенный вариант модели, включающий 9 утверждений из шкал эгоцентрической установки, отрицания наказания и обвинения потерпевших. Он имеет удовлетворительные параметры качества подгонки, а по психометрическим показателям надежности шкала обладает достаточным уровнем внутренней согласованности

(α -Кронбаха = 0,87), междупунктовой корреляции (при $n=612$ $r=0,49$). В целом, эти результаты подтверждают возможность использовать модель для проведения дальнейшего исследования риска криминализации. На этом основании далее в работе используется интегральная монополярная шкала.

2. Проверка гипотезы о способности шкалы риска криминализации различать лиц с разным уровнем криминогенности осуществлялась Н-критерием Краскала-Уоллиса с оценкой эффекта и сравнением различий между группами критерием Двасса-Стила-Крихтлоу-Флингера (далее – DSCF). Выбор критерия обусловлен отклонением распределения значений уровня показателя от нормального закона, что препятствует применению критерия Фишера (однофакторный дисперсионный анализ).

Различия были установлены между всеми подгруппами выборки ($\chi^2 = 53,5$ при $df=2$, $p < 0,001$, $\epsilon^2 = 0,10$), параметры сравниваемых групп представлены в таблице 3, графики распределения приведены на рис. 1.

Сравнение показателей криминализации в разных подгруппах выборки демонстрирует статистически значимые различия между ними. Наибольшие различия в уровнях показателя установлены между правопослушными и последовательно-криминогенными подгруппами выборки. Подгруппе лиц с ситуативно-криминогенным поведением присущи средние значения показателя криминализации, не достигающие уровня последовательно-криминогенных лиц, но и не снижающиеся до уровня правопослушной выборки.

Анализ показателя демонстрирует неоднородность его распределения в подгруппах выборки. Видно, что во всех группах существуют разные значения показателя, что свидетельствует о различиях в выраженности отношений. Можно отметить, что высокий уровень показателя (чаще представленный в подгруппе последо-

Таблица 3. Значения показателя «Риск криминализации» в подгруппах выборки с разным типом криминогенности

Table 3. Indicator's meanings of the risk of criminalisation" in the subgroups' selection with different types of criminality

Подгруппы выборки	Значения показателя		Результаты сравнения (по критерию DSCF)			
	Ср. знач.	SD	1	2	w	P
Последовательно-криминогенная (ПК), n=197	25,2	5.83	ПК	СК	-3,48	0.037
Ситуативно-криминогенная (СК), n= 219	22,9	7.37	ПК	ПП	-11,5	<0.001
Правопослушная (ПП), n=202	19,3	4.18	СК	ПП	-6,41	0.051

Примечание: результаты сравнения по критерию DSCF приводятся попарно, где в столбцах 1 и 2 представлены сравниваемые подгруппы выборки, а в строках – результаты сравнения.

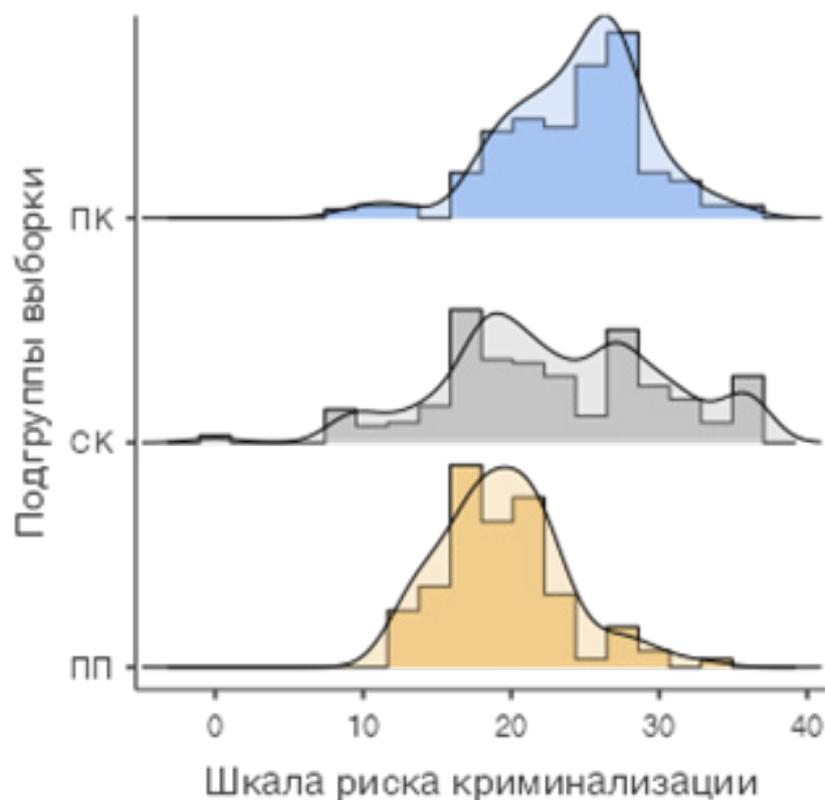

Рис. 1. Распределение значений показателя шкалы риска криминализации в выборках исследования

Fig. 1. Distributing the indicator' meanings of the scale of criminalisation risk in the research's sample selection

Примечание: По оси ординат представлены подгруппы выборки: ПК – последовательно-криминогенная, СК – ситуативно-криминогенная, ПП – правопослушная; по оси абсцисс – отложены значения интегральной шкалы риска криминализации. Столбцами отображены частоты значений, а кривыми – плотность распределения.

вательно-криминогенных лиц) характеризуется обесцениванием наказания за совершение преступлений, обвинением потерпевших в провоцировании преступления и эгоцентрической направленностью. Низкий уровень показателя (более представленный в подвыборке правопослушных лиц) выражается в признании значимости уголовного наказания, сострадании и сочувствии к потерпевшим и социоцентрической направленности.

В целом установленные статистические различия между уровнем показателя позволяют утверждать, что шкала может дифференцировать криминогенных лиц на основании наличия у них комплекса, состоящего из эгоцентрического отношения к себе, отрицания уголовного наказания, обвиняющего отношения к потерпевшему.

Интерпретация результатов. Исследование посвящено осмыслению возможностей субъектного подхода

для оценки криминализации личности. Предполагая, что подход позволяет раскрыть отношения, влияющие на регуляцию криминального поведения личности, нами разработана теоретическая модель отношений, проведена ее операционализация и эмпирическая оценка.

Идеей исследования выступило предположение о влиянии субъектной позиции личности на принятие решения о возможности и допустимости совершения криминального действия в целях удовлетворения собственных потребностей. В процессе теоретической разработки идеи было сформировано предположение о значении комплекса субъективных отношений в регуляции криминального поведения личности и принятии криминогенных решений. Разработанная теоретическая модель использовалась для создания опросника, а составляющие ее компоненты были операционализированы в виде шкал. Проверка модели осуществлялась

в группах правопослушных и криминогенных лиц, поскольку предполагалось, что риск криминализации у них будет различаться.

Полученные эмпирическим путем результаты свидетельствуют об общей поддержке выдвинутых гипотез.

Гипотеза о компонентной организации криминализации была подтверждена конфирматорным анализом частично. Теоретическая модель из 6 компонент показала худшие параметры структуры и качества, поэтому на ее основе была разработана скорректированная, трехкомпонентная модель. В ее состав вошли такие шкалы, как «эгоцентрическая установка», «отрицание наказания» и «обвинение потерпевшего». Другие конфигурации компонент имели худшую информативность как по показателям объема воспроизводимой информации и индексам ошибки, так и соответствию модели эмпирическим данным. Однако, как показало исследование, трехкомпонентная модель имела недостаточные параметры структуры и качество подгонки.

Объяснение этому видится в качественном составе выборки исследования. Поскольку выборка была сформирована по объективному критерию криминогенности (количеству привлечений к уголовной ответственности), а не субъективному, то в ее подгруппах были лица с разным уровнем криминализации.

Одни отказались от противоправного поведения, а другие, напротив, были готовы совершать преступления в будущем. Их субъективное мнение повлияло на результаты опроса. Так, например, в группе правопослушных лиц было получено 7 % ответов, характерных для лиц с высоким уровнем криминогенности, а в выборках криминогенных лиц 21% ответов не имел криминальной направленности.

Этот результат указывает на необходимость более глубокого анализа субъективных представлений криминогенных и правопослушных лиц, подчеркивает важность дальнейшего изучения субъектной позиции личности в регуляции криминального поведения.

Методическим результатом исследования является разработка и апробация шкалы криминализации (текст представлен в приложении к статье). Она получена путем сокращения компонент и объединения утверждений на основе конфирматорного факторного анализа. Данный вариант содержит пункты шкал эгоцентризма (2 утверждения), отрицания наказания (3 утверждения), обвинения потерпевшего (4 утверждения).

В целом шкала обладает удовлетворительными показателями надежности по критерию внутренней согласованности ($n=618$, α -Кронбаха = 0,904, ср. знач. межп. корр=0,51). Она может применяться для изучения риска криминализации, основывающегося на анализе уровня эгоцентричности в самоотношении, субъективных отношений к наказанию за совершение преступления и потерпевшему от преступных действий.

Теоретическим результатом исследования стало подтверждение криминализирующего значения сверхценного отношения к себе, обесценивающего отношения к наказанию и цинично-обвиняющего отношения к потерпевшему. Поскольку эти отношения выражены у криминогенных лиц и слабо проявляются у правопослушных, можно говорить о комплексе отношений, в той или иной степени свойственном криминогенной личности.

”

Результаты исследования развивают субъектный подход в криминальной психологии, уточняя и расширяя представление о предпосылках криминализации личности, которыми выступают: эгоцентрическое самоотношение, отрицание уголовного наказания, негативное отношение к жертве преступления

“

В исследовании установлено, что по сравнению с правопослушной группой, члены криминогенной подгруппы чаще соглашались с допустимостью эгоцентрического, а не социоцентрического поведения («жить нужно по своим правилам»), считают возможным избежать наказания («за это не посадят», «все так делают»), обесценивают потерпевшего («сам виноват», «первый начал»). Комплексный характер отношений подтверждается статистически значимыми корреляционными связями между утверждениями. При этом наличие корреляций во всех подгруппах выборки характеризует распространенность убеждений и среди криминогенных лиц и правопослушных, а значимость корреляционной связи говорит об устойчивости комплекса. Различия в характере связей заключаются в том, что у правопослушных лиц они проявляются слабо и разнонаправленно, тогда как у криминогенных лиц они выражены и сочетаются друг с другом.

Несмотря на то, что результаты в целом согласуются с теоретическими положениями ценностно-нормативного подхода, разработанного А. Р. Ратиновым (Ратинов, 2009) и концепцией криминогенной склонности личности, предложенной А. Н. Пастушениной (Пастушенина, 2012), следует описать новые сведения о субъек-

тивных предпосылках криминализации личности, индикаторами которых, по-видимому, выступают выявленные в исследовании отношения.

Анализ ответов демонстрирует, что существенные различия между криминогенными и правопослушными подгруппами наблюдаются в отношении к жертве преступных посягательств и вероятности подвергнуться уголовному наказанию. По показателю эгоцентрической направленности ответы в подгруппах различаются с минимальной статистической значимостью.

Психологическими причинами отрицания уголовного наказания, обвинения потерпевшего и циничного отношения к нему, на наш взгляд, выступает стремление самооправдаться, снизив чувство вины, а также избежать общественного порицания, объяснив окружающим причины своего поступка. Это предположение опирается на исследования оправданий (Макаркина, 2019) и психологических защит лиц, находящихся в следственном изоляторе (Богданова, Губин, 2019), осужденных впервые и повторно (Заурова, Кевля, 2021), приговоренных к пожизненным срокам лишения свободы (Узлов, 2015). Обвиняя жертву в провокации преступления и считая наказание необоснованным, преступник отказывается от принятия ответственности за собственные действия как перед самим собой, так и перед обществом.

Вследствие подобного отношения уголовное наказание воспринимается криминогенным субъектом несправедливым, отягчающим его существование. У лиц ситуативно-криминогенного типа эти переживания выражены слабее, чем у последовательно-криминогенных, что говорит об остроте восприятия ограничений, вызванных уголовным наказанием, и силе их влияния на социальное функционирование и благополучие личности. К дискриминирующим последствиям уголовного наказания можно отнести новообразования в трудовых отношениях (недоверие и контроль со стороны руководителей, отказ от назначения на ответственные и руководящие должности), отношениях с социальным окружением (эмоциональное отдаление от родственников, разрыв близких отношений и трудности взаимодействия) (Злоказов, 2023).

С учетом изложенного, отметим, что риск криминализации личности возрастает не только в связи с формированием выявленного комплекса отношений, но и под влиянием трудностей социального функционирования.

Заключение

Представленное в статье исследование описывает разработку и результаты эмпирической проверки комплекса субъективных отношений, характеризую-

щих криминализацию личности. Результаты исследования развивают субъектный подход в криминальной психологии, уточняя и расширяя представление о предпосылках криминализации личности, которыми выступают: эгоцентрическое самоотношение, отрицание уголовного наказания, негативное отношение к жертве преступления. Описанный комплекс отношений выявлен в группах лиц с последовательным и ситуативным типом криминогенности, отдельные его составляющие представлены в группе правопослушных лиц.

Результаты исследования имеют теоретические и методические перспективы.

Теоретическая перспектива заключается в развитии и уточнении разработанного конструкта криминализации посредством прояснения значения вины в регуляции криминального поведения, определения внутри- и межличностных аспектов ее проявления.

Также важным является определение влияния трудностей социального функционирования криминогенной личности и особенностей ее жизнедеятельности на разных этапах криминализации (в том числе посткриминальном) на выявленный комплекс отношений, способствующих криминализации. Оба направления исследований позволят яснее понять субъективные основания криминализации, установленные нами в рамках текущего исследования криминогенного значения циничного отношения к потерпевшему, обесценивания уголовного наказания и эгоцентрической направленности личности.

Методическая перспектива исследования связана с теоретической и заключается в дальнейшей операционализации конструкта, введении новых шкал, развивающих измерения субъективных отношений к преступлению и его последствиям. Перспективным направлением выступает изучение субъективных аспектов вины как внутриличностного образования и регулятора межличностных отношений.

Ограничения исследования. Ограничения исследования обусловлены теоретическими и методическими особенностями субъектного подхода, применяемым нами в качестве методологического основания для изучения криминализации; выборкой исследования, включающей лиц молодого и взрослого возраста (от 23 до 45 лет), и преимущественно состоящей из мужчин; необходимостью изучения психометрических характеристик валидности и надежности шкалы риска криминализации; отсутствием в шкале утверждений, оценивающих социальную желательность, искренность или уровень мотивации респондентов.

Применение результатов исследования (выводов, прилагаемой шкалы оценки риска криминализации) необходимо осуществлять с учетом имеющихся ограничений.

Список литературы

- Алексеева, Л. В. (2006). *Психологическая характеристика субъекта преступления*: автореф. дис. ... д. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Бастрыкин, А. И., Сальников, В. П., Романовская, В. Б., Воронков, К. И. (2020). Антикrimиногенная ресоциализация: зарубежный опыт. *Всероссийский криминалистический журнал*, 14 (3), 371–378. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(3\).371-378](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378)
- Богданова, Е. А., Губин, В. А. (2019). Особенности психологических защит у лиц среднего возраста в условиях социальной изоляции. *Проблемы современного педагогического образования*, 65 (2), 306–309.
- Вэтра, А. В. (2020). Об особенностях самоотношения несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных. *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*, 1 (38), 204–205.
- Григорьева, А. А., Афонина, Ю. С., Кабанова, Т. Н. (2018). Криминализация несовершеннолетних как проблема современного общества (психологические, социально-психологические и клиничко-психопатологические факторы). *Прикладная юридическая психология*, 4 (45), 49–59.
- Дворянчиков, Н. В., Савкина, И. А. (2011). Исследование особенностей правосознания несовершеннолетних. *Психологическая наука и образование*, 3 (1). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39933
- Дебольский, М. Г., Левин, Л. М., Бокова, Н. В. (2016). Сравнительный анализ субъективной картины жизненного пути осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. *Психология и право*, 6 (4), 186–195. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060417>
- Зауторова, Э. В., Кевля, Ф. И. (2021). Особенности психологической защиты осужденных, находящихся в местах лишения свободы. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 26 (4 (87)), 398–403. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-487-398-403>
- Злоказов, К. В., Ильянцева, Е. И., Рожков, А. А. (2021). Влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления несовершеннолетними. *Всероссийский криминалистический журнал*, 15 (1), 15–26. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).15-26](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).15-26)
- Злоказов, К. В. (2023). Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3 (99), 218–226. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-218-226>
- Макаркина, О. Е. (2019). Самооправдание осужденных как фактор, препятствующий их исправлению. В *Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития*: материалы Международной заочной научно-практической конференции (Псков, 31 мая 2019 года, стр. 171–175). Псков: Псковский филиал Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
- Недилько, М. С., Злоказов, К. В. (2020). Различия в субъективных представлениях бывших сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение корыстных и коррупционных преступлений. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 2 (86), 215–222. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-2-215-222>
- Пастушеня, А. Н. (2011). Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ. *Прикладная юридическая психология*, 1, 27–38.
- Пастушеня, А. Н. (1998). *Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция*. Минск: Академия МВД Республики Беларусь.
- Пастушеня, А. Н. (2012). Характеристика системообразующего ядра криминогенной склонности личности. *Прикладная юридическая психология*, 2, 18–28.
- Ратинов, А. Р. (2016). *Избранные труды*. Серия Научные труды ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- Ратинов, А. Р. (2009). Личность преступника. Психологические аспекты. В *Юридическая психология: сборник научных трудов* (вып. 4, стр. 7–16). Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- Романова, Н. М. (2015). Разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 15 (3), 96–100.
- Рубинштейн, С. Л. (1989). *Основы общей психологии*: в 2 т. Т. II. Труды действительных членов и членов-корреспондентов Академии педагогических наук СССР. Москва: Педагогика.
- Сергиенко, Е. А., Виленская, Г. А., Ковалева, Ю. В. (2010). *Контроль поведения как субъективная регуляция*. Москва: Институт психологии РАН.
- Сучкова, Е. Л. (2018). Концепция исследования психологии группового правосознания осужденных. *Психология и право*, 8 (2), 101–112. <https://doi.org/10.17759/psylaw.201808020>
- Тазин, И. И. (2006). *Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск.

- Токарева, Г. М. (2017). Индивидуально-психологические и клинико-социальные характеристики лиц с психическими расстройствами в зависимости от характера криминальной рецидивности. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 6 (5А), 83–91.
- Узлов, Н. Д. (2015). Приговоренные к жизни: самооценка агрессивности и чувства вины осужденными к пожизненным срокам лишения свободы. *Суицидология*, 6 (1 (18)), 42–53.
- Уразаева, Г. И. (2014). Методологические принципы изучения личности преступника и преступного поведения. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 3 (17), 126–130.
- Чернышева, Е. В. (2007). Факторная структура Я-концепции личности осужденных. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 4 (31), 40–47.
- Althoff, M., Dollinger, B., & Schmidt, H. (2020). Fighting for the “Right” Narrative: Introduction to Conflicting Narratives of Crime and Punishment. In: Althoff, M., Dollinger, B., Schmidt, H. (Eds.), *Conflicting Narratives of Crime and Punishment*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47236-8_1
- Byrne, B. M. (2016). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (3rd Ed.). New York: Routledge.
- De Vel-Palumbo, M., Wenzel, M., & Woodyatt, L. (2019). Self-punishment promotes reconciliation with third parties by addressing the symbolic implications of wrongdoing. *European Journal of Social Psychology*, 49 (5), 1070–1086. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2571>
- Deitzer, J. R., Leban, L., Copes, H., & Wilcox, S. (2022). Criminal Self-Efficacy and Perceptions of Risk and Reward among Women Methamphetamine Manufacturers. *Justice Quarterly*, 39 (4), 847–870. <https://doi.org/10.1080/07418825.2021.1901965>
- Gummerum, M., Hanoch, Y., & Rolison, J. J. (2014). Offenders' risk-taking attitude inside and outside the prison walls. *Risk analysis: an official publication of the Society for Risk Analysis*, 34 (10), 1870–1881. <https://doi.org/10.1111/risa.12222>
- Hall, J. H., & Fincham, F. D. (2008). The temporal course of self-forgiveness. *Journal of Social & Clinical Psychology*, 27 (2), 174–202. <https://doi.org/10.1521/jscp.2008.27.2.174>
- Haynes, S. H., & Cares, A. C. (2015). Victims' and Offenders' Views About Crime and Justice. *Sociological Focus*, 48 (3), 228–248. <http://www.jstor.org/stable/24579296>
- Ioannou, M., Canter, D., Youngs, D., & Synnott, J. (2015). Offenders' Crime Narratives Across Different Types of Crimes. *Journal of Forensic Psychology Practice*, 15 (5), 383–400. <https://doi.org/10.1080/15228932.2015.1065620>
- Levy, I., & Ben-David, S. (2015). Mechanism of Bystander-Blaming: Defensive Attribution, Counterfactual Thinking, and Gender. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 59 (1), 96–113. <https://doi.org/10.1177/0306624X13503297>
- Walters, G. D. (1995). The psychological inventory of criminal thinking styles: Part I: Reliability and preliminary validity. *Criminal Justice and Behavior*, 22 (3), 307–325. <https://doi.org/10.1177/0093854895022003008>

References

- Alekseeva, L. V. (2006). *Psichologicheskaya harakteristika sub"ekta prestupleniya: avtoref. dis. ... d. psihol. nauk*. Saint Petersburg.
- Bastrykin, A. I., Sal'nikov, V. P., Romanovskaya, V. B., Voronkov, K. I. (2020). Antikriminogennaya resocializaciya: zarubezhnyj opyt. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 14 (3), 371–378. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(3\).371-378](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378)
- Bogdanova, E. A., Gubin, V. A. (2019). Osobennosti psihologicheskikh zashchit u lic srednego vozrasta v usloviyah social'noj izolyacii. *Problemy sovremenogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 65 (2), 306–309.
- Vetra, A. V. (2020). Ob osobennostyah samootnosheniya nesovershennoletnih podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 1 (38), 204–205.
- Grigor'eva, A. A., Afonina, Yu. S., Kabanova, T. N. (2018). Kriminalizaciya nesovershennoletnih kak problema sovremenogo obshchestva (psihologicheskie, social'no-psihologicheskie i kliniko-psihopatologicheskie faktory). *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (45), 49–59.
- Dvoryanchikov, N. V., Savkina, I. A. (2011). Issledovanie osobennostej pravosoznaniya nesovershennoletnih. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie*, 3 (1). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39933
- Debol'skij, M. G., Levin, L. M., Bokova, N. V. (2016). Sravnitel'nyj analiz sub"ektivnoj kartiny zhiznennogo puti osuzhdennyh, sostoyashchih na uchete v ugolovno – ispolnitel'noj inspekcii. *Psichologiya i pravo*, 6 (4), 186–195. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060417>
- Zautorova, E. V., Kevlya, F. I. (2021). Osobennosti psihologicheskoy zashchity osuzhdennyh, nahodyashchihysya v mestah lisheniya svobody. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 26 (4 (87)), 398–403. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-487-398-403>

- Zlokazov, K. V., Il'yankova, E. I., Rozhkov, A. A. (2021). Vliyanie predstavleniya o social'nom prostranstve na ocenku prestupleniya nesovershennoletnimi. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 15 (1), 15–26. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).15-26](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).15-26)
- Zlokazov, K. V. (2023). Ocenka lichnostnyh, mezhlichnostnyh i social'nyh problem v resocializacii lic, privlekavshihsia k ugolovnoj otvetstvennosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (99), 218–226. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-218-226>
- Makarkina, O. E. (2019). Samoopravdanie osuzhdennyh kak faktor, prep'yatstvuyushchij ih ispravleniyu. V *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: realii i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Pskov, 31 maya 2019 goda, str. 171–175). Pskov: Pskovskij filial Akademii prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Nedil'ko, M. S., Zlokazov, K. V. (2020). Razlichiya v sub"ektivnyh predstavleniyah byvshih sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov, osuzhdyonnyh za sovershenie korystnyh i korrupcionnyh prestuplenij. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2 (86), 215–222. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-2-215-222>
- Pastushenya, A. N. (2011). Psihologicheskij mekhanizm prestupnogo povedeniya: sistemno-funkcional'nyj analiz. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 1, 27–38.
- Pastushenya, A. N. (1998). *Kriminogennaya sushchnost' lichnosti prestupnika: metodologiya poznaniya i psihologicheskaya koncepciya*. Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus'.
- Pastushenya, A. N. (2012). Harakteristika sistemoobrazuyushchego yadra kriminogennoj sklonnosti lichnosti. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 2, 18–28.
- Ratinov, A. R. (2016). *Izbrannye trudy. Seriya Nauchnye trudy uchenyh Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii*. Moskva: Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii.
- Ratinov, A. R. (2009). Lichnost' prestupnika. Psihologicheskie aspekty. V *Yuridicheskaya psihologiya: sbornik nauchnyh trudov* (vyp. 4, str. 7–16). Moskva: Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii.
- Romanova, N. M. (2015). Raznovidnosti vovlecheniya lichnosti v kriminal'nyu deyatel'nost'. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 15 (3), 96–100.
- Rubinshtejn, S. L. (1989). *Osnovy obshchej psihologii: v 2 t. T. II. Trudy dejstvitel'nyh chlenov i chlenov-korrespondentov Akademii pedagogicheskikh nauk SSSR*. Moskva: Pedagogika.
- Sergienko, E. A., Vilenskaya, G. A., Kovaleva, Yu. V. (2010). *Kontrol' povedeniya kak sub"ektnaya regulyaciya*. Moskva: Institut psihologii RAN.
- Suchkova, E. L. (2018). Koncepciya issledovaniya psihologii gruppovogo pravosoznaniya osuzhdennyh. *Psihologiya i pravo*, 8 (2), 101–112. <https://doi.org/10.17759/psylaw.201808020>
- Tazin, I. I. (2006). *Kriminalisticheskaya harakteristika motivacionno - smyslovoj sfery lichnosti prestupnika: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*. Tomsk.
- Tokareva, G. M. (2017). Individual'no-psihologicheskie i kliniko-social'nye harakteristiki lic s psihicheskimi rasstrojstvami v zavisimosti ot haraktera kriminal'noj recidivnosti. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 6 (5A), 83–91.
- Uzlov, N. D. (2015). Prigovorennye k zhizni: samoocenka agressivnosti i chuvstva viny osuzhdennymi k pozhiznennym srokam lisheniya svobody. *Suicidologiya*, 6 (1 (18)), 42–53.
- Urazaeva, G. I. (2014). Metodologicheskie principy izucheniya lichnosti prestupnika i prestupnogo povedeniya. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 3 (17), 126–130.
- Chernysheva, E. V. (2007). Faktornaya struktura Ya-koncepcii lichnosti osuzhdennyh. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 4 (31), 40–47.
- Althoff, M., Dollinger, B., & Schmidt, H. (2020). Fighting for the “Right” Narrative: Introduction to Conflicting Narratives of Crime and Punishment. In: Althoff, M., Dollinger, B., Schmidt, H. (Eds.), *Conflicting Narratives of Crime and Punishment*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47236-8_1
- Byrne, B. M. (2016). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (3rd Ed.). New York: Routledge.
- De Vel-Palumbo, M., Wenzel, M., & Woodyatt, L. (2019). Self-punishment promotes reconciliation with third parties by addressing the symbolic implications of wrongdoing. *European Journal of Social Psychology*, 49 (5), 1070–1086. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2571>
- Deitzer, J. R., Leban, L., Copes, H., & Wilcox, S. (2022). Criminal Self-Efficacy and Perceptions of Risk and Reward among Women Methamphetamine Manufacturers. *Justice Quarterly*, 39 (4), 847–870. <https://doi.org/10.1080/07418825.2021.1901965>
- Gummerum, M., Hanoach, Y., & Rolison, J. J. (2014). Offenders' risk-taking attitude inside and outside the prison walls.

Risk analysis: an official publication of the Society for Risk Analysis, 34 (10), 1870–1881. <https://doi.org/10.1111/risa.12222>

Hall, J. H., & Fincham, F. D. (2008). The temporal course of self-forgiveness. *Journal of Social & Clinical Psychology*, 27 (2), 174–202. <https://doi.org/10.1521/jscp.2008.27.2.174>

Haynes, S. H., & Cares, A. C. (2015). Victims' and Offenders' Views About Crime and Justice. *Sociological Focus*, 48 (3), 228–248. <http://www.jstor.org/stable/24579296>

Ioannou, M., Canter, D., Youngs, D., & Synnott, J. (2015). Offenders' Crime Narratives Across Different Types of Crimes. *Journal of Forensic Psychology Practice*, 15 (5), 383–400. <https://doi.org/10.1080/15228932.2015.1065620>

Levy, I., & Ben-David, S. (2015). Mechanism of Bystander-Blaming: Defensive Attribution, Counterfactual Thinking, and Gender. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 59 (1), 96–113. <https://doi.org/10.1177/0306624X13503297>

Walters, G. D. (1995). The psychological inventory of criminal thinking styles: Part I: Reliability and preliminary validity. *Criminal Justice and Behavior*, 22 (3), 307–325. <https://doi.org/10.1177/0093854895022003008>

Информация об авторе:

Кирилл Витальевич Злоказов – начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 28.10.2023

Одобрена после рецензирования 24.11.2023

Опубликована 15.12.2023

About the author

Kirill V. Zlokazov – Head of the Research Department of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted October 28, 2023

Approved after reviewing November 24, 2023

Accepted December 15, 2023

Шкала «Риск криминализации»

Текст утверждений

1. В жизни нужно подчиняться только себе и никому более.
2. Потерпевшие часто ведут себя хуже преступников.
3. Ловят преступников только из-за их неосмотрительности.
4. Потерпевшие всегда сами виноваты в произошедшем с ними.
5. Жить по законам общества можно, только если это выгодно.
6. Потерпевшие от преступлений заслуживают своей судьбы.
7. При хорошей подготовке преступление всегда останется нераскрытым.
8. Лишь глупые или несчастливые люди отбывают наказание в местах лишения свободы.
9. Потерпевшие наивны настолько, что могут постоянно быть жертвами преступлений.

Шкала для регистрации ответов:

1 балл – «полностью не согласен»; 2 балла – «скорее не согласен»; 4 балла – «согласен частично»; 5 баллов – «полностью согласен».

Порядок расчета результатов: значения суммируются.

Распределение значений показателя риска криминализации и диапазоны его значений в группах лиц, различающихся криминогенной направленностью, представлены в таблице.

Группы обследованных лиц	Распределение значений показателя		Диапазоны значений показателя			
	Ср. знач.	Ст. отклон.	мин-25%	26%-50%	51%-75%	76%-макс
Правопослушные	19,3	4,188	9-16	17-19	20-22	23-33
Ситуативно-криминогенные	22,9	7,373	10-18	19-22	23-28	29-36
Последовательно-криминогенные	25,2	5,832	12-21	22-25	26-28	29-38

Оригинальная статья

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-429-440

Проблемные зоны личностного развития в подростковом возрасте у лиц с явными признаками криминального поведения

Алла Вадимовна Шаболтас

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
a.shaboltas@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1966-6924

Елена Николаевна Арбузова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
e.arbuzova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1643-0529

Сергей Владимирович Горбатов

Региональный центр судебной экспертизы
(Санкт-Петербург, Россия)
s.gorbatov@bk.ru

ORCID: 0000-0003-3842-9956

Аннотация

Введение. Статья ориентирована на выявление основных проблемных зон в структуре индивидуальных показателей и системы отношений подростков, сопровождающих криминализацию поведения, с целью дальнейшего повышения качества диагностики и коррекции их личностных особенностей.

Методы исследования. В исследовании были изучены индивидуальные особенности 100 подростков, половина из которых имела явные признаки криминального поведения (учатся в специальных учреждениях закрытого типа или состоят на учете). В работе были проанализированы результаты семи методик, три из которых были адаптированы специально под цели исследования ненормативной выборки подростков. Это методики «Дом. Дерево. Человек» (ДДЧ), «Человек под дождем» (ЧП) и сочинение на тему «Моя жизнь», которые редко используются в массовых исследованиях.

Результаты. По результатам работы делаются выводы об основных негативных и позитивных зонах развития подростков. К негативным зонам развития, выявленным с помощью адаптированных нами методик исследования, можно отнести выраженный конфликт между бессознательным и осознаваемым компонентом в области семейных отношений, ярко выраженные формы внешней мотивации, отсутствие ориентации на собственные потребности (низкий уровень выраженности), неумение оценивать свои внутренние ресурсы и возможности, отсутствие выраженного отношения к сложным социальным ценностям, снижение ориентации на отца. К перспективным аспектам развития подростком можно отнести признание ценности интересов, ориентацию на социальную желательность, внешнее декларирование «правильных» ценностей, мотивацию по внешним признакам.

Ключевые слова

личность, подростки, криминальное поведение, ценностно-мотивационный потенциал, система отношений, методы исследования криминального поведения

Для цитирования: Шаболтас, А. В., Арбузова, Е. Н., Горбатов, С. В. (2023). Проблемные зоны личностного развития в подростковом возрасте у лиц с явными признаками криминального поведения. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 429–440. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-429-440.

Original paper

Alla V. Shabolatas

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
a.shabolatas@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1966-6924

Elena N. Arbuzova

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
e.arbuzova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1643-0529

Sergey V. Gorbatov

Regional Forensic Center
(Saint Petersburg, Russia)
s.gorbatov@bk.ru

ORCID: 0000-0003-3842-9956

Problem areas of personal development in adolescence in persons with obvious signs of criminal behavior

Abstract

Introduction. The article is focused on identifying the main problem areas in the structure of individual indicators and the system of relations of adolescents accompanying the criminalization of behavior, with the aim of further improving the quality of diagnosis and correction of their personal characteristics.

Research methods. The study examined the individual characteristics of 100 teenagers, half of whom had obvious signs of criminal behavior (they study in special closed institutions or are registered). The work analyzed the results of seven methods, three of which were adapted specifically for the purposes of studying a non-normative sample of adolescents. These are the methods of DDH, “Man in the Rain” and an essay on the topic “My Life”, which are rarely used in mass research.

Results. Based on the results of the work, conclusions are drawn about the main negative and positive areas of adolescent development. Negative areas of development identified using research methods adapted by us include a pronounced conflict between the unconscious and conscious components in the field of family relationships, pronounced forms of external motivation, lack of orientation towards one’s own needs (low level of expression), inability to assess one’s internal resources and opportunities, lack of a clear attitude towards complex social values, decreased orientation towards the father. Promising aspects of adolescent development include recognition of the value of interests, orientation towards social desirability, external declaration of the “correct” values, and motivation based on external signs.

Keywords

personality, adolescents, criminal behavior, value-motivational potential, system of relationships, research methods of the criminal behavior

For citation: Shabolatas, A. V., Arbuzova, E. N., Gorbatov, S. V. (2023). Problem areas of personal development in adolescence in persons with obvious signs of criminal behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 429–440. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-429-440.

Введение

В настоящее время активно ведется борьба с криминальной субкультурой, получившей достаточно широкое распространение – вплоть до создания молодежных объединений под аббревиатурой АУЕ (арестантский уклад един), обсуждаемых на уровне проектов по работе с молодежью (Вилкова, 2018; Арбузова, Бурлаков, Любавина и др., 2020; Арбузова, Горбатов, 2020). Остро встает вопрос об исследовании проблем криминализации населения и особенно подростков, склонных к различным отклоняющимся формам поведения. При этом следует сделать акцент на исследованиях, направленных на поиск новых средств изучения данного явления и превенцию криминального поведения в подростковой среде (Кириллова, 2017; Гончарова, Бушуев, Галда, 2018; Шульга, Дворянчиков, 2020; Богданович, Делибалт, 2020). В связи с этим возникает ряд вопросов, касающихся, во-первых, уточнения формальных и психологических признаков криминального поведения, во-вторых, анализа наиболее проблемных зон личности криминальных подростков с помощью сравнительного и других видов анализа, и, в-третьих, поиска максимально адекватных средств исследования подростков с явно выраженными признаками криминального поведения с помощью подбора специфических, в том числе проективных элементов рисунка и содержательных элементов в целях контент-анализа (методика «Моя жизнь»).

Методы исследования

Для исследования проблемы нами был использован целый ряд методов, условно разделенный на четыре основных блока: формальные показатели и показатели клинической беседы, личностные особенности, анализ мотивационно-ценностной сферы и анализ личности и системы отношений подростков с помощью дополнительных методов (проективный метод и метод контент-анализа сочинения). Для изучения первого блока применялись анализ формальных показателей и классический вариант клинической беседы. Для анализа второго блока качеств были использованы методики Л. И. Вассермана и К. Леонгарда. Для анализа третьего блока качеств нами использовались методики Б. Басса, тест М. Рокича, проективная методика «Компоненты мотивационной сферы» А. В. Ермолина¹ и Е. П. Ильина, также редко используемая в массовых исследованиях². В качестве дополнительных инструментов исследования личностных качеств были использованы методики «Дом. Дерево. Человек» (ДДЧ) и методика «Человек под дождем (ЧП)» (Лебедева, Никонорова, Тараканова, 2013), а также контент-анализ сочинения «Моя жизнь». В рамках послед-

него блока нами были выделены по 10 показателей в первых двух указанных методиках и семь показателей при использовании контент-анализа. Показатели были выделены на основании предварительного теоретического анализа данных и включили ряд составляющих, отражающих личностные особенности и систему отношений исследуемых. В структуру исследуемых признаков по проективным методикам вошли: асоциальность, импульсивность, импульсивность, аутизация, конфликтность, социальная дезадаптация, трудности в общении, неадекватная оценка своих возможностей, а также две составляющие отношений, такие как отсутствие психологической теплоты в доме, привязанность к семье (ДДЧ). Показатели аутизации, негативизма, конфликтности, импульсивности, мобилизации, а также зависимости от отца и матери, ожидание неприятностей, уход от неприятностей, поиск социальной поддержки (ЧП), показатели отрицательного и положительного отношения к семье и социуму, а также отношение к себе, друзьям и досугу (сочинение).

В качестве респондентов в исследовании выступили воспитанники центра временного содержания несовершеннолетних преступников и подростки, подучетные районных отделов по делам несовершеннолетних нарушителей. В качестве контрольной группы выступили подростки, обучающиеся в обычной общеобразовательной школе. Все методики заполнялись анонимно (бланки заполнялись одним блоком), исследуемые качества подросткам не сообщались. В целом в исследовании приняли участие 50 несовершеннолетних правонарушителей и 50 подростков, обучающихся в общеобразовательной школе в городах Санкт-Петербург и Беломорске в возрасте от 11 до 17 лет. Проведение исследования предполагало в нем добровольное участие подростков.

Анализ полученных данных проводился с помощью пакета SPSS 21.00 (Наследов, 2013). На первом этапе нами была осуществлена проверка двух выбранных распределений на нормальность с использованием одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова. Изучение результатов первичного статистического анализа показало наличие значительных отклонений по параметрам распределения проективных методик в исследуемых выборках и необходимость частотного анализа по методике «Компоненты мотивационной сферы». Исходя из этого, в целях сравнительного анализа нами использовались методы как параметрической статистики (критерий Стьюдента), так и непараметрической статистики (критерий Манна-Уитни, хи-квадрат) (Наследов, 2013).

¹ Ильин, Е. П. (2011). *Мотивы и мотивация*: учебное пособие. Питер.

² Райгородской, Д. Я. (ред.) (2017). *Практическая психодиагностика. Методики и тесты*: учебное пособие. БАХРАМ М.

Результаты

Общая характеристика криминального поведения подростков

Общее определение понятия криминальности, как правило, предполагает наличие у субъекта признаков преступного поведения, к которым принято относить не только собственно факт совершения различных видов преступлений (или правонарушений), но и влияние социальных условий на развитие субъекта преступления, его статусные характеристики (Дронова, Корнеева, 2021; Славова, Чвякин, 2019; Steinberg, Brook, & Remtulla, 2003; Cohen, 2016), ряд других, часто резонансных факторов, связанных, к примеру, с положением личности в обществе (Prideaux, 2010), а также наличие внутренних предпосылок к совершению преступного деяния, таких как личностные особенности, мотивы, установки, ценностные ориентации, отношения с окружающими, защитные механизмы и особенности самоорганизации и т. д. (Сухов, 2022; Сапега, Богданович, 2023; Гарнаева, Шишова, 2023; Stattin, Magnusson, 1989). Анализ проведенных исследований показывает, что тестовые методики максимально разработаны в рамках изучения личностных предпосылок и мотивации криминального поведения.³ Однако практически во всех исследованиях отсутствует комплексный подход к проблеме, включающий в себя анализ не только с помощью ряда классических тестовых методов и клинической беседы, но и менее разработанных методов, таких как анализ документов, контент-анализ, отдельные проективные методы (Christian et al., 1997; Корнилова, Смирнов, Григоренко, 2001; Лебедева, Никонорова, Тараканова, 2013; Собчик, 2017). Этот пробел в изучении проблемы и призвано заполнить наше исследование.

Первый этап исследования включил в себя анализ формальных показателей криминализации, анализ результатов клинической беседы, а также результаты анализа документов. В рамках формальных характеристик были проанализированы показатели возраста совершенного преступления, пола, социального семейного статуса, места обучения, вида правонарушения, наличие рецидивов и досуга. Анализ возрастных особенностей подростков показал достаточно позитивную тенденцию, которая демонстрирует максимальное количество преступлений у детей на переломном этапе развития (15 лет) и дальнейшее снижение вслед за происходящими возрастными изменениями, что позволяет рассматривать некоторые формы криминального поведения подростка как варианты «жизненных проб». Анализ других формальных показателей позволил сделать вывод и о неоднозначном влиянии социальной среды на структуру криминального поведения.

Большая часть исследуемых правонарушителей (56 %) обучалась в обычной школе и лишь 16 % подростков нигде не учились. Остальные подростки проходили обучение в колледже (10 %), коррекционной школе (8 %), специальных профессиональных училищах (10 %). Неоднозначную динамику с точки зрения показателей продемонстрировал и анализ влияния семейной ситуации на количество правонарушений. К примеру, максимальное их количество наблюдается в семьях, в которых родители разведены (40 %), ребенок остался один без родителей (22 %), один родитель умер (10 %). А вот факт наличия в семье члена семьи, находящегося в местах лишения свободы, показал минимальный процент в выборке (4 %). С другой стороны, в исследуемой выборке практически отсутствуют семьи с благоприятным социальным фоном. Представляющим интерес для изучения эффектов криминализации является и отсутствие у большинства детей досуговых предпочтений. Наличие спортивного досуга зафиксировано лишь у 40 % подростков. Остальные показатели не отразили какой-либо специфики, отличной от уже существующих статистических норм. Девушки-подростки составили 30 % от выборки, 68 % правонарушителей совершили его не впервые (рецидив) (см. табл. 1).

Дальнейший анализ результатов клинической беседы (см. табл. 2) дополнил результаты анализа формальных показателей и позволил сделать дополнительные выводы о структурных особенностях внешней среды, сопровождающей изменения в поведении подростков.

Согласно данным таблицы, практически все дети, согласно их высказываниям, социализированы в пределах своей выборки (98 % имеют друзей), указывают на наличие досуга (64 %). Некоторые имеют опыт любовных отношений (26 %) или даже детей (2 %). Количество вредных привычек в изучаемой выборке достигает 76 %. Отрицательное отношение к семье отметили 32 % подростков. 70 % подростков в личной беседе указывают на отсутствие рецидивов, небольшая часть из них указывает на то, что нигде не учится (6 %).

При этом следует обратить внимание, что результаты анализа документов отличаются от результатов, полученных в ходе клинической беседы. Как оказалось, согласно документальным свидетельствам, в школе не учится гораздо большее количество подростков, чем было заявлено в процессе клинической беседы (16 % против 5 %), гораздо больше подростков совершили преступление не в первый раз (70 % против 30 %). В процессе клинической беседы подростки не демонстрируют такие факты, как асоциальное поведение в школе, лишение родительских прав родителей, наличие суицидальных попыток, наличие

³ Дмитриева, Т. Б., Сафуанов, Ф. С. (ред.) (2016). *Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учебное пособие* (4-е изд., испр. и доп.). Генезис.

элементов физического насилия в семье. Опыт работы в УИС показывает, что подобная тенденция свидетельствует не столько о склонности подростков к лжи (хотя этот факт также имеет место), сколько о склонности подростков к социально желательным ответам, несмотря, а иногда и вопреки указанным нарушениям в поведении.

Анализ формальных показателей и показателей клинической беседы позволяет сделать несколько выводов. Криминальное поведение подростков часто фиксируется по ряду формальных показателей, которые довольно информативны в плане анализа социальных отношений и семейной ситуации. В свою очередь, данные клинической беседы в большей мере затрагивают факты поведения и сферу желательных отношений исследуемых. Кроме этого, анализ двух рядов по-

казателей указывает на наличие как положительных, так и отрицательных тенденций. Среди отрицательных можно отметить склонность подростков к преувеличениям в области оценки социальной сферы, отсутствие (или искажение) понятного и сформированного оценочного отношения к социуму и семье, переоценку своих возможностей, уход от обсуждения важных личностных проблем (возможно, из-за их когнитивной сложности), отсутствие досуга и сферы интересов. С другой стороны, нежелание подростков говорить о своих «криминальных» наклонностях может указывать на отсутствие сформированной криминальной установки. При этом задачей психолога является изучение именно тех проблемных зон подростка, которые показывают значительные отличия при клиническом и формальном исследовании.

Таблица 1. Формальные показатели выборки

Table 1. Formal samples indicators

№ п/п	Показатель	Характеристика выборки	Мера встречаемости показателя (%)
1	Возраст	11–14 лет	44 %
		15–17 лет	56 %
2	Пол	Мужской	70 %
		Женский	30 %
3	Место учебы	СОШ	56 %
		Колледж	10 %
		Коррекционная школа	8 %
		Спец. училище	10 %
		Не обучается	16 %
4	Вид правонарушения	Административные	24 %
		Побои, кражи, грабежи	60 %
		Вандализм, наркотики и др.	16 %
5	Социальный статус семьи	Полная	24 %
		Не полная	76 %
6	Семейная ситуация	Неблагополучная семья	56 %
		Родители не работают	28 %
		Родители лишены родительских прав	14 %
		Наличие в семье ранее судимых лиц	8 %
		Смерть родителя суицидального характера	4 %
		Наличие в семье элементов насилия	18 %
7	Отклонения в поведении	Наличие досуга (спорт)	40 %
		Асоциальное поведение	80 %
		Рецидивисты	68 %
		Факты суицида у подростков	2 %

Сравнительный анализ показателей подростков с нормативным поведением и признаками криминального поведения

На следующем этапе исследования нами были изучены результаты анализа тестовых материалов, направленных на изучение спектра индивидуальных особенностей несовершеннолетних правонарушителей. В качестве контрольной группы нами была исследована группа подростков, обучающихся в общеобразовательной школе. В ходе исследования активно использовались как вербальные, так и проективные методы исследования личности и мотивации подростков, а также его социально-психологические сферы.

В целом результаты сравнительного исследования показали различия не столько в структуре личностных особенностей, сколько в мотивационно-ценностной сфере и системе отношений подростков. Данные сравнительного анализа личностных особенностей представлены в табл. 3.

По результатам анализа личностных особенностей, максимальные различия между двумя группами подростков наблюдаются по общему показателю уровня невротизации (немного выше в ненормативной выборке), возбудимости, склонности к демонстративным реакциям, показателям эмоциональной сферы, которая характеризуется неоднозначными проявлениями

Таблица 2. Результаты клинической беседы

Table 2. Results of the clinical interview

№ п/п	Показатель	Характеристика выборки	Мера встречаемости показателя (%)
1	Факты поведения	Не учатся	6 %
		Преступление совершено впервые	70 %
		Наличие вредных привычек	76 %
		Наличие досуга	64 %
2	Система социальных отношений	Наличие друзей	98 %
		Наличие любовных отношений	26 %
		Наличие детей	2 %
		Положительное отношение к семье	60 %
		Отрицательное отношение к родителям	32 %

Таблица 3. Данные сравнительного анализа личностных особенностей (методика Л. И. Вассермана и опросник Шмишека)

Table 3. Data from a comparative analysis of personal characteristics (L. I. Wasserman's method and Shmishek's questionnaire)

Наименование показателя	Т-критерий	Уровень значимости $P \leq 0,05$	Среднее значение	
			1 гр. (N=50)	2 гр. (N=50)
Уровень невротизации	-5,002	0,01	9,8	16,18
Демонстративность	-1,961	0,05	12,62	14,56
Педантичность	-3,126	0,01	9,5	11,88
Возбудимость	-4,090	0,01	9,14	13,50
Дистимность	-3,769	0,01	5,1	7,96
Эмотивность	2,350	0,05	16,32	14,08

Где: 1 группу составили представители нормативной выборки подростков; 2 группу – представители выборки подростков с явными признаками отклонений в поведении.

(дистимности и эмотивности). В целом данные согласуются с результатами современных исследований (Кириллова, 2017).

Анализ параметров ценностной и мотивационной сферы подростков показал значительно большее количество различий по целому ряду параметров (см. табл. 4).

В структуре ценностных ориентаций у подростков с признаками криминального поведения незначительно преобладают инструментальные ценности, которые значительно ниже по параметрам «высшие запросы», «независимость», «непримиримость к недостаткам», «смелость» и «эффективность в делах» и выше по параметрам «воспитанность», «образованность», «ответственность». Можно предположить, что ненормативные подростки так же, как и подростки в нормативной группе, ориентируются на общие и понятные для них ценности, но, возможно, в силу нахождения в определенной среде плохо дифференцируют более сложный

комплекс терминальных ценностей, значимость которого является и более низкой.

Подобная тенденция наблюдается и в структуре терминальных ценностей, где доминирующими у ненормативных подростков являются показатели интеллектуальной работы, познания, развития, семейной счастливой жизни (более высокие показатели) и низкими являются показатели «общественное признание», «развлечение» и «свобода». Максимальные различия между группами наблюдаются в структуре терминальных ценностей (свобода и семейная жизнь).

В свою очередь анализ показателей мотивационной сферы указывает на значительное увеличение в группе ненормативных подростков направленности на себя и общение (по вербальной методике Б. Басса). Однако более подробный частотный анализ проективных показателей мотивации по методике Е. П. Ильина показывает, что в структурных особенностях мотивации имеется целый ряд отклонений. Так, гораздо более низ-

Таблица 4. Данные сравнительного анализа ценностно-мотивационной сферы (методики М. Рокича и Б. Басса)

Table 4. Data from a comparative analysis of the value-motivational sphere (methods of M. Rokeach and B. Bass)

Наименование показателя	Т-критерий	Уровень значимости P≤0,05	Среднее значение	
			1 гр. (N=50)	2 гр. (N=50)
Интересная работа	-2,826	0,05	8,14	10,70
Общественное признание	2,870	0,05	12,52	10,16
Познание	-2,881	0,05	9,60	12,08
Развитие	-2,062	0,05	8,42	9,94
Развлечения	1,998	0,05	10,96	9,12
Свобода	4,295	0,001	10,96	7,18
Счастливая семейная жизнь	-4,577	0,001	3,10	7,00
Воспитанность	-2,655	0,05	5,72	8,26
Высшие запросы	3,609	0,05	14,84	11,60
Независимость	3,530	0,01	11,66	8,26
Непримиримость к недостаткам	3,600	0,01	15,38	12,82
Образованность	-3,126	0,01	7,66	10,46
Ответственность	-2,602	0,05	6,50	8,52
Смелость	3,221	0,01	9,90	6,90
Эффективность в делах	2,473	0,05	12,64	10,42
Направленность на себя	-4,870	0,001	22,68	26,74
Направленность на общение	-2,425	0,05	28,44	30,20

Где: 1 группу составили представители нормативной выборки подростков; 2 группу – представители выборки подростков с явными признаками отклонений в поведении.

кими по сравнению с нормативными подростками являются показатели базовых потребностей, ориентация на долженствование и нравственный контроль. Они гораздо хуже оценивают уровень необходимых усилий и прогнозируют последствия, не умеют ставить цели, связанные с потребностной сферой. В поведении чаще ориентируются на внешние признаки и удовлетворение собственных потребностей, однако в целом у них более выраженный уровень интересов. Максимальные различия между подростками наблюдаются по параметрам направленности на себя, внешней мотивации и оценке своих усилий в поведении. При этом структурной единицей, имеющей значение для коррекции подростков, можно назвать широкий спектр интересов, а также мотивацию по внешним признакам, что

делает доступной коррекцию подростков со стороны значимого взрослого. Полный анализ показателей мотивации посредством использования одновыборочного критерия хи-квадрат, показал, что в ее структуре имеется искажение (отличие от ожидаемых значений) по всем блокам (потребностному, «внутреннему фильтру», целевому). Исключение составил показатель, связанный с процессом удовлетворения потребности. При этом негативной коррекции максимально подвергается именно блок «внутреннего фильтра», то есть способность к оценке, прогнозу, контролю поведения⁴.

Анализ дополнительных показателей с помощью применения нестандартных тестовых методик показал наличие различий в структуре личностных и ряда социально-психологических показателей (см. табл. 5).

Таблица 5. Сравнительный анализ по ряду дополнительных методик

Table 5. Comparative analysis of a number of additional techniques

Показатели	Средний ранг (группа 1) N=50	Средний ранг (группа 2) N=50	Достоверность различий P≤0,05
Асоциальность (ДДЧ)	3,39	61,64	0,00
Импульсивность (ДДЧ)	44,45	56,55	0,01
Агрессивность (ДДЧ)	42,78	58,22	0,002
Аутичность (ДДЧ)	42,33	58,67	0,001
Отсутствие тепла (ДДЧ)	45,30	55,70	0,048
Социальная дезадаптация (ДДЧ)	36,44	64,56	0,00
Конфликтность (ДДЧ)	45,91	55,09	0,044
Привязанность к семье (ДДЧ)	56,80	44,20	0,011
Трудности в общении (ДДЧ)	42,40	58,60	0,002
Поиск социальной поддержки (ЧП)	56,28	44,74	0,021
Конфликтность (ЧП)	45,41	55,59	0,024
Зависимость от отца (ЧП)	57,82	43,18	0,002
Негативизм (ЧП)	43,08	57,92	0,002
Аутизм (ЧП)	43,52	57,48	0,005
Отрицательное отношение к социуму	41,02	59,98	0,00
Отрицательное отношение к семье	46,00	55,00	0,002
Положительное отношение к социуму	56,50	44,50	0,029
Положительное отношение к семье	62,35	38,65	0,00

Где: 1 группу составили представители нормативной выборки подростков; 2 группу – представители выборки подростков с явными признаками отклонений в поведении. Сравнительный анализ проводился по методу Манна-Уитни.

⁴ Ильин, Е. П. (2011). *Мотивы и мотивация*: учебное пособие (стр. 364). Питер.

Полученные данные, представленные в таблицах, подтверждают наличие различий по показателям социальнойности, агрессивности, аутичности и импульсивности поведения, которые значительно выше в группах ненормативных подростков. В свою очередь ненормативные подростки склонны в большей мере ощущать отсутствие психологического контакта (тепла), чаще испытывают трудности в общении, более социально дезадаптированы и в целом на бессознательном уровне не демонстрируют привязанность к семье (что не согласуется с данными вербальных методик). Согласно данным исследования по методике «Человек под дождем», у ненормативных подростков показатели поиска социальной поддержки и зависимости от отца значительно ниже, но возрастают показатели негативизма и конфликтности. Наконец, анализ сочинения «Моя семья» у ненормативных подростков показал наличие негативной тенденции в области оценки своей семьи и социума, что согласуется с имеющимися в современных источниках данными (Downes & Rock, 2007; Гончарова, Бушуев, Галда, 2018; Дронова, Корнеева, 2021).

Заключение

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в качестве однозначных признаков ненормативного поведения можно рассматривать только те, которые подтверждаются исследованиями с помощью не одной, а нескольких методик (методов, приемов), относящихся к разным содержательным группам (Собчик, 2017). При этом к качествам, демонстрирующим явную отрицательную динамику, можно отнести, во-первых, деформацию личностных особенностей подростков. Так, увеличение признаков невротизации, асоциальности или агрессии (проявляющих себя на фоне повышенной возбудимости и склонности к демонстративному поведению), аутизации, негативизма и конфликтности, наблюдается по ряду как вербальных, так и невербальных методик. Остальные зоны исследования подростков не являются однозначными. К наиболее проблемным среди них можно отнести направленность подростков не только на социум, но и на себя при минимально представленной системе ценностных показателей, чрезмерную ориентацию на внешнюю мотивацию, отсутствие возможности делать прогнозы и оценивать свои усилия, отсутствие ориентации на долженствование и нрав-

ственный контроль, низкий уровень потребностей, отсутствие выраженного отношения к сложным социальным ценностям. При этом максимальное снижение в структуре мотивационной сферы подростков приходится на блок «внутреннего фильтра», отвечающего за возможность контроля, оценки и прогноза поведения, что объясняет отсутствие выраженного отношения к параметрам сложных терминальных и инструментальных ценностей.

К зонам, которые можно рассматривать в качестве основы для коррекционной работы с подростками, демонстрирующими признаки криминального поведения можно отнести: наличие конфликта в зоне интересов (формально представлены мало, но проявляют себя на уровне бессознательных тенденций), предпочтения по внешним признакам (при этом внешний параметр может быть изменен с негативного на позитивный), декларирование ориентации на «правильные» ценности (познание, развитие, семейную жизнь и т. д.).

Использование дополнительных методов исследования способно расширить возможности изучения личности подростков. Применение специально подобранных проективных показателей позволило не только подтвердить высокий уровень выраженности некоторых личностных качеств (таких как асоциальность, агрессивность, аутичность, импульсивность, негативизм, конфликтность), но и выделить некоторые параметры в структуре проективных методик, имеющих отношение к исследованию системы взаимоотношений подростков. Это те признаки проективных методик, которые дают максимальные различия в выборках (отношение к социуму, отношение к семье, отношение к отцу).

Из всех диагностических инструментов исследования максимальные различия показали параметры методики ДДЧ. Это пять личностных и четыре показателя отношений (9 из 10 показателей). По методике ЧП наиболее информативными являются два личностных показателя и два, характеризующих отношения подростка (5 из 10 показателей). Контент-анализ показателей сочинения позволяет проследить отношения к социуму и семье. Достаточный уровень демонстрирует и разница по показателю аутизма (5 из 7 показателей). Полученные результаты, конечно, нуждаются в более детальном исследовании с помощью других методов математической статистики, что является задачей нашего дальнейшего исследования в данном направлении.

Список литературы

- Арбузова, Е. Н., Бурлаков, В. Н., Любавина, М. А., Плоткина, Л. Н., Панов, А. М., Щурова, А. С., Бурлакова, В. Н. (ред.) (2020). *Наркотики и молодежь: стратегии противодействия*: монография. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.
- Арбузова, Е. Н., Горбатов, С. В. (2020). Некоторые проблемы развития личности в современной молодежной среде. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2020)*: материалы международной научно-практической конференции

- (г. Санкт-Петербург, 23 апреля 2020, стр. 39–43). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Богданович, Н. В., Делибалт, В. В. (2020). Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях. *Психология и право*, 10 (2), 1–14. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100201>
- Дронова, Т. А., Корнеева, Я. А. (2021). Особенности социализированности несовершеннолетних из неблагополучных семей. *Психология и право*, 11 (3), 2–14. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110301>
- Вилкова, А. В. (2018). Причины, условия, предпосылки, факторы возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних. *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*, 2, 28–30.
- Гарнаева, Г. И., Шишова, Е. О. (2023). Особенности психологических защит и копинг-стратегий несовершеннолетних правонарушителей. *Психология и право*, 13 (1), 107–118. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130108>
- Гончарова, С. В., Бушуев, И. В., Галда, М. В. (2018). Психолого-педагогические аспекты взаимодействия сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних с подучетным элементом. В А. С. Душкин, Е. М. Марченко (сост.), *Педагогика и психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: теория, методика, практика: материалы всероссийской научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 18 октября 2018 г., стр. 70–74). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Кириллова, Е. Б. (2017). Возрастные различия черт личности подростков с девиантным поведением. *Пенитенциарная наука*, 1 (37), 76–81.
- Лебедева, Л. Д., Никонорова, Ю. В., Тараканова, Н. А. (2013). *Энциклопедия признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии*. Санкт-Петербург: Речь.
- Корнилова, Т. В., Смирнов, С. Д., Григоренко, Е. Л. (2001). Факторы социального и психологического неблагополучия подростков в показателях методик стандартизированного интервью и листов наблюдения. *Вопросы психологии*, 1, 107–122.
- Наследов, А. Д. (2013). *IBM SPSS Statistics и AMOS: профессиональный статистический анализ данных*. Санкт-Петербург: Питер.
- Сапега, Д. В., Богданович, Н. В. (2023). Особенности самоорганизации подростков, склонных к девиантному поведению. *Психология и право*, 13 (1), 135–151. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130110>
- Славова, Н. А., Чвякин, В. А. (2019). Морально-нравственное развитие в структуре культурно-правовой организации личности подростков с опасными социальными девиациями. *Психология и право*, 9 (2), 264–275. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090218>
- Собчик, Л. Н. (2017). Криминальные наклонности и психодиагностика. *Психология и право*, 7 (1), 131–143. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070111>
- Сухов, А. Н. (2022). Социально-психологический анализ преступности. *Человек: преступление и наказание*, 30 (4), 633–640.
- Шульга, Т. И., Дворянчиков, Н. В. (2020). Представления подростков о девиантном поведении. *Психология и право*, 10 (3), 174–188. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100312>
- Downes, D. M., & Rock, P. E. (2007). *Understanding Deviance: A Guide to the Sociology of Crime and Rule-breaking* (5th ed.). Oxford, New York: Oxford University Press.
- Cohen, A. (2016). Kriminelle Subkulturen. In D. Klimke & A. Legnaro (eds.), *Kriminologische Grundlagentexte* (pp. 269–280). Springer VS, Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-06504-1_16
- Christian, R. E., Frick, P. J., Hill, N. L., Tyler L., & Frazer D. R. (1997). Psychopathy and Conduct Problems in Children: II. Implications for Subtyping Children with Conduct Problems. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 36 (2), 233–241. <https://doi.org/10.1097/00004583-199702000-00014>
- Prideaux, S. J. (2010). The welfare politics of Charles Murray are alive and well in the UK. *International Journal of Social Welfare*, 19 (3), 293–302. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2397.2009.00660.x>
- Steinberg, A., Brook, J., & Remtulla, T. (2003). Youth Hate Crimes: Identification, Prevention, and Intervention. *American Journal of Psychiatry*, 160 (5), 979–989. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.160.5.979>
- Stattin, H., Magnusson, D. (1989). The role of early aggressive behavior in the frequency, seriousness, and types of later crime. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 57 (6), 710–718. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.57.6.710>

References

- Arbuzova, E. N., Burlakov, V. N., Lyubavina, M. A., Plotkina, L. N., Panov, A. M., SHCHurova, A. S., Burlakova, V. N. (red.) (2020). *Narkotiki i molodezh': strategii protivodejstviya*: monografiya. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr Press.
- Arbuzova, E. N., Gorbatov, S. V. (2020). Nekotorye problemy razvitiya lichnosti v sovremennoj molodezhnoj srede. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya - 2020)*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Sankt-Peterburg, 23 aprelya 2020, str. 39–43). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Bogdanovich, N. V., Delibalt, V. V. (2020). Profilaktika deviantnogo povedeniya detej i podrostkov kak napravlenie deyatel'nosti psihologa v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah. *Psihologiya i pravo*, 10 (2), 1–14. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100201>
- Dronova, T. A., Korneeva, Ya. A. (2021). Osobennosti socializirovannosti nesovershennoletnih iz neblagopoluchnyh semej. *Psihologiya i pravo*, 11 (3), 2–14. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110301>
- Vilkova, A. V. (2018). Prichiny, usloviya, predposylki, faktory vozniknoveniya i razvitiya deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2, 28–30.
- Garnaeva, G. I., Shishova, E. O. (2023). Osobennosti psihologicheskikh zashchit i koping-strategij nesovershennoletnih pravonarushitelej. *Psihologiya i pravo*, 13 (1), 107–118. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130108>
- Goncharova, S. V., Bushuev, I. V., Galda, M. V. (2018). Psihologo-pedagogicheskie aspekty vzaimodejstviya sotrudnikov podrazdelenij po delam nesovershennoletnih s poduchetnym elementom. V A. S. Dushkin, E. M. Marchenko (sost.), *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del: teoriya, metodika, praktika*: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 18 oktyabrya 2018 g., str. 70–74). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Kirillova, E. B. (2017). Vostrastnye razlichiya chert lichnosti podrostkov s deviantnym povedeniem. *Penitenciarnaya nauka*, 1 (37), 76–81.
- Lebedeva, L. D., Nikonorova, Yu. V., Tarakanova, N. A. (2013). *Enciklopediya priznakov i interpretacij v proektivnom risovanii i art-terapii*. Saint Petersburg: Rech'.
- Kornilova, T. V., Smirnov, S. D., Grigorenko, E. L. (2001). Faktory social'nogo i psihologicheskogo neblagopoluchiya podrostkov v pokazatelyah metodik standartizirovannogo interv'yu i listov nablyudeniya. *Voprosy psihologii*, 1, 107–122.
- Nasledov, A. D. (2013). *IBM SPSS Statistics i AMOS: professional'nyj statisticheskij analiz dannyh*. Saint Petersburg: Piter.
- Sapega, D. V., Bogdanovich, N. V. (2023). Osobennosti samoorganizacii podrostkov, sklonnyh k deviantnomu povedeniyu. *Psihologiya i pravo*, 13 (1), 135–151. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130110>
- Slavova, N. A., Chvyakin, V. A. (2019). Moral'no-nravstvennoe razvitie v strukture kul'turno-pravovoj organizacii lichnosti podrostkov s opasnymi social'nymi deviaciyami. *Psihologiya i pravo*, 9 (2), 264–275. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090218>
- Sobchik, L. N. (2017). Kriminal'nye naklonnosti i psihodiagnostika. *Psihologiya i pravo*, 7 (1), 131–143. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070111>
- Suhov, A. N. (2022). Social'no-psihologicheskij analiz prestupnosti. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 30 (4), 633–640.
- Shul'ga, T. I., Dvoryanchikov, N. V. (2020). Predstavleniya podrostkov o deviantnom povedenii. *Psihologiya i pravo*, 10 (3), 174–188. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100312>
- Downes, D. M., & Rock, P. E. (2007). *Understanding Deviance: A Guide to the Sociology of Crime and Rule-breaking* (5th ed.). Oxford, New York: Oxford University Press.
- Cohen, A. (2016). Kriminelle Subkulturen. In D. Klimke & A. Legnaro (eds.), *Kriminologische Grundlagentexte* (pp. 269–280). Springer VS, Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-06504-1_16
- Christian, R. E., Frick, P. J., Hill, N. L., Tyler L., & Frazer D. R. (1997). Psychopathy and Conduct Problems in Children: II. Implications for Subtyping Children with Conduct Problems. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 36 (2), 233–241. <https://doi.org/10.1097/00004583-199702000-00014>
- Prideaux, S. J. (2010). The welfare politics of Charles Murray are alive and well in the UK. *International Journal of Social Welfare*, 19 (3), 293–302. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2397.2009.00660.x>
- Steinberg, A., Brook, J., & Remtulla, T. (2003). Youth Hate Crimes: Identification, Prevention, and Intervention. *American Journal of Psychiatry*, 160 (5), 979–989. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.160.5.979>
- Stattin, H., Magnusson, D. (1989). The role of early aggressive behavior in the frequency, seriousness, and types of later crime. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 57 (6), 710–718. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.57.6.710>

Информация об авторах:

Алла Вадимовна Шаболтас – декан факультета психологии, заведующий кафедрой психологии здоровья и отклоняющегося поведения Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

Елена Николаевна Арбузова – доцент кафедры психологии здоровья и отклоняющегося поведения Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

Сергей Владимирович Горбатов – ведущий специалист Регионального центра судебной экспертизы, кандидат психологических наук, доцент.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 27.10.2023

Одобрена после рецензирования 28.11.2023

Опубликована 15.12.2023

About the authors:

Alla V. Shaboltas – Dean of the Faculty of Psychology, Head of the Department of Psychology of Health and Deviant Behavior at St. Petersburg State University, Doctor of Psychology, Professor.

Elena N. Arbuzova – Associate Professor of the Department of Health Psychology and Deviant Behavior at St. Petersburg State University, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Sergey V. Gorbатов – Leading specialist of the Regional Center for Forensic Expertise Regional, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted October 27, 2023

Approved after reviewing November 28, 2023

Accepted December 15, 2023

УДК 159.99, 364.2, 316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-441-451

Обоснование применения метода «садовой терапии» для коррекции и профилактики девиантного поведения

Вадим Павлович Песков

Институт педагогики и психологии образования
Московского городского педагогического университета
(Москва, Россия)

vpeskov@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6511-4442

Виктор Яковлевич Кузеванов

Российская Академия Естествознания,
Байкальский государственный университет
(Иркутск, Россия)

bogard@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3309-3587

Аннотация

Проблемы коррекции и профилактики девиантного поведения – один из основных вопросов и вызовов для современного общества. Такое девиантное поведение, как агрессия, наркомания, преступления, сексуальные девиации и другие асоциальные проявления, оказывает негативное влияние на различные сферы жизни людей, включая семью, образование, работу и общество в целом. В настоящее время изыскиваются различные фармацевтические и немедикаментозные подходы для купирования или смягчения девиантного поведения.

Цель данной работы, опираясь на собственные исследования, а также на ряд результатов отечественного и зарубежного опыта, обосновать возможность более широкого применения «садовой терапии» как междисциплинарного немедикаментозного метода коррекции и профилактики девиантного поведения.

Авторы опирались на **методы** междисциплинарных работ на стыке биологии, ботаники, социальных наук и психологии, а также на изучение опыта «садовой терапии» более чем в 200 ботанических садах и их аналогах в 32 странах мира, практики применения в отношении детей и подростков, требующих особых методов воспитания, а также осужденных лиц, содержащихся в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России).

Результаты исследований и практический опыт показали, что «садовая терапия» как немедикаментозный метод имеет значительный потенциал в работе с лицами, отличающимися девиантным поведением. Его применимость связана с тем, что регулярное участие в специальных садовых занятиях способствует развитию умений преодолевать стресс, справляться с жизненными вызовами, укрепляет навыки саморегуляции и самоконтроля, развивает терпение, тщательность и постоянство, что формирует у участников дисциплинированное и ответственное поведение, коммуникационные навыки и способности к сотрудничеству, навыки конструктивного социального взаимодействия. Обосновывается возможность применения «садовой терапии» для людей с особыми причинами девиации поведения, включая участников и ветеранов войны, членов их семей. Делается вывод о перспективности и возможности его использования для адаптации и реабилитации этой категории лиц, которым оказывается помощь в обретении позитивных и здоровых способов справляться с посттравматическими и жизненными вызовами.

Ключевые слова

садовая терапия, девиантное поведение, ветераны войны, коррекция, профилактика

Для цитирования: Песков, В. П., Кузеванов, В. Я. (2023). Обоснование применения метода «садовой терапии» для коррекции и профилактики девиантного поведения. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 441–451. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-441-451.

Original paper

Vadim P. Peskov

Institute of Pedagogy
and Educational Psychology
of the Moscow State
Pedagogical University
(Moscow, Russia)
vpeskov@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6511-4442**Victor Ya. Kuzevanov**

Russian Academy of Natural
Sciences
Baikal State University
(Irkutsk, Russia)
bogard@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3309-3587

Substantiation of the "Horticultural therapy" method for the correction and prevention of deviant behavior

Abstract

The problems of correction and prevention of deviant behaviour are one of the main issues and challenges for modern society. Such deviant behaviour as aggression, drug addiction, crime, sexual deviation and other antisocial manifestations has a negative impact on various spheres of people's lives, including family, education, work and society as a whole. Various pharmaceutical and non-pharmaceutical approaches are examined to manage or reduce deviant behaviour.

The purpose of this research, based on our own findings, as well as on a number of results of national and foreign experience, is to substantiate the possibility of wider application of "Horticultural therapy" as an interdisciplinary non-pharmacological method of correction and prevention of deviant behaviour.

The authors based their research on the methods of interdisciplinary studies at the intersection of biology, botany, social sciences and psychology, as well as on the study of the experience of "Horticultural therapy" in more than 200 botanical gardens and their analogues in 32 countries of the world, the practice of application to children and adolescents requiring special methods of upbringing, as well as convicted persons detained in the institutions of the Federal Service for the Execution of Punishments.

Research results and practical experience revealed that "Horticultural therapy" as a non-pharmacological method has a significant potential in working with persons with deviant behaviour. Its applicability is due to the fact that regular participation in special horticultural sessions contributes to the development of skills to overcome stress, cope with life challenges, strengthens self-regulation and self-control skills, develops patience, diligence and constancy. This enables participants to develop disciplined and responsible behaviour, communication skills and abilities to cooperate, skills of constructive social interaction. The possibility of applying "Horticultural therapy" for people with special causes of deviant behaviour, including participants and veterans of war, and members of their families, is substantiated. The authors make a conclusion about the perspectives and possibility of its use for adaptation and rehabilitation of this category of persons, who are assisted in finding positive and healthy ways to cope with post-traumatic and life challenges.

Keywords

horticultural therapy, deviant behaviour, war veterans, correction, prevention

For citation: Peskov, V. P., Kuzevanov, V. Ya. (2023). Substantiation of the "Horticultural therapy" method for the correction and prevention of deviant behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 441–451. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-441-451.

Сегодняшнее общество сталкивается с серьезными проблемами девиантного поведения различных групп людей, и его коррекция и профилактика становятся все более актуальными. Агрессия, наркомания, различные зависимости, сексуальные девиации и т. д. – все эти формы асоциального поведения оказывают негативный, разрушительный эффект на отдельных людей и общество в целом. Особое внимание следует уделить проблемам детей и подростков с девиантным поведением, когда оно является результатом насилия, неблагоприятной семейной ситуации или недостаточной поддержки от образовательной системы, социального окружения. Девиантное поведение отличается от привычного и социально принятого поведения, и может проявляться в различных формах, включая агрессию, нарушения общепринятых правил поведения, преступные действия, наркотическую зависимость и т. п. Важно своевременно предоставить населению необходимую помощь и ресурсы, чтобы предотвратить возникновение или развитие девиантного поведения, особенно среди молодежи. Эта тема непосредственно касается также различных социальных групп людей с особыми нуждами, где девиантное поведение становится результатом изменения физиологического состояния и психологического здоровья (инвалиды и немощные люди; дети группы риска, нуждающиеся в особых методах воспитания; граждане, переживающие стрессы при трудных жизненных ситуациях, тяжелых болезнях, катастрофах; лица, содержащиеся в исправительных учреждениях; ветераны войн и члены их семей). Последствия девиантного поведения могут быть серьезными и иметь долгосрочные последствия и для индивида, и для общества. Личностные и психологические проблемы, например, низкая самооценка, депрессия, страхи и тревога, как правило, возникают именно у людей с девиантным поведением. Они могут столкнуться с социальной изоляцией, отвержением, проблемами в общении и взаимоотношениях. Кроме того, девиантное поведение может привести к тяжелым правовым последствиям, включая уголовную ответственность, судимость и т. п. Поэтому в настоящее время изыскиваются различные фармацевтические и немедикаментозные подходы для купирования или смягчения девиантного поведения.

В психологии, а также среди медицинских практиков и учёных все чаще встречаются утверждения, что следует шире применять природоподобные технологии типа «садовой терапии», поскольку природа обладает естественной исцеляющей силой. В связи с этим садоводство, являющееся одним из способов регулярного взаимодействия с природой, может оказывать целебное воздействие на здоровье человека, способствуя более быстрому его восстановлению и выздоровлению (Relf, 1990).

Изучение тенденций развития ботанических садов (Кузеванов, 2023) как особых социально-экологиче-

ских институтов, которые в течение последних пяти сотен лет внедряют лечебные растения и методы «садовой терапии», позволяет прогнозировать новый этап в усилении использования их ресурсов в ближайшие 20–25 лет для широкого спектра социально значимых целей. Ботанические сады как экологические ресурсы завоевали авторитет и стали уникальными объектами природного и культурного наследия, включающими зооботанические и ботанические сады, дендропарки, зоопарки, природные музеи, городские парки, учебные и терапевтические рекреации и т. д., которые положительно влияют на поведение людей, будучи уникальными антикризисными ресурсами (Кузеванов и др., 2022).

«Садовая терапия» стала активно использоваться в XX–XXI веках как одно из недорогих средств положительного воздействия на жизнь человека. Своими исследованиями мы обосновываем и подтверждаем эту точку зрения (Сизых и др., 2014). *Современная «садовая терапия» (или гарденотерапия, экотерапия)* представляет собой процесс профессионального целенаправленного использования растений и сочетания садоводческих и психологических технологий, призванных улучшить благосостояние и здоровье человека путем воздействия на его разум, тело и душевное состояние (Сизых и др., 2006). Это новое междисциплинарное направление опирается на научные основы психологии, биологии, экологии, природопользования, социальных наук, менеджмента и других смежных областей человеческой деятельности.

Современные исследования показывают положительное влияние «садовой терапии» на различные целевые группы людей как в России (Иванова, 2016; Койгерова, 2019; Любавина, Середина, 2018; Святковская, 2015; Сикорская, 2016), так и за рубежом (Airhart, Willis, & Westrick, 1987; Barnes, 1996; Cornille et al., 1987; Daubert & Rothert, 1981; Durham & Kenline, 1996; Houseman, 1986; Langer & Rodin, 1976; Marshall, Pittsburgh, & Rothert, 1999; Rothert, 1994; Simson & Straus, 2003). Серьезный прогресс в использовании «садовой терапии» в России начался в середине 1990-х годов с разработок иркутских ученых, применяемых к лицам с девиантным поведением – малолетним преступникам, осужденным лицам, содержащимся в системе ФСИН России, детям-сиротам из детских домов и т. п. (Сизых и др., 2006). Позднее идеи и методы «садовой терапии» стали распространяться и разрабатываться в различных регионах России, включая Москву, Санкт-Петербург, Мурманск, Тверь, Ростов, Волгоград, Улан-Удэ и др. (Иванова, 2016; Койгерова, 2019; Любавина, Середина, 2018; Святковская, 2015; Сикорская, 2016).

Цель данной работы – обоснование возможности более широкого применения «садовой терапии» как междисциплинарного метода для коррекции и профилактики девиантного поведения, оказывающего

положительное воздействие на людей, используя собственный и отечественный опыт, лучшие зарубежные практики и исследования. Наши исследования опирались на апробированные **методы** (Сизых и др., 2006; Сизых и др., 2014) из сферы ботаники, садоводства, социальных наук и психологии, использовали натурные наблюдения и экспериментальные исследования с различными социальными и возрастными группами, материалы анкетирования, специальные дневниковые записи участников, анализ научной литературы, интервью с учителями и экспертами в области садовой терапии. Наши обобщения основаны на анализе отечественных примеров, а также непосредственной работе примерно в 200 ботанических садах 32 стран мира в период 1992–2021 гг. Так методология и подходы к анализу и сбору материалов открывают возможности детальнее оценивать перспективы и возможности воздействия «садовой терапии» на здоровье и самочувствие людей.

В своих междисциплинарных исследованиях мы обосновываем сферы проявления положительного воздействия «садовой терапии» на человека, выделяя среди них следующие компоненты и направления:

- 1) интеллектуальные (познавательные);
- 2) социальные;
- 3) эмоциональные (психологические);
- 4) физические (физическое развитие или реабилитация).

Результаты и обсуждение. Стоит отметить, что, согласно полученным нами результатам, использование данного метода приводит к улучшению качества жизни, положительно влияет на психическое состояние и поведение человека, стимулирует и развивает чувства, помогает сгладить внутренние противоречия и достигать гармонии восприятия своего «Я». Еще одним полезным эффектом является формирование нового мировоззрения, осознание важности экологии и приобретение необходимых знаний и навыков. Этот метод также тренирует память, внимание и ловкость рук, помогая возвратиться к естественному образу жизни.

Обосновывая на базе наших работ (Сизых и др., 2006; Сизых и др., 2014) и публикаций российских коллег (Иванова, 2016; Койгерова, 2019; Любавина, Середина, 2018; Святковская, 2015; Сикорская, 2016) применение этого метода, мы определяем «садовую терапию» как комплексный интегративный подход, положительно влияющий на психику человека, который может успешно использоваться для социальной адаптации и реабилитации, коррекционно-развивающей работы, коррекции психических состояний, развития «Я-концепции», перевоспитания и социальной реабилитации осужденных (взрослых и подростков в исправительных колониях системы ФСИН России), реабилитации и профилактики дезадаптации лиц с девиантным поведением.

В настоящее время имеется богатый арсенал природного и культурного наследия в нашей стране, которое до сих пор редко используется, но имеет большой потенциал для социальной адаптации и реабилитации индивидуумов с девиантным поведением. К природным и экологическим ресурсам ботанических садов и их аналогов, используемых в «садовой терапии», относятся биологические коллекции, местные виды, экзотические культивируемые растения в оранжереях, гербарии, семена, специально созданные ландшафты и публичные выставки растений, инновационные технологии и научные разработки. Комплексные ресурсы культурного наследия высокого уровня включают зооботанические и ботанические сады, дендропарки, зоопарки, парки, скверы, архитектурные сооружения, оранжереи, специализированные сады и участки, созданные для сенсорной терапии, которые могут использоваться для решения вышеупомянутых задач.

Обобщая результаты нашей работы и исследования других экспертов, можно выделить широкий круг особых целевых групп населения, для которых применение данного метода показало свою эффективность:

- 1) люди, оказавшиеся в особых условиях выживания (например, из-за бедности, нездорового образа жизни, низкого уровня образования или безработицы);
- 2) неграмотные люди, проживающие в сложных экономических, климатических, санитарно-гигиенических или экологических условиях;
- 3) пациенты больниц, инвалиды, взрослые и дети, нуждающиеся в реабилитации (включая психиатрические лечебницы, наркологические диспансеры и центры для людей с алкогольной и наркотической зависимостью);
- 4) люди, проживающие в специализированных социальных учреждениях (таких как коррекционные интернаты, дома престарелых, центры для пенсионеров, детские дома, госпитали и хосписы);
- 5) люди, находящиеся в исправительных учреждениях, тюрьмах и следственных изоляторах;
- 6) одаренные дети;
- 7) дети, которые попали в сложную жизненную ситуацию или находятся в особых условиях воспитания (дети-сироты, дети-инвалиды, дети и подростки с девиантным поведением), с различными формами дизонтогенеза (например, ДЦП, ЗПР, ЗПРР, РДА, гиперактивность и различные нарушения умственного развития, логоневроз и др.);
- 8) люди, находившиеся под воздействием «полярной нагрузки» или длительного пребывания в закрытых технологических пространствах;
- 9) люди с разными видами инвалидности или ограничениями в физическом и умственном развитии, которые требуют особых подходов и поддержки;
- 10) солдаты-инвалиды и ветераны войн, пережившие тяжелые испытания и нуждающиеся в реабилитации или переподготовке;

11) лица, пострадавшие от катастроф, критических ситуаций, испытывающие хронический стресс, а также члены их семей.

Результаты наших многолетних исследований, проводившихся с 1999 года (Сизых и др., 2006; Сизых и др., 2014), свидетельствуют о положительном и стабильном воздействии «садовой терапии» на различные группы людей с особыми потребностями. Эта терапия направлена на профилактику, коррекцию, реабилита-

цию и сопровождение лиц с проблемами в обучении, социализации и адаптации, включая детей (подростков 11–14 лет в специальной школе для детей с девиантным поведением, детей из детских домов, интернатов, приютов Иркутской области).

Наиболее быстрым и эффективным применение «садовой терапии» оказалось для коррективки и профилактики девиантного поведения у детей и подростков (рис. 1), в том числе у совершивших тяжкие

Рис. 1. Некоторые примеры практического внедрения методов «садовой терапии» на стыке биологии, садоводства, социальных наук и психологии применительно к детям 12–14 лет с девиантным поведением

Fig. 1. Some examples of practical implementation of "Horticultural therapy" methods at the intersection of biology, horticulture, social sciences and psychology for 12–14 year old children with deviant behavior

Примечание: Садовая терапия успешно используется для воспитания и укрепления культурных ценностей у совершивших тяжкие преступления подростков из группы риска в «Иркутской специальной школы для детей и подростков, нуждающихся в особых условиях воспитания», которые в ходе совместного труда в группах учатся планировать работы, распознавать и подготавливать семена, создавать гряды и высевать семена, ухаживать за растениями в питомнике ботанического сада. При этом формируются полезные навыки обучения, укрепления памяти, развития конструктивных межличностных коммуникаций, критического мышления, тонкой мышечной моторики, уменьшения агрессивности поведения. Фотографии из архива авторов.

преступления подростков из группы риска в «Иркутской специальной школе для детей и подростков, нуждающихся в особых условиях воспитания», которые в ходе совместного труда в группах учились планировать работы, работать с семенами, создавать гряды, ухаживать за растениями. Кроме того, «садовая терапия» оказалась также эффективным средством для корректировки отклоняющегося поведения, улучшения обучаемости, укрепления памяти, формирования уверенного спокойствия, преодоления стрессов у детей-сирот и детей-инвалидов из детских домов, а также у одаренных детей с особыми потребностями в коллед-

же при вузе. У таких детей в результате взаимодействия с природными объектами под целенаправленным руководством учителей и ученых формировалось более прочное мировоззрение, закреплялись навыки социализации, культурные ценности, повышались ответственность, самооценка и самоуважение, уменьшалась тревожность, улучшались терпение, настойчивость, забота и взаимоотношения со сверстниками, умение управлять стрессом. И все это благодаря регулярному коллективному и индивидуальному уходу за растениями, когда создавались нужные психоэмоциональные состояния, а им приходилось брать на себя опреде-

Рис. 2. Примеры применения «садовой терапии» для обучения, социальной адаптации, реабилитации, уменьшения агрессивности и формирования полезных навыков у осужденных лиц старшего возраста и подростков, содержащихся в учреждениях системе ГУФСИН РФ по Иркутской области. Фотографии из архива авторов.

Fig. 2. Examples of application of "Horticultural therapy" for education, social adaptation, rehabilitation, reduction of aggression and formation of useful skills in older inmates and adolescents detained in corrections of General Directorate of Federal Service for the Execution of Punishments system of the Russian Federation in the Irkutsk region. Photos from the authors' archive

ленную ответственность, требующую затрат времени и усилий, чтобы увидеть результаты.

Исходя из этого и используя подготовленное нами методическое пособие (Сизых и др., 2016), руководство ГУФСИН России по Иркутской области по поручению Министерства юстиции РФ организовало специальное обучение своих сотрудников, педагогов и начальников отрядов методам «садовой терапии» на базе ресурсов Иркутского ботанического сада ИГУ, а затем применило и исследовало возможности этого метода в целях снижения агрессии, социальной адаптации и реабилитации в отношении поведения несовершеннолетних и взрослых осужденных лиц (в т. ч. особо опасных преступников), находящихся в исправительных учреждениях региона (рис. 2).

Кроме того, было проведено широкомасштабное тиражирование нашей методической брошюры (Сизых и др., 2016) и распространение положительного опыта в системе ГУФСИН России (Куликов, 2011). В русле этой терапии участники получают ряд ценных навыков и убеждений, которые могут быть полезными для их развития, коррекции и профилактики девиантного поведения.

Результатом проводимых нами прикладных исследований стало:

1) приобретение новых, полезных для адаптации и социализации трудовых, личностных и профессиональных навыков, которые необходимы для выживания, а также психологическая реабилитация людей, включающая формирование навыков бесконфликтного межличностного взаимодействия, навыки групповой работы;

2) изменение и улучшение психического состояния (уменьшение агрессии, депрессии, чувства одиночества, повышение ощущения безопасности и т. п.);

3) развитие моторики, эмоционально-чувственной сферы;

4) когнитивное развитие и формирование побуждений к изменению окружающей действительности – картины мира вокруг себя, а затем и себя в нем;

5) формирование эстетического чувства;

6) воспитание новых личностных качеств, в том числе заботы, ответственности, доброжелательности, любви к ближнему, способности завершать начатое дело, аккуратности, опрятности, дружелюбного отношения и др.;

7) изменение представлений о мире и о себе, способствующих гармонизации самооценки и общей «Я-концепции».

В настоящее время повышается востребованность и актуальность работы по реабилитации и социализации ветеранов и инвалидов СВО. Без должного внимания общества к таким людям с особыми нуждами высока вероятность появления индивидов, у которых возникают затруднения в социализации и приспособлении к обычной жизни, и в некоторых случаях даже

проявление девиантного поведения. Внедрение метода «садовой терапии» на основе отечественного и зарубежного опыта позволяет оптимально использовать возможности природных ресурсов окружающей среды для улучшения качества жизни и социальной адаптации разных социальных групп людей, в том числе ветеранов боевых действий, в целях профилактики возможного девиантного поведения.

Например, опыт некоммерческих благотворительных организаций (Improving veteran's mental health through horticulture (n. d.)), работающих с ветеранами с помощью метода «садовой терапии», показал результативность для:

1) преодоления чувства изоляции, которое испытывают участники и ветераны войн;

2) снижения уровня стресса, беспокойства, депрессии, тревоги, которые могут возникнуть в их жизни;

3) построения улучшенных социальных отношений в ходе реализации этого метода;

4) изменения проблемного поведения, включая зависимость от наркотиков, алкоголя, табака, азартных игр, еды, покупок, интернета и др.

Недавние исследования (Detweiler et al., 2015; Meore et al., 2021; Rothert, 1994; Vitale et al., 2021) обращают особое внимание на такие проблемы общества и государства, как возрастание уровня депрессии, посттравматических стрессовых расстройств и суицидального поведения у ветеранов войн, а также таких стрессоров, как бездомность, безработица и инвалидность, по сравнению с общим населением страны. Однако исследования показали, что «садовая терапия» может быть эффективным дополнительным методом лечения при злоупотреблении психоактивными веществами. Она способствует восстановлению нейроэндокринной и аффективной функции после стресса, улучшению качества жизни путем снижения уровня кортизола и депрессивных симптомов (Detweiler et al., 2015). Особые исследования (Meore et al., 2021) подтвердили, что «садовая терапия» эффективна для улучшения психического здоровья участников и ветеранов войн, имеющих в анамнезе историю попыток или мыслей о самоубийстве. Авторы указывают на немедленное улучшение состояния респондентов после каждой сессии занятий «садовой терапии», которое проявляется в уменьшении стресса, боли, повышении настроения и уменьшении чувства одиночества. Также было показано (Kuo & Sullivan, 2001), что растения и такие зеленые ландшафты, как озелененные дворы, газоны, парки, сады и скверы, могут способствовать укреплению связей между горожанами и снижению преступности, создавая благоприятную и здоровую среду для жизни в городе. Люди чувствуют себя более безопасно, когда вблизи их жилища находятся зеленые зоны, с которыми они постоянно взаимодействуют, включая взаимодействие с соседями и зелеными насаждениями,

в отличие от скучных городских кварталов и барачных застроек.

Заключение и выводы. Анализ нашего отечественного опыта и исследование зарубежных практик позволили выявить различные аспекты положительного воздействия «садовой терапии» на человека. Более того, он показал, что этот метод имеет значительный потенциал для коррекции и профилактики девиантного поведения.

Во-первых, при работе с растениями и землей человек формирует эмоциональную связь с природой, что помогает снять стресс и осознать свою роль в ее сохранении, способствуя развитию эмпатии и ответственности. Регулярное участие в садовых занятиях способствует развитию и укреплению навыков саморегуляции, самоконтроля и позволяет укрепить самооценку. Работа с растениями и участие в процессе их выращивания требуют терпения, тщательности и постоянства, что формирует дисциплинированное и ответственное поведение.

Во-вторых, «садовая терапия» способствует развитию коммуникационных навыков и способности к сотрудничеству. Работа с растениями и почвой в саду предполагает взаимодействие с другими людьми, обсуждение и планирование совместных действий. Это стимулирует развитие навыков социального взаимодействия, снижает агрессивное поведение, поддерживает психологическое благополучие, активизируя позитивные эмоции и чувства участников, развивая навыки решения проблем и конфликтов, повышая их мотивацию и интерес к процессу изменения.

В-третьих, работа в саду и взаимодействие с природными элементами могут помочь участникам находить внутреннюю гармонию и стабильность, создавая благоприятную среду, способствующую эмоциональному и психологическому развитию. Сталкиваясь с различными ситуациями в процессе работы, они находят пространство для размышления, обсуждения и решения проблем, создают возможности для осознания своих проблем и трудностей и их преодоления, лучше адаптируются к социуму, что порождает у участников чувство достижения и укрепляет их веру в собственные силы.

Исследования показывают, что «садовая терапия» может стать перспективным и доступным инструментом для коррекции и профилактики девиантного поведения у ветеранов боевых действий и сотрудников правоохранительных органов, которые испытывают сложности в социализации и адаптации к обычной жизни из-за повышенного уровня стресса, изоляции, тревоги и депрессии. Посттравматические стрессовые расстройства и социальные последствия (разводы, безработица, одиночество, бездомность и т. п.) в свою очередь могут способствовать формированию девиантного поведения, вплоть до суицидальных

проявлений (из-за различных форм зависимости от наркотиков, алкоголя, курения, азартных игр, булимии, анорексии, шопоголизма, интернет-зависимости и т. д.). С помощью метода «садовой терапии» возможно преодоление, нейтрализация или смягчение выраженности таких последствий. Он может использоваться как самостоятельный или дополнительный метод лечения, помогая уменьшить чувство изоляции, уровень стресса, беспокойства, депрессии и тревоги при злоупотреблении психоактивными веществами. «Садовая терапия» также способствует восстановлению нейроэндокринной и эмоциональной стабильности после стресса, помогает модулировать стресс у ветеранов, что подтверждается снижением уровня кортизола и депрессивных симптомов и положительно сказывается на качестве их жизни.

Отечественные исследования показывают, что «садовая терапия» эффективна для формирования, обретения и укрепления социально значимых культурных ценностей:

- 1) приобретения новых полезных навыков, необходимых для личностного развития;
- 2) развития навыков межличностного взаимодействия без конфликтов;
- 3) изменения психического состояния (снижения агрессии, депрессии, одиночества, повышения чувства безопасности и других);
- 4) развития тонкой моторики;
- 5) развития эмоционально-чувственной сферы;
- 6) когнитивного развития;
- 7) формирования мотивации для изменения к лучшему окружающей действительности и самоосознания;
- 8) развития эстетического восприятия;
- 9) воспитания новых личностных качеств (семейных ценностей, заботы, ответственности, доброты, любви к ближнему, умения завершать начатое, аккуратности, опрятности, дружелюбия и т. д.);
- 10) изменения представлений о мире и о себе, способствующих гармонизации самооценки и формированию положительной «Я-концепции».

Российские ботанические сады и другие уникальные объекты природного и культурного наследия являются одним из важнейших экологических и психологических ресурсов для применения «садовой терапии», оказывающей положительное влияние в том числе и на коррекцию девиантного поведения в разных социальных группах горожан. Во-первых, это содействует укреплению взаимодействия между горожанами и снижению уровня преступности, создавая благоприятную (здоровую, безопасную) среду для жизни. Во-вторых, «садовая терапия» является доступным и экономичным (относительно недорогим) инструментом для профилактики, коррекции, реабилитации и сопровождения людей с проблемами социализации и адаптации. Это относится как к взрослым (осужденные лица

в исправительных учреждениях ФСИН России), так и к детям (подростки 11–14 лет из специальных школ, дети-сироты из детских домов, интернатов, приютов).

Таким образом, «садовая терапия» как новый немедикаментозный метод может способствовать оздоровлению, адаптации и социальной реабилитации людей различных возрастных групп и статусов, а также всей социально-экологической среды города. Это достигается за счет улучшения социальных показателей, налаживания более крепких связей, повышения уровня

безопасности, здорового образа жизни и создания естественной среды обитания. Также это способствует снижению агрессии, уменьшению количества преступлений и, несомненно, принесет много других позитивных изменений. Важно отметить, что специалисты, работающие в области «садовой терапии» в различных странах мира, пришли к общему мнению о том, что благодаря этому методу можно достичь положительных изменений и улучшений в различных сферах жизни людей.

Список литературы

- Иванова, И. А. (2016). Психологические особенности пожилых как объект социальной реабилитации ветеранов труда. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, 15 (3 (136)), 72–79.
- Койгерова, А. А. (2019). Развитие садовой терапии, как метода лечения лиц, страдающих расстройствами психики. *Colloquium-journal*, 9-3 (33). 7–8.
- Кузеванов, В. Я. (2023). Эра расцвета ботанических садов, или неустойчивое развитие? В С. А. Сенатор, В. П. Упелниек (ред.), *Наследие академика Н. В. Цицина: Ботанические сады. Отдалённая гибридизация растений и животных: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 125-летию академика Н. В. Цицина* (Москва, 3-7 июля 2023 г., стр. 23–29). Москва: Издательство. <https://doi.org/10.35102/cbg.2023.63.17.008>
- Кузеванов, В. Я., Малев, А. В., Григорьева, В. М., Штатнова, А. В., Шамсутдинов, А. Ф., Энхтуйя, Л., Очгэрэл, Н. (2022). Антикризисная роль зооботанических и ботанических садов в условиях современных угроз и вызовов. В Т. И. Грабельных (науч. ред.), *Методология предотвращения угроз в XXI веке: сборник научных трудов* (г. Иркутск, стр. 432–440). Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета.
- Куликов, В. (2011, 23 марта). В российских колониях разбирают зимние сады для перевоспитания арестантов. *Российская газета*. Получено из: <https://www.rg.ru/2011/03/23/kolonia-site.html>
- Любавина, Э. В., Середина, О. В. (2018). Практика применения технологии «гарденотерапия» в условиях психоневрологического интерната. *Отечественный журнал социальной работы*, 2 (73), 41–50.
- Святковская, Е. А., Гонтарь, О. Б., Тростенюк, Н. Н., Калашникова, И. В., Жиров, В. К. (2015). Гарденотерапия как составная часть социальной адаптации и профориентации для обучающихся с интеллектуальными нарушениями. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*, 3, 244–262.
- Сизых, С. В., Кузеванов, В. Я., Белозерская, С. И., Песков, В. П. (2006). *Садовая терапия: использование ресурсов ботанического сада для социальной адаптации и реабилитации: справочно-методическое пособие*. Издательство Иркутского государственного университета. <https://clck.ru/32s3XM>
- Сизых, С. В., Песков, В. П., Карнышев, А. Д. и др. (2014). *Садовая терапия: монография*. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета.
- Сикорская, Л. Е. (2016). Гарденотерапия. В Е. И. Холостова (отв. ред.), *Российская энциклопедия социальной работы* (стр. 148–149). Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К».
- Airhart, D. L., Willis, T., & Westrick, P. (1987). Horticultural Training for Adolescent Special Education Students. *Journal of Therapeutic Horticulture*, 2, 17–22.
- Barnes, M. (1996). Designing for Emotional Restoration: Understanding Environmental Cues. *Journal of Therapeutic Horticulture*, 8, 811–814.
- Cornille, T. A., Rohrer, G. E., Phillips, S. G., & Mosier, J. G. (1987). Horticultural Therapy in Substance Abuse Treatment. *Journal of Therapeutic Horticulture*, 2, 3–8.
- Daubert, J. R., & Rothert, E. A. (1981). *Horticultural Therapy for the Mentally Handicapped*. Chicago: Chicago Horticultural Society.
- Detweiler, M. B., Self, J. A., Lane, S., Spencer, L., Lutgens, B., Kim, D. Y., Halling, M. H., Rudder, T. C., & Lehmann, L. P. (2015). Horticultural therapy: a pilot study on modulating cortisol levels and indices of substance craving, post-traumatic stress disorder, depression, and quality of life in veterans. *AlternTher Health Med*, 21 (4), 36–41. PMID: 26030115.
- Durham, R. A., & Kenline, N. G. (1996). The Walter and Alice Borgeest Garden at Friends Hospital. *Journal of Therapeutic Horticulture*, 8, 53–55.

- Houseman, D. (1986). Developing Links between Horticultural Therapy and Aging. *Journal of Therapeutic Horticulture*, 1, 9–14.
- Kuo, F. E., & Sullivan, W. C. (2001). Aggression and Violence in the Inner City: Effects of Environment via Mental Fatigue. *Environment and Behavior*, 33 (4), 543–571. <https://doi.org/10.1177/00139160121973124>
- Langer, E. J., & Rodin, J. (1976). The Effects of Choice and Enhanced Personal Responsibility for the Aged: A Field Experiment in an Institutional Setting. *Journal of Personality and Social Psychology*, 34 (2), 191–198. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.34.2.191>
- Marshall, C. T., Pittsburgh, P., & Rothert, G. (1999). *The Buehler Enabling Garden: Gardening for People of All Abilities*. Chicago: Chicago Botanic Garden. Retrieved from: <https://clck.ru/35bPC4> (accessed: 01.10.2023).
- Meore, A., Sun, S., & Byma, L. et al. (2021). Pilot evaluation of horticultural therapy in improving overall wellness in veterans with history of suicidality. *Complementary Therapies in Medicine*, 59, 102728. <https://doi.org/10.1016/j.ctim.2021.102728>
- Relf, D. (1990). *The Role of Horticulture in Human Well-Being and Social Development: a National Symposium*. Portland, Oregon: Timber Press.
- Rothert, G. (1994). *The Enabling Garden: Creating Barrier-Free Gardens*. Dallas: Taylor Trade Publishing.
- Simson, S. P., & Straus, M. C. (2003). *Horticulture as Therapy*. New York: CRC Press.
- Improving veterans's mental health through horticulture. (n. d.) *Veterans' Growth*. Retrieved from: <https://veteransgrowth.org/> (accessed: 04.09.23).
- Vitale, A., Byma, L., & Sun, S. et al. (2021). Effectiveness of Complementary and Integrative Approaches in Promoting Engagement and Overall Wellness Toward Suicide Prevention in Veterans. *Journal of Alternative and Complementary Medicine*. 27 (S1), 14–27. <http://doi.org/10.1089/acm.2020.0245>

References

- Ivanova, I. A. (2016). Psihologicheskie osobennosti pozilykh kak ob'ekt social'noj rehabilitacii veteranov truda. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, 15 (3 (136)), 72–79.
- Kojgerova, A. A. (2019). Razvitie sadovoj terapii, kak metoda lecheniya lic, stradayushchih rasstrojstvami psihiki. *Colloquium-journal*, 9-3 (33).7–8.
- Kuzevanov, V. Ya. (2023). Era rascveta botanicheskikh sadov, ili neustojchivoe razvitie? V S. A. Senator, V. P. Upelnik (red.), *Nasledieakademika N. V. Cicina: Botanicheskie sady. Otdalonnaya gibrizaciya rastenij i zhivotnyh: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 125-letiyu akademika N. V. Cicina (Moskva, 3-7 iyulya 2023 g., str. 23–29)*. Moscow: Izdatel'stvo. <https://doi.org/10.35102/cbg.2023.63.17.008>
- Kuzevanov, V. Ya., Malev, A. V., Grigor'eva, V. M., Shtatnova, A. V., Shamsutdinov, A. F., Enhtuyaa, L., Ochgerel, N. (2022). Antikrizisnaya rol' zoobotanicheskikh i botanicheskikh sadov v usloviyah sovremennykh ugroz i vyzovov. V T. I. Grabel'nyh (nauch. red.), *Metodologiya predotvrashcheniya ugroz v XXI veke: sbornik nauchnykh trudov (g. Irkutsk, str. 432–440)*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kulikov, V. (2011, 23 marta). V rossijskikh koloniyah razbivayut zimnie sady dlya perevospitaniya arestantov. *Rossiyskaya gazeta*. Polucheno iz: <https://www.rg.ru/2011/03/23/kolonia-site.html>
- Lyubavina, E. V., Seredina, O. V. (2018). Praktika primeneniya tekhnologii «gardenoterapiya» v usloviyah psihonevrologicheskogo internata. *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty*, 2 (73), 41–50.
- Svyatkovskaya, E. A., Gontar', O. B., Trostenyuk, N. N., Kalashnikova, I. V., Zhironov, V. K. (2015). Gardenoterapiya kak sostavnaya chast' social'noj adaptacii i proforientacii dlya obuchayushchihsya s intellektual'nymi narusheniyami. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya*, 3, 244–262.
- Sizyh, S. V., Kuzevanov, V. YA., Belozerskaya, S. I., Peskov, V. P. (2006). *Sadovaya terapiya: ispol'zovanie resursov botanicheskogo sada dlya social'noj adaptacii i rehabilitacii: spravochno-metodicheskoe posobie*. Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. <https://clck.ru/32s3XM>
- Sizyh, S. V., Peskov, V. P., Karnyshev, A. D. i dr. (2014). *Sadovaya terapiya: monografiya*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Sikorskaya, L. E. (2016). Gardenoterapiya. V E. I. Holostova (otv. red.), *Rossiyskaya enciklopediya social'noj raboty* (str. 148–149). Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya “Dashkov i K”.
- Airhart, D. L., Willis, T., & Westrick, P. (1987). Horticultural Training for Adolescent Special Education Students. *Journal of Therapeutic Horticulture*, 2, 17–22.
- Barnes, M. (1996). Designing for Emotional Restoration: Understanding Environmental Cues. *Journal of Therapeutic Horticulture*, 8, 811–814.
- Cornille, T. A., Rohrer, G. E., Phillips, S. G., & Mosier, J. G. (1987). Horticultural Therapy in Substance Abuse Treatment. *Journal of Therapeutic Horticulture*, 2, 3–8.

- Daubert, J. R., & Rothert, E. A. (1981). *Horticultural Therapy for the Mentally Handicapped*. Chicago: Chicago Horticultural Society.
- Detweiler, M. B., Self, J. A., Lane, S., Spencer, L., Lutgens, B., Kim, D. Y., Halling, M. H., Rudder, T. C., & Lehmann, L. P. (2015). Horticultural therapy: a pilot study on modulating cortisol levels and indices of substance craving, post-traumatic stress disorder, depression, and quality of life in veterans. *Altern Ther Health Med*, 21 (4), 36–41. PMID: 26030115.
- Durham, R. A., & Kenline, N. G. (1996). The Walter and Alice Borgeest Garden at Friends Hospital. *Journal of Therapeutic Horticulture*, 8, 53–55.
- Houseman, D. (1986). Developing Links between Horticultural Therapy and Aging. *Journal of Therapeutic Horticulture*, 1, 9–14.
- Kuo, F. E., & Sullivan, W. C. (2001). Aggression and Violence in the Inner City: Effects of Environment via Mental Fatigue. *Environment and Behavior*, 33 (4), 543–571. <https://doi.org/10.1177/00139160121973124>
- Langer, E. J., & Rodin, J. (1976). The Effects of Choice and Enhanced Personal Responsibility for the Aged: A Field Experiment in an Institutional Setting. *Journal of Personality and Social Psychology*, 34 (2), 191–198. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.34.2.191>
- Marshall, C. T., Pittsburgh, P., & Rothert, G. (1999). *The Buehler Enabling Garden: Gardening for People of All Abilities*. Chicago: Chicago Botanic Garden. Retrieved from: <https://clck.ru/35bPC4> (accessed: 01.10.2023).
- Meore, A., Sun, S., & Byma, L. et al. (2021). Pilot evaluation of horticultural therapy in improving overall wellness in veterans with history of suicidality. *Complementary Therapies in Medicine*, 59, 102728. <https://doi.org/10.1016/j.ctim.2021.102728>
- Relf, D. (1990). *The Role of Horticulture in Human Well-Being and Social Development: a National Symposium*. Portland, Oregon: Timber Press.
- Rothert, G. (1994). *The Enabling Garden: Creating Barrier-Free Gardens*. Dallas: Taylor Trade Publishing.
- Simson, S. P., & Straus, M. C. (2003). *Horticulture as Therapy*. New York: CRC Press.
- Improving veteran's mental health through horticulture. (n. d.) *Veterans' Growth*. Retrieved from: <https://veteransgrowth.org/> (accessed: 04.09.23).
- Vitale, A., Byma, L., & Sun, S. et al. (2021). Effectiveness of Complementary and Integrative Approaches in Promoting Engagement and Overall Wellness Toward Suicide Prevention in Veterans. *Journal of Alternative and Complementary Medicine*. 27 (S1), 14–27. <http://doi.org/10.1089/acm.2020.0245>

Информация об авторах:

Вадим Павлович Песков – доцент департамента психологии Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент.

Виктор Яковлевич Кузеванов – профессор Российской Академии Естественных наук, доцент Байкальского государственного университета, кандидат биологических наук.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 17.09.2023

Одобрена после рецензирования 28.10.2023

Опубликована 15.12.2023

About the authors:

Vadim P. Peskov – Associate Professor of the Department of Psychology, Institute of Pedagogy and Educational Psychology of the Moscow State Pedagogical University, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Victor Ya. Kuzevanov – Professor of the Russian Academy of Natural Sciences Associate Professor of Baikal State University, Cand. Sci. (Biol.).

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted September 17, 2023

Approved after reviewing October 28, 2023

Accepted December 15, 2023

УДК 378.6

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-452-463

Взаимосвязь уровня самооценки с нарушениями служебной дисциплины обучающимися образовательных организаций МВД России

Ирина Аркадьевна Сошникова

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
isoshnikova@mail.ru

ORCID: 0009-0000-4492-5273

Виктория Анатольевна Смородина

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
smorodina-svu@yandex.ru

ORCID: 0009-0006-1631-7653

Аннотация

Введение. Нарушение сотрудниками органов внутренних дел служебной дисциплины и законности имеет разные причины, которые широко изучены в научной литературе. При этом вопрос данного вида девиации среди курсантов и слушателей образовательных организаций представлен недостаточно. В статье рассматриваются причины нарушений служебной дисциплины обучающимися образовательных организаций МВД России во взаимосвязи с уровнем их самооценки. Авторами исследуются взаимосвязь самооценки с адаптацией к особенностям учебно-служебной деятельности обучающихся. Исходя из опыта работы Санкт-Петербургского университета МВД России, предлагаются пути и условия формирования адекватной самооценки обучающихся.

Целью исследования является определение наличия взаимосвязи между уровнем самооценки обучающихся с нарушением ими служебной дисциплины и законности и адаптацией к служебной деятельности.

Методы. Методологическую основу исследования составили научные идеи о формировании личности обучающихся в образовательных организациях МВД России основанные на личностно-деятельном подходе и формировании единого образовательного пространства. При проведении исследования использовались общенаучные методы, такие как: анализ научной литературы, анализ нормативных правовых актов, сравнительно-сопоставительный анализ, обобщение теории и практики вопросов нарушения сотрудниками служебной дисциплины и законности, моделирование.

Результаты работы и их новизна состоят в том, что авторами на основе сопоставления связи самооценки и нарушений служебной дисциплины обучающимися Санкт-Петербургского университета МВД России предложены конкретные методы по профилактике данного вида девиации среди курсантов и слушателей. Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности использования предложенных форм и методов профилактики нарушений служебной дисциплины и законности в работе с обучающимися образовательных организаций МВД России.

Ключевые слова

служебная дисциплина, образовательные организации МВД России, самооценка, адаптация, психолого-педагогическое внимание, психологическое сопровождение

Для цитирования: Сошникова, И. А., Смородина, В. А. (2023). Взаимосвязь уровня самооценки с нарушениями служебной дисциплины обучающимися образовательных организаций МВД России. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 452–463. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-452-463.

The correlation between the self-esteem level and violations of official discipline by trainees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Irina A. Soshnikova

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
isoshnikova@mail.ru

ORCID: 0009-0000-4492-5273

Viktoria A. Smorodina

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
smorodina-svu@yandex.ru

ORCID: 0009-0006-1631-7653

Abstract

Introduction. Violation of official discipline and legality by employees of internal affairs bodies has various reasons, which are widely studied in the scientific literature. At the same time, the issue of this type of deviation among cadets and trainees of educational organizations is presented insufficiently. The article examines the reasons of the discipline violations by trainees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in interaction with their self-esteem level. The authors investigate the relationship of self-assessment with adaptation to the peculiarities of the educational and service activities of trainees. Based on the work experience of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the ways and conditions for the formation of an adequate self-assessment of trainees are proposed.

The purpose of the study is to determine whether there is a relationship between the level of self-esteem of trainees and their violation of discipline and legality and adaptation to official activity.

Methods. The methodological basis of the study was formed by the scientific ideas about the formation of the trainees' personality in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia and are based on a personal-activity approach and the formation of a unified educational space.

General scientific methods were used during the research, such as analysis of scientific literature, analysis of normative legal acts, comparative analysis, generalization of theory and practice of issues of violation of official discipline and legality by employees, modeling.

The results of the work and their novelty consist in the fact that the authors, basing on a comparison of the relationship between self-esteem and violations of official discipline by trainees of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, propose specific methods for the prevention of this type of deviation among cadets and trainees.

The practical significance of the study is the possibility of using the proposed forms and methods of prevention of violations of official discipline and legality in working with trainees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords

service discipline, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, self-assessment, adaptation, psychological and pedagogical attention, psychological support

For citation: Soshnikova, I. A., Smorodina, V. A. (2023). The correlation between the self-esteem level and violations of official discipline by trainees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 452–463. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-452-463.

Введение

Соблюдение сотрудниками полиции служебной дисциплины и законности является одним из ключевых компонентов функционирования всей системы органов внутренних дел Российской Федерации в целом. Государство в лице уполномоченных органов и самого Министерства внутренних дел Российской Федерации закрепило данный факт в требованиях законодательства к служебному поведению сотрудников полиции; в запретах и ограничениях, связанных с прохождением службы; в антикоррупционных нормативных правовых актах¹.

Вполне естественно, что человек, стоящий на страже обеспечения и гарантии соблюдения прав и свобод граждан, воспринимается обществом как некий идеальный субъект, олицетворяющий отсутствие недостатков и слабости. При этом каждый сотрудник правоохранительных органов — это живой человек со своей внутренней жизнью, со своими желаниями и личностными потребностями, с определенным темпераментом, уровнем самооценки и самосознания.

Перед поступлением на службу будущие полицейские проходят сложный психологический отбор. Одной из целей данного отбора является определение факторов риска конкретного человека к любому виду девиации². Кроме того, психологический отбор направлен на определение у кандидата степени сформированности профессионально значимых качеств, важных в будущей служебной деятельности.

Понятие профессионально значимых качеств в психологии стали использовать в середине двадцатого века. При этом имелся в виду некий набор наиболее важных для выполнения конкретной деятельности психических функций. Такой набор послужил основой для подбора психодиагностических методик для прогнозирования успешности будущей профессиональной деятельности претендентов на конкретные должности. Считалось, что успешность работы определяется в основном наличием психических функций, способностей определенного уровня и качества (Super, 1957).

Кроме того, профессионально значимые качества рассматривались как связь между личностными и профессиональными характеристиками человека. Постепенно наука стала изучать личностное развитие человека, его самоактуализацию и самореализацию. Сформированность профессионально значимых качеств стала необходимым условием профессиональной подготовки и осуществления успеш-

ной профессиональной деятельности (Никифоров, Шингаев, 2013).

Практическая задача по специальному психологическому профессиональному отбору кандидатов на службу задавала рамки требований к определению профессионально значимых качеств. В данном случае речь шла о выявлении устойчивых качеств личности, плохо поддающихся тренировке свойств или способностей, которые весьма существенны для достижения профессионального успеха (Holland, 1968).

Сегодня при отборе на службу в правоохранительные органы профессионально значимые качества рассматриваются как компоненты профессиональной пригодности, то есть как качества, необходимые человеку для успешного решения профессиональных задач (Дашко, Виноградов, 2015).

Многоуровневая система психологического отбора кандидатов на службу, состоящая из разнонаправленного тестирования, прохождения которого занимает порядка трех часов; интервьюирования кандидата; прохождения полиграфа; комиссионного обсуждения кандидатуры, должна позволить отобрать кандидатов с минимальной склонностью к девиантному поведению и с максимальным набором важных профессиональных качеств.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что сотрудники органов внутренних дел, прошедшие психологический отбор и поступившие на службу, в идеале практически не должны допускать девиации. Однако проблема девиантного поведения сотрудников существует и имеет разные формы.

К наиболее опасным формам девиации можно отнести нарушение закона, выражающееся в криминальном поведении, коррупционные нарушения, насильственные действия по отношению к гражданам — именно такие формы имеют наибольший общественный резонанс (Ефимов, Евдошенко, Шумакова, 2020).

Анализ статистических данных показывает, что нарушение сотрудниками служебной дисциплины и законности по ряду показателей имеют динамику и тенденцию к росту. Кроме того, сами факты нарушений отрицательно влияют на уровень доверия граждан в целом к органам внутренних дел. Это связано с тем, что такие нравственно-этические понятия, переходящие в профессионально значимые качества сотрудника, как достоинство, честь и служебный долг, тяжело совместить с нарушениями служебной дисциплины и законности.

¹ Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011); Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (2008).

² Ст. 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации (с изменениями и дополнениями от 06.03.2015)» (2012). URL: <https://base.garant.ru/70276070/>

Возникает закономерный вопрос поиска и предотвращения причин девиации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в форме нарушения служебной дисциплины и законности.

Причем начинать работу в этом направлении необходимо как можно раньше, с первых шагов сотрудника в служебной карьере. В этой связи очень важна работа с обучающимися образовательных организаций МВД России. Курсанты и слушатели ведомственных образовательных организаций с момента поступления на учебу являются не просто обучающимися – студентами, а становятся действующими сотрудниками органов внутренних дел. Они состоят в должности курсанта и имеют специальные звания от рядового до младшего лейтенанта полиции (Сошникова, Гейжан, 2019, с. 17–18).

”

такие нравственно-этические понятия, переходящие в профессионально значимые качества сотрудника, как достоинство, честь и служебный долг, тяжело совместить с нарушениями служебной дисциплины и законности

“

Обзор литературы

Исследуя условия и факторы нарушения служебной дисциплины сотрудниками полиции, А. С. Душкин и Е. А. Щелкушкина разделили их на несколько групп. В группе факторов, отражающих особенности личности сотрудника, на первом месте авторами отмечен неадекватный персональным возможностям уровень притязаний и завышенные личностные ожидания, то есть неадекватная оценка самого себя, самооценка (Душкин, Щелкушкина, 2015).

В этой связи важен разговор именно об обучающихся в образовательных организациях силовых структур.

Анализ научной литературы позволяет выделить ряд особенностей служебной деятельности курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России.

Во-первых, с момента поступления молодые люди (в среднем 17-19 лет) попадают в среду, где одним из

ключевых компонентов является система подчинения, где каждое их действие контролируется вышестоящими руководителями. Данная система требует от молодого человека умения выполнять распоряжения начальника, соблюдать служебную дисциплину и подчиняться приказам. В системе образовательной организации МВД России, аналогично образовательным организациям Министерства обороны, молодой человек теряет свою свободу и учится жить в жестких рамках дисциплины и подчинения. Как отмечает И. Р. Шелест, данная среда довлеет над человеком и способствует проявлению девиации в свободное от службы время (Шелест, 2009).

Собеседование с первокурсниками Санкт-Петербургского университета МВД России показало, что для большинства из них именно проблемы выработки навыков подчинения и отсутствия свободы выбора являются основными в начале обучения. Ломается их привычный уклад жизни, где они были относительно свободны в выборе действий, планировании своего времени.

Зачастую это вызывает протест, когда внутреннее свободное «Я» входит в конфликт с внешними требованиями, что влечет за собой нарушение служебной дисциплины.

Так, при изучении вопроса особенностей девиантного поведения курсантов и слушателей учебных заведений МВД России И. К. Стригуненко рассматривал систему постоянного подчинения как один из факторов нарушения ими служебной дисциплины. Автор проводил работу по анализу причин девиации более десяти лет назад, когда прошла целая серия громких нарушений закона курсантами ведомственных образовательных организаций. Результаты его исследования показали, что обучающиеся ставят на первое место среди внутренних причин нарушения служебной дисциплины и законности неадекватную самооценку (Стригуненко, 2014).

Во-вторых, к особенностям служебной деятельности обучающихся в образовательной организации высшего образования МВД России можно отнести так называемый «повышенный уровень ответственности», при котором, обучающиеся, помимо непосредственно учебы, несут службу во внутренних нарядах, привлекаются к несению службы во время проведения массовых мероприятий и к охране общественного порядка в период проведения представительских, спортивных и иных массовых мероприятий. То есть с начала обучения курсанты привлекаются к выполнению обязанностей сотрудников полиции по охране общественного порядка, хотя психологически, по уровню собственной осознанности и личного восприятия своей социальной роли, они еще находятся на стадии «ученика». Данное восприятие иногда мешает им в полной мере нести ответственность за свои действия. Аналогичная пробле-

ма адаптации молодых людей к условиям обучения характерна не только для образовательных организаций МВД России, но и для образовательных организаций Министерства обороны РФ (Елагина, Рогожин, 2020).

Как отмечает С. В. Малетин в своем исследовании формирования ответственности у курсантов, «профессиональная ответственность сама по себе не возникает, для этого нужна целенаправленная работа профессорско-преподавательского и командно-воспитательного состава» (Малетин, 2014, с. 32).

В-третьих, к особенности служебной деятельности обучающихся образовательных организаций системы МВД относится выработка навыков решения сложных служебных задач и быстрого принятия решений в экстремальных ситуациях. Это важно не только для обеспечения безопасности и порядка, но и для защиты жизни и здоровья граждан. Обучение в образовательной организации МВД России направлено на формирование у курсантов и слушателей определенных личностных качеств, способствующих быстрому анализу ситуации, принятию решений и их последующему выполнению. Однако для их формирования необходимо определенное время.

Представляет интерес вывод В. В. Зудаевой, которая указывает, что для успешного решения поставленных профессиональных задач сотрудники органов внутренних дел должны обладать автономностью и интернальным локусом контроля (Зудаева, 2023). Отметим, что наличие этих качеств подразумевает определенный уровень личностной зрелости.

Оба этих понятия связаны с понятием ответственности, как одного из основных профессиональных качеств личности сотрудника правоохранительных органов. Так, автономность, применительно к профессионально значимому качеству личности, понимается как умение человека проявлять необходимую и достаточную самостоятельность для решения конкретной задачи (ответственная свобода) (Golesh, Baba Girei, & Ibrahim, 2018, p. 901).

По мнению ряда ученых, нельзя абсолютизировать интернальный локус контроля. Повышенная внутренняя ответственность может привести к дезадаптации и негативно сказаться на снижении самооценки, изменении Я-концепции личности и мотивации. Особенно это важно учитывать в работе с молодыми людьми в период обучения в высших образовательных организациях (Журавлева, 2023; Kutanis, Mesci, & Ovdur, 2011).

Методы исследования

Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского университета МВД России. При проведении исследования использовался метод анкетирования обучающихся по авторской анкете. Кроме того проводился анализ соблюдения служебной дисциплины и законности обучающимися факультета подготовки

сотрудников для оперативных подразделений, анализ нормативных правовых актов, сравнительно-сопоставительный анализ нарушений служебной дисциплины и законности с уровнем самооценки, обобщение теории и практики вопросов нарушения сотрудниками служебной дисциплины и законности, моделирование.

Результаты исследования

Исследование, проведенное авторами среди обучающихся Санкт-Петербургского университета МВД России по определению качеств личности, которые они считают важными для сотрудника полиции в его профессиональной деятельности, показало следующее. На первое место обучающиеся поставили такое качество, как ответственность. На второе – активность и стойкость перед трудностями. На третьем месте по степени значимости находится умение владеть собой (рисунок 1).

При этом, отвечая на вопрос, какие личностные качества вы хотите развить у себя (рисунок 2), лишь 23 % опрошенных назвали ответственность (Сошникова, Гейжан, 2019). Из чего можно сделать вывод, что остальные обучающиеся считают свою ответственность развитой на достаточном уровне.

В то же время ответственность, по мнению многих ученых, является высшим личностным образованием, сложным феноменом, который характеризует личностную и социальную зрелость. Так, по мнению Г. И. Кашаповой, ответственность интегрирует инициативу, желание, долг, необходимость и обязанности, она становится синонимом полезности обществу, другим людям, а также общественной необходимости своей личности и основанном на этом достоинстве (Кашапова, 2012).

С учетом того, что обучающиеся Санкт-Петербургского университета МВД России являются молодыми людьми (возраст первокурсников 17-25 лет; в подавляющем большинстве это вчерашние выпускники школ), не обладающими достаточным жизненным опытом и зрелостью, здесь можно говорить о неадекватной, завышенной их самооценке, выражающейся в желании казаться самим себе более «взрослыми и опытными».

Как указывают М. Г. Рябова, А. С. Отраднова, если у курсанта имеется завышенная самооценка, он, как правило, склонен брать завышенные обязательства, которые подчас не может выполнить, что приводит к острым внутренним срывам, вселяет чувство внутренней неуверенности, пессимизма. В то же время в случае заниженной самооценки курсант недооценивает свои возможности, не уверен в успехе собственной деятельности и склонен брать низкие обязательства. Заниженная самооценка является внутренним препятствием, тормозом дальнейшего развития личности (Рябова, Отраднова, 2016).

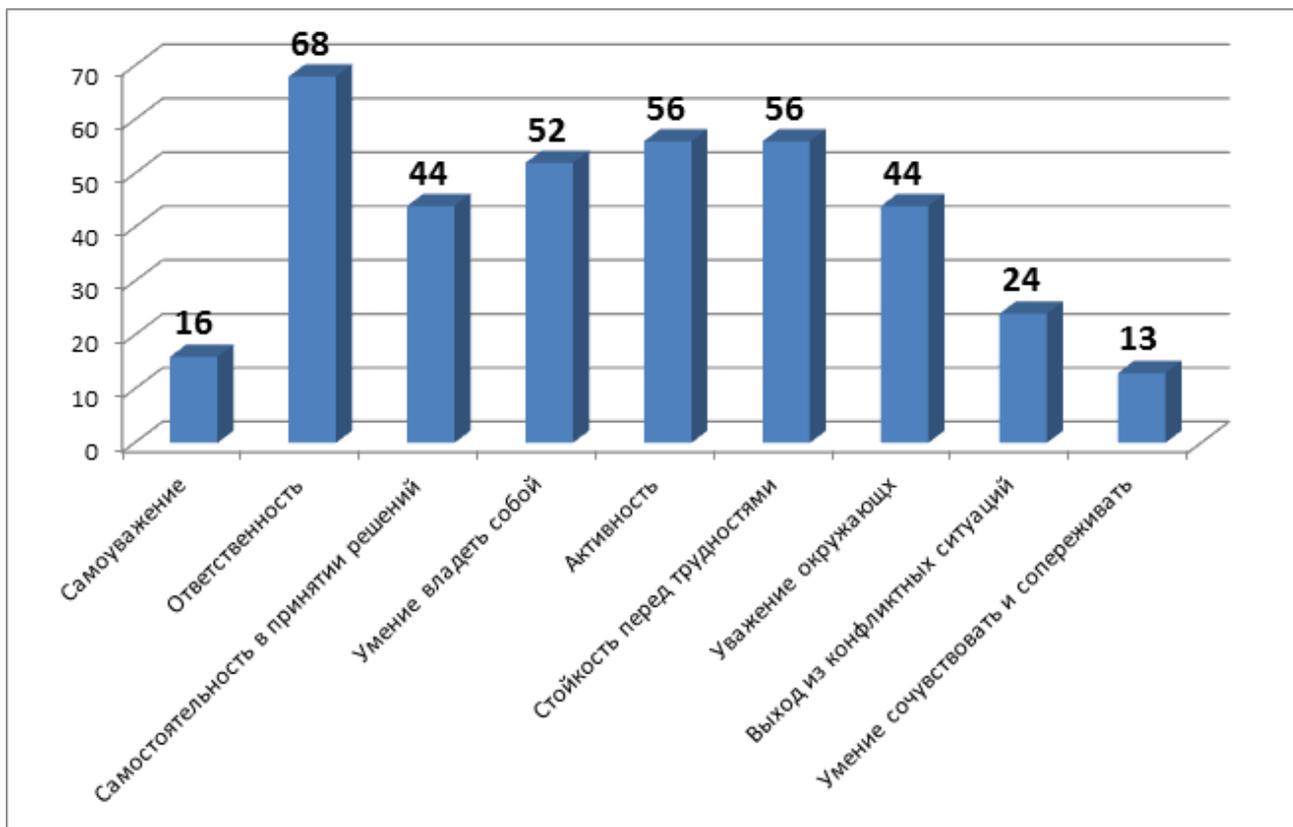

Рис. 1. Оценка курсантами и слушателями качеств личности, необходимых сотруднику правоохранительных органов

Fig. 1. Assessment by cadets and trainees of the personal qualities required by a law enforcement officer

Все это отрицательно сказывается и на уровне служебной дисциплины обучающихся. Из анализа состояния служебной дисциплины и законности обучающихся, проведенного на одном из факультетов Санкт-Петербургского университета МВД России за 9 месяцев 2023 года видно, что из всех 12 допущенных за данный период нарушений служебной дисциплины 7 нарушений (58 %) допущено личным составом 1 курса. Данные представлены в Таблице 1.

Логично сделать вывод, что причиной такой ситуации является недостаточная адаптация первокурсников к условиям служебно-учебной деятельности; неумение правильно оценить последствия своих поступков, недостаточное знание правовых и морально-нравственных норм³.

Как отмечает А. А. Архипова, часто у молодых сотрудников, недавно начавших профессиональную деятельность, происходит несовпадение профессиональных ожиданий и реальной действительности, с которой они сталкиваются в процессе выполнения своих функциональных обязанностей. В связи с этим у молодых специалистов могут возникать трудности адаптации к социально-профессиональной ситуации, которые вызывают сильное эмоциональное напряжение, возникают межличностные конфликты, даже мысли о смене места работы (Архипова, 2016).

Н. Н. Ивашко рассматривает адаптацию курсантов к учебно-профессиональной деятельности как процесс и результат их взаимодействия с образовательной средой, выражающийся в интериоризации норм, пра-

³ Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011); Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (2008); Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» (2012); Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» (2020).

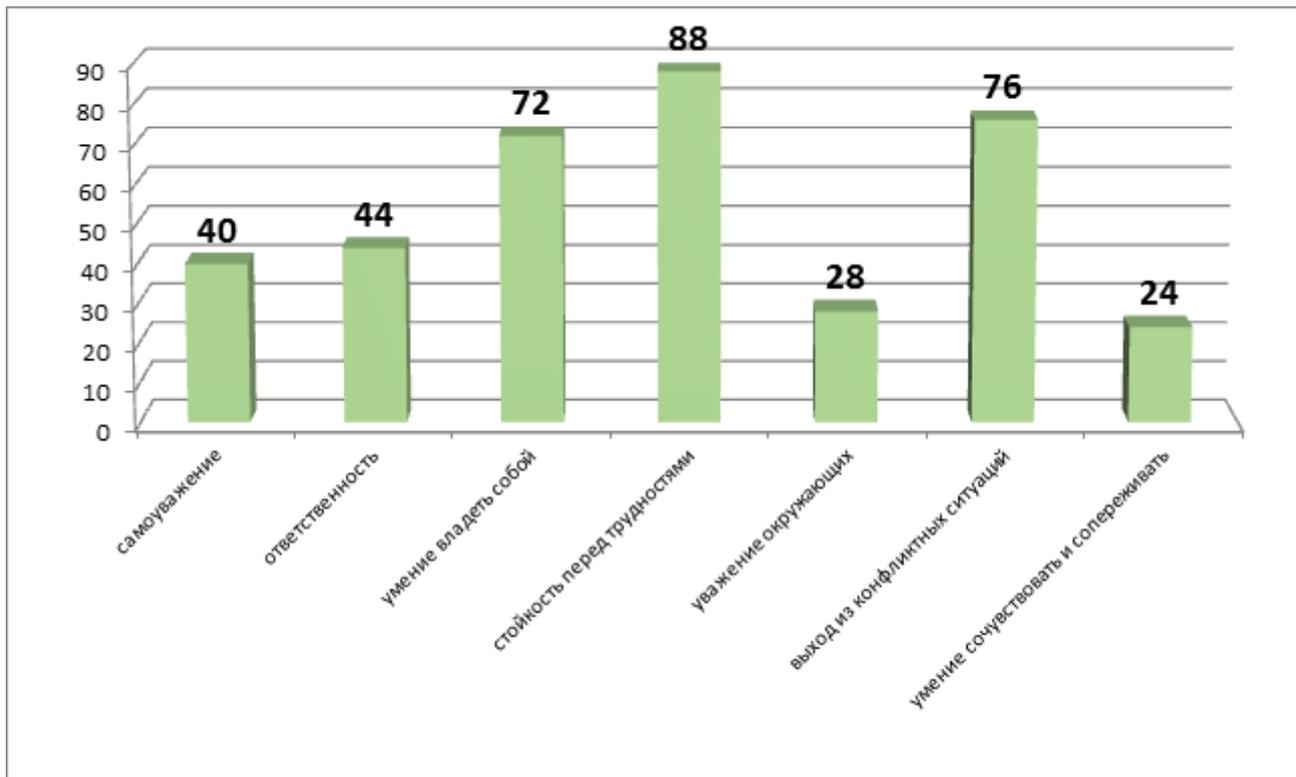

Рис. 2. Выбор личностных качеств, которые курсанты хотят развить у себя

Fig 2. Selection of personal qualities that cadets want to develop in themselves

Таблица 1. Количество лиц из числа переменного состава факультета, допустивших нарушение служебной дисциплины и законности

Table 1. Number of persons from among the variable staff of the faculty who committed a violation of official discipline and the rule of law

Нарушения служебной дисциплины	2022 год	9 месяцев 2023 года
Нарушение распорядка дня	3	3
Неоказание содействия руководству в поддержании служебной дисциплины	2	-
Отсутствие доклада о допущенном административном правонарушении	-	2
Несоблюдение требований пожарной безопасности	-	3
Нахождение в состоянии алкогольного опьянения (в свободное от службы время)	-	1
Совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел	-	3
Утрата справки о допуске	1	-
Невыполнение требований к служебному поведению	1	-
Использование чужой электронной карты для прохода на территорию университета	1	-
Итого	8	12

вил, требований и ожиданий образовательной среды (Ивашко, 2019).

Конкретизируя понятие «адаптивность личности курсантов», П. Ю. Аксенова определяет его как интегрирующее свойство адаптации к обучению, отражающее явные и латентные возможности индивида выработать адекватные условиям способы поведения и актуализировать способность быстро реагировать на изменения образовательного процесса при сохранении внутреннего равновесия (Аксенова, 2011).

Обсуждение результатов

Согласно исследованиям М. Г. Рябовой и А. С. Отрадной, у курсантов первого курса с низким уровнем адаптации прослеживается отрицательная оценка себя и собственных поступков, занижена самооценка, и эти курсанты с трудом решают жизненные задачи, столкнувшись с трудностями, попадая в состояние фрустрации и стресса. Первокурсники с высокой адаптацией положительно оценивают себя и свои действия, что подтверждает удовлетворенность жизнью (Рябова, Отрадная, 2016).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирование адекватной самооценки тесно связано с процессом адаптации обучающихся к условиям учебно-служебной деятельности. Адекватная самооценка является важным условием не только соблюдения служебной дисциплины и законности, но и в целом профессиональной успешности.

Кроме этого, организуя работу с обучающимися по укреплению и поддержанию служебной дисциплины, необходимо учитывать тот факт, что с каждым годом на первый курс образовательных организаций высшего образования МВД России поступает значительное число курсантов, которые по результатам психологического отбора отнесены к третьей группе профессиональной пригодности, то есть рекомендованы к службе в органах внутренних дел условно. Это

те обучающиеся, у которых уровень развития личных и деловых качеств ниже среднего, а также, как правило, есть проблемы с самооценкой (она может быть как заниженной, так и завышенной).

На одном из факультетов Санкт-Петербургского университета МВД России в ходе 5-летнего мониторинга ситуации с обучающимися, требующими повышенного психолого-педагогического внимания, проведенного по результатам комплексных психологических обследований, динамического наблюдения с первого года обучения по настоящее время можно проследить, что в результате проведенной работы число курсантов и слушателей, нуждающихся в повышенном психолого-педагогическом внимании, последовательно сокращается по мере продвижения от первого к дальнейшим курсам обучения: на 2 курсе с 47 до 16 курсантов; на 3 курсе с 17 до 6 курсантов; на 4 курсе с 24 до 17 курсантов; на 5 курсе с 36 до 16 слушателей (Таблица 2).

Необходимо понимать, что формирование адекватной самооценки в ходе адаптации к условиям учебно-служебной деятельности – достаточно длительный процесс, требующий и индивидуальной работы руководителя, и групповых занятий, и изучения норм и правил поведения как в обществе в целом, так и в рамках профессиональной деятельности. Также необходим постоянный контакт со специалистами – психологами.

Выводы

Изучив опыт деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России в этом направлении, отметим, что важную роль в адаптации первокурсников к служебной деятельности играет совместная работа офицеров факультета и сотрудников управления по работе с личным составом, а также помощь курсантов и слушателей старших курсов. Старшекурсники, прежде всего из числа активистов, не только помогают в организации работы 1 курса (в учебе, несении службы, проведении бесед, коллективных мероприятий,

Таблица 2. Сведения о курсантах и слушателях факультета, нуждающихся в повышенном психолого-педагогическом внимании

Table 2. Information about cadets and trainees of the faculty requiring increased psychological and pedagogical attention

Подразделение	Первый год обучения	Второй год обучения	Третий год обучения	Четвертый год обучения	Пятый год обучения
5 курс (2019 год набора)	36	28	16	14	16
4 курс (2020 год набора)	24	27	16	17	-
3 курс (2021 год набора)	17	16	6	-	-
2 курс (2022 год набора)	47	16	-	-	-
1 курс (2023 год набора)	31	-	-	-	-

в том числе и в общежитии), но и вовлекают первокурсников в деятельность курсантских организаций университета (научные общества; поисковый отряд; самодеятельные, творческие и спортивные кружки и секции и пр.). Все это не только способствует адаптации «новичков» к службе и учебе, но и развивает их как личность, способствуя формированию соответствующей самооценки.

Важную роль в этом процессе играет управленческая деятельность руководителей: на факультете поддерживается оптимальный режим служебной деятельности личного состава, обеспечивается контроль соблюдения распорядка дня, осуществляется распределение и выравнивание служебной нагрузки, ведется график работы офицеров, графики нарядов, листы нарядов, табель учета служебного времени сверх нормальной продолжительности. При проведении учебных занятий и иных служебных мероприятий, связанных с получением оружия, боеприпасов и специальных средств, проводятся инструктажи по мерам безопасности.

Подводя итог, можно сделать вывод о необходимости профессиональных знаний и умений в области воспитания и психологии у всех сотрудников курсового звена факультетов, которые должны проводить целенаправленную работу по формированию у обучающихся адекватной самооценки.

Особую роль в формировании адекватной самооценки играет преподавательский состав, включенный в процесс воспитания. Здесь необходимо отмечать успехи и недостатки обучающихся, сравнивая их достижения с достигнутыми ими ранее

результатами, отмечая положительное (отрицательное) саморазвитие, оказывая помощь отстающим и формулируя новые более сложные задачи способным и успевающим курсантам.

При наличии того или иного типа неадекватной самооценки особое значение приобретает тактичное и целенаправленное корректирование самооценки с помощью товарищей, командиров из числа курсового звена, преподавателей, которое осуществляется в процессе индивидуальной работы. Именно на важность проявления человечности, высокой сознательности, терпения и объективности по отношению к обучающимся со стороны тех, кто проводит воспитательную работу, обращает внимание С. Д. Кондратьев в исследовании вопросов профилактики девиантного поведения курсантов и слушателей образовательной организации МВД России (Кондратьев, 2020). Важное значение имеет также реализация программ психологического сопровождения обучающихся.

Стремление к самосовершенствованию, адекватная самооценка должны целенаправленно формироваться в процессе всей жизнедеятельности курсантов, через конкретные виды и формы их деятельности в коллективе. Самооценка при этом является одним из ведущих субъективных факторов процесса самовоспитания. Формирование самооценки как устойчивого интегративного качества личности молодого сотрудника органов внутренних дел требует непрерывного самосовершенствования как в процессе его учебной и служебной деятельности, так и в рамках участия в общественной жизни служебного коллектива.

Список литературы

- Аксенова, П. Ю. (2011). Адаптация курсантов вузов ФСИН России к учебно-воспитательному процессу: структура, этапы, динамика. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 10 (102), 123–127.
- Архипова, А. А. (2016). Особенности развития самооценки личности. *Вестник магистратуры*, 1-1 (52), 100–102.
- Дашко, М. Н., Виноградов, М. В. (2015). Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел: новый подход к изучению личных и деловых качеств граждан, поступающих на службу в подразделения МВД. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 3 (62), 101–106.
- Душкин, А. С., Щелкушкина, Е. А. (2015). Психолого-правовой анализ причин, условий и факторов нарушений служебной дисциплины и законности сотрудниками полиции. *Прикладная юридическая психология*, 1, 89–99.
- Елагина, В. С., Рогожин, В. М. (2020). Педагогические условия адаптации курсантов к обучению в военном вузе. *Современные проблемы науки и образования*, 2. <https://doi.org/10.17513/spno.29555>

- Ефимов, А. А., Евдошенко, В. В., Шумакова Е. В. (2020). Девиации среди сотрудников полиции как важнейшая причина ухудшения их имиджа. *Мир науки, культуры, образования*, 1 (80), 233–235.
- Журавлева, А. К. (2023). Взаимосвязь локус контроля и самоотношения сотрудников ОВД. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 1, 27–32. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-27-32>
- Зудаева, В. В. (2023). Педагогические условия становления профессионально важных качеств будущих сотрудников органов внутренних дел. *Вестник педагогических инноваций*, 2 (70), 99–112. <https://doi.org/10.15293/1812-9463.2302.10>
- Ивашко, Н. Н. (2019). Педагогические условия успешной адаптации курсантов к образовательной среде вуза ФСИН России. *Теория и практика социогуманитарных наук*, 2 (6), 25–32.
- Кашапова, Г. И. (2012). Ответственность как социально-психологический феномен и уровни ее развития. *Казанский педагогический журнал*, 1 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-kak-sotsialno-psihologicheskii-fenomen-i-urovni-ee-razvitiya/viewer>
- Кондратьев, С. Д. (2020). Реализация основных модулей педагогической модели профилактики девиантного поведения курсантов в учебно-образовательном и воспитательном процессе ВУЗа МВД. *Вестник экономической безопасности*, 4, 297–301. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10278>
- Малетин, С. В. (2014). Формирование профессиональной ответственности сотрудника полиции в условиях гуманитарного образовательного пространства вуза. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 4 (59), 31–34.
- Никифоров, Г. С., Шингаев, С. М. (2013). Становление концепции психологического обеспечения профессиональной деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 3, 15–24.
- Рябова, М. Г., Отраднова, А. С. (2016). Индивидуально-психологические особенности курсантов в процессе адаптации к образовательной среде вуза МВД России. *Педагогическое образование в России*, 6, 206–210. URL: <https://rucont.ru/efd/448038>
- Сошникова, И. А., Гейжан, Н. Ф. (2019). *Интерактивные технологии воспитательной работы с обучающимися в образовательных организациях системы МВД России*: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Стригуненко, И. К. (2014). Особенности девиантного поведения курсантов и слушателей учебных заведений МВД России. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 12-1, 204–206.
- Шелест, И. Р. (2009). Современное состояние организации свободного времени курсантов в вузах Министерства обороны Российской Федерации. *Вестник военного университета*, 3 (19), 77–81.
- Golesh, D., Baba Girei, Z. J., & Ibrahim, F. (2018). The Role of Logic in Research. *International Journal of Scientific & Engineering Research*, 10 (10), 894–904. URL: <https://www.ijser.org/researchpaper/THE-ROLE-OF-LOGIC-IN-RESEARCH.pdf>
- Holland, J. L. (1968). Explorations of a theory of vocational choice: VI. A longitudinal study using a sample of typical college students. *Journal of applied psychology*, 52 (1 (2)).
- Özen Kutanis, R., Mesci, M., & Övdür Z. (2011). The Effects of Locus of Control on Learning Performance: A Case of an Academic Organization. *Journal of Economic and Social Studies*, 1 (2), 113–136. URL: <https://core.ac.uk/download/153447782.pdf>
- Super, D. E. (1957). *Vocational development*. New York: Harper and Row.

References

- Aksenova, P. Yu. (2011). Adaptaciya kursantov vuzov FSIN Rossii k uchebno-vospitatel'nomu processu: struktura, etapy, dinamika. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 10 (102), 123–127.
- Arhipova, A. A. (2016). Osobennosti razvitiya samoocenki lichnosti. *Vestnik magistratury*, 1-1 (52), 100–102.

- Dashko, M. N., Vinogradov, M. V. (2015). Professional'nyj psihologicheskij otbor na sluzhbu v organy vnutrennih del: novyj podhod k izucheniyu lichnyh i delovyh kachestv grazhdan, postupayushchih na sluzhbu v podrazdeleniya MVD. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 3 (62), 101–106.
- Dushkin, A. S., Shchelkushkina, E. A. (2015). Psihologo-pravovoj analiz prichin, uslovij i faktorov narushenij sluzhebnoj discipliny i zakonnosti sotrudnikami policii. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 1, 89–99.
- Elagina, V. S., Rogozhin, V. M. (2020). Pedagogicheskie usloviya adaptacii kursantov k obucheniyu v voennom vuze. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2. <https://doi.org/10.17513/spno.29555>
- Efimov, A. A., Evdoshenko, V. V., SHumakova E. V. (2020). Deviacii sredi sotrudnikov policii kak vazhnejshaya prichina uhudsheniya ih imidzha. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1 (80), 233–235.
- Zhuravleva, A. K. (2023). Vzaimosvyaz' lokus kontrolya i samootnosheniya sotrudnikov OVD. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, 1, 27–32. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-27-32>
- Zudaeva, V. V. (2023). Pedagogicheskie usloviya stanovleniya professional'no vazhnyh kachestv budushchih sotrudnikov organov vnutrennih del. *Vestnik pedagogicheskikh innovacij*, 2 (70), 99–112. <https://doi.org/10.15293/1812-9463.2302.10>
- Ivashko, N. N. (2019). Pedagogicheskie usloviya uspeshnoj adaptacii kursantov k obrazovatel'noj srede vuza FSIN Rossii. *Teoriya i praktika sociogumanitarnyh nauk*, 2 (6), 25–32.
- Kashapova, G. I. (2012). Otvetstvennost' kak social'no-psihologicheskij fenomen i urovni ee razvitiya. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 1 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-kak-sotsialno-psihologicheskij-fenomen-i-urovni-ee-razvitiya/viewer>
- Kondrat'ev, S. D. (2020). Realizaciya osnovnyh modulej pedagogicheskoy modeli profilaktiki deviantnogo povedeniya kursantov v uchebno-obrazovatel'nom i vospitatel'nom processe VUZa MVD. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 4, 297–301. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10278>
- Maletin, S. V. (2014). Formirovanie professional'noj otvetstvennosti sotrudnika policii v usloviyah gumanitarnogo obrazovatel'nogo prostranstva vuza. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 4 (59), 31–34.
- Nikiforov, G. S., Shingaev, S. M. (2013). Stanovlenie koncepcii psihologicheskogo obespecheniya professional'noj deyatel'nosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya*, 3, 15–24.
- Ryabova, M. G., Otradnova, A. S. (2016). Individual'no-psihologicheskie osobennosti kursantov v processe adaptacii k obrazovatel'noj srede vuza MVD Rossii. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 6, 206–210. URL: <https://rucont.ru/efd/448038>
- Soshnikova, I. A., Gejzhan, N. F. (2019). *Interaktivnye tekhnologii vospitatel'noj raboty s obuchayushchimisya v obrazovatel'nyh organizacijah sistemy MVD Rossii*: monografiya. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Strigunenکو, I. K. (2014). Osobennosti deviantnogo povedeniya kursantov i slushatelej uchebnyh zavedenij MVD Rossii. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 12-1, 204–206.
- Shelest, I. R. (2009). Sovremennoe sostoyanie organizacii svobodnogo vremeni kursantov v vuzah Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii. *Vestnik voennogo universiteta*, 3 (19), 77–81.
- Golesh, D., Baba Girei, Z. J., & Ibrahim, F. (2018). The Role of Logic in Research. *International Journal of Scientific & Engineering Research*, 10 (10), 894–904. URL: <https://www.ijser.org/researchpaper/THE-ROLE-OF-LOGIC-IN-RESEARCH.pdf>
- Holland, J. L. (1968). Explorations of a theory of vocational choice: VI. A longitudinal study using a sample of typical college students. *Journal of applied psychology*, 52 (1 (2)).
- Özen Kutunis, R., Mesci, M., & Övdür Z. (2011). The Effects of Locus of Control on Learning Performance: A Case of an Academic Organization. *Journal of Economic and Social Studies*, 1 (2), 113–136. URL: <https://core.ac.uk/download/153447782.pdf>
- Super, D. E. (1957). *Vocational development*. New York: Harper and Row.

Информация об авторах:

Ирина Аркадьевна Сошникова – заместитель начальника кафедры управления персоналом и воспитательной работы, кандидат педагогических наук.

Виктория Анатольевна Смородина – доцент кафедры управления персоналом и воспитательной работы, кандидат юридических наук.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 30.10.2023

Одобрена после рецензирования 29.11.2023

Опубликована 15.12.2023

About the authors:

Irina A. Soshnikova – Deputy Head of the Department of Personnel Management and Educational Work, Candidate of Pedagogical Sciences.

Viktorina A. Smorodina – Associate Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work, Candidate of Legal Sciences.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted October 30, 2023

Approved after reviewing November 29, 2023

Accepted December 15, 2023

УДК 343.97: 316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-464-475

Содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, как проявление социальных девиаций

Андрей Иванович Тамбовцев

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

bestcopat@mail.ru

ORCID: 0009-0004-9418-7060

Аннотация

Введение. Преступление, как единичный персональный поведенческий акт, и преступность, как социально-правовой феномен, являются социальными девиациями персоналий и групп. Государство вынуждено использовать принудительный правоприменительный аппарат для сдерживания преступности и нивелирования ее негативных социально-экономических последствий. В системе государственного принудительного аппарата противодействия преступности негласное содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, является особым наиболее эффективным и рациональным функционально-правовым инструментом. На основе проведенного ранее исследования автор констатирует нежелание и законопослушных граждан, и представителей криминальной среды оказывать содействие оперативным подразделениям. Однако детерминанты, лежащие в основе этого нежелания, отличны друг от друга. Автором выдвигается для дальнейшего научного исследования и обсуждения гипотеза, что негласное содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, является результатом социальных девиаций в рассматриваемых общественных группах. Изучение причин и форм указанных отклонений от неких социальных норм, свойственных обеим (законопослушной и криминальной) группам, способно, по мнению автора, оптимизировать процесс привлечения лиц к негласному содействию и борьбе с преступностью.

Методы и методология. В исследовании применялись общенаучный диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический методы и метод контент-анализа. Это позволило выявить признаки наличия и формы проявления девиаций у лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам.

Результаты. Основываясь на результатах собственного исследования и предшествующих научных изысканий иных правоведов, автор приходит к заключению, что в настоящее время содействие законопослушных граждан и представителей криминальной среды во многом детерминировано девиациями рассматриваемых социальных групп. У законопослушных граждан девиация выражается в стойком нежелании оказывать содействие правоохранительным органам вообще и оперативным подразделениям в частности при наличии сострадания к непосредственным жертвам этих преступлений. Девиации представителей криминальной среды выражаются в ситуативной готовности пренебречь корпоративными (субкультурными) морально-нравственными нормами поведения – «преступными понятиями» – и оказывать негласное содействие ради достижения собственных меркантильных целей.

Ключевые слова

девиации, преступность, предупреждение и раскрытие преступлений, оперативно-розыскная деятельность, конфиденциальное содействие, негласное содействие лица, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, конфиденциент

Для цитирования: Тамбовцев, А. И. (2023). Содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, как проявление социальных девиаций. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 464–475. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-464-475.

Assistance of persons to bodies carrying out operational investigative activities as a manifestation of social deviations

Andrei I. Tambovtsev

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
bestcopat@mail.ru

ORCID: 0009-0004-9418-7060

Abstract

Introduction. Crime, as a single personal behavioral act, and criminality, as a socio-legal phenomenon, are social deviations of individuals and groups. The state is forced to use a compulsory law enforcement apparatus to deter crime and level out its negative socio-economic consequences. In the system of the state compulsory apparatus for combating crime, the tacit assistance of persons to bodies carrying out operational investigative activities is a special, most effective and rational functional and legal instrument. Based on previous research, the author notes the unwillingness of both law-abiding citizens and representatives of the criminal environment to assist operational units. However, the determinants underlying this unwillingness are different. The author puts forward for further scientific research and discussion the hypothesis that the tacit assistance of persons to bodies carrying out operational investigative activities is the result of social deviations in the social groups under consideration. In the author's opinion, the study of the causes and forms of these deviations from certain social norms characteristic of both (law-abiding and criminal) groups can optimize the process of involving individuals in the unofficial assistance and the fight against crime.

Methods and methodology. The study used general scientific dialectical, comparative legal, formal logical methods and the method of content analysis. This made it possible to identify signs and forms of manifestation of deviations among persons assisting law enforcement agencies.

Results. Based on the results of the own research and previous scientific research by other legal experts, the author comes to the conclusion that at present, the assistance of law-abiding and upstanding citizens and representatives of the criminal environment is largely determined by the deviations perceived among social groups in question. Among law-abiding citizens, deviation is expressed in a persistent unwillingness to assist law enforcement agencies in general and operational units in particular, in the presence of compassion for the direct victims of these crimes. Deviations of representatives of the criminal environment are expressed in a situational readiness to neglect corporate (subcultural) moral standards of behavior – “criminal concepts” – and provide unofficial assistance in order to achieve their own mercenary goals.

Keywords

deviations, criminality, crimes prevention and crime solution, operative-investigation activity, confidential assistance, unofficial assistance, bodies carrying out investigative activities, confidant

For citation: Tambovtsev, A. I. (2023). Assistance of persons to bodies carrying out operational investigative activities as a manifestation of social deviations. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 464–475. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-464-475.

Введение

На протяжении всего своего существования общество и государство вырабатывало и придерживалось определенных правил поведения, обуславливающих как саму возможность существования данного социума, так и некий диктуемый временем и общественным устройством формат и качество жизни его членов.

В зависимости от степени влияния на фундаментальные основы жизнедеятельности, экзистенциальной и ситуативной значимости данных правил (неких норм поведения), их стало принято делить на этические, морально-нравственные, сугубо правовые и др. Более или менее серьезное нарушение этих норм неодинаково оценивалось обществом – от игнорирования, индиф-

ферентности и/или нравственного осуждения (поищения) до вполне сурового возмездия (наказания), выражающегося в разные периоды развития общества в различных формах – изгнании, презрении, денежных штрафах, тюремном заключении, каторжных работах, физическом насилии (телесных наказаниях или увечьях), смертной казни и пр.

Самым серьезным нарушением указанных норм, конечно же, следует считать совершение преступлений во всем их разнообразии. Под преступностью в классических академических (учебных) изданиях по криминологии понимается «социальное исторически изменчивое, массовое, уголовно-правовое, системное явление общества, проявляющееся в совокупности общественно-опасных уголовно-правовых деяний и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период...»¹.

Аналогичные позиции просматриваются и в фундаментальных научных трудах по криминологии² (Плешаков, 1998; Ларичев, 2003; Дриль, 2006; Гишинский, 2009; Клейменов, М. П., Клейменов, И. М., 2015). Таким образом, преступность, несомненно, является самым радикальным отклонением индивида (и целых больших и малых социальных групп) от существующих в обществе (государстве) правил и норм поведения.

В контексте изложенного и совершение отдельного преступления, как конкретный поведенческий акт, и преступность, как социально-правовое явление, можно считать проявлением девиации – отклонением от некоей нормы в ее наиболее обобщенном словарном значении³.

В то же время преступность как сложнейший социально-правовой феномен⁴ общества и государства практически на протяжении всей истории их существования является объектом самого пристального изучения различных наук, которых постепенно становится все больше и больше. Криминология, криминалистика, социология, психология, политология, виктимология, девиантология, уголовное право и процесс, теория оперативно-розыскной деятельности и отдельные (более узкие, специализированные) направления вышеперечисленных наук изучают преступность в ее всевозможных общих, частных и особенных видах, формах и проявлениях, пытаясь понять ее закономерности, причины и обстоятельства, триггеры и катализаторы, прогнозируемые векторы развития, цикличность, ве-

роятные последствия и многое другое. Правомерно утверждать, что основной целью всех указанных исследований является установление базисных причин и условий преступности, соответствующее превентивное или реактивное функционально-правовое (и любое иное в рамках реальной социально-экономической, правовой и пр. действительности) воздействие на которые позволило бы обществу и государству если не искоренить преступность как явление, то максимально нивелировать негативные последствия воздействия на общество в целом и его отдельных членов.

В настоящее время ввиду наличия целого ряда социально-экономических, политических и иных объективных и субъективных факторов, осложняющих противодействие государства и общества самому явлению преступности и ее отдельным проявлениям, деятельность правоохранительных структур вообще и их оперативных подразделений в частности следует признать одним из наиболее прагматичных и рациональных способов воздействия на состояние преступности, ее сдерживания. При этом одним из самых эффективных функционально-правовых инструментов воздействия государства и общества на преступность и отдельных преступников в рамках указанной правоприменительной деятельности следует признать институт содействия лиц правоохранительным органам в целом и органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), в частности, о чем мы ранее неоднократно писали в своих предшествующих работах (Потёмкин, Тамбовцев, Павличенко, 2021; Тамбовцев, Павличенко, 2021; Тамбовцев, Павличенко, 2022). Разумеется, содействие граждан органам, осуществляющим ОРД, не является мерой общей или индивидуальной профилактики преступности в целом или ее отдельного вида и не влияет прямо и непосредственно на качественно-количественное состояние преступности как явления, но, несомненно, способствует опосредованному предупреждению значительного числа отдельных замышляемых и подготавливаемых преступлений и непосредственному раскрытию ранее совершенных преступлений.

Институт содействия лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, длительное время являлся объектом научного изучения в рамках «закрытых» исследований и начал достаточно интенсивно обсуждаться в «открытой» печати лишь с нача-

¹ Малков, В. Д. (ред.) (2004). *Криминология: учебник* (стр. 17–18). Юстицинформ.

² Сутурин, М. А. (2014). *Теория и практика предупреждения преступности. Преступность: учебное пособие*. Иркутский государственный университет.

³ Чудинов, А. Н. (1910). *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи*. Санкт-Петербург: В.И. Губинский; Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (1992). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азъ; Ефремова, Т. Ф. (2012). *Толковый словарь Ефремовой и др.*

⁴ Фенóмен (2023). В *Википедии*. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD>

лом XXI века в работах таких авторов, как Н. С. Железняк (Железняк, 2012), В. Г. Бобров (Бобров, 2011), А. Ю. Шумилов (Шумилов, 2002; Шумилов, 2005), А. В. Шахматов (Шахматов, 2005; Шахматов, Гордин, 2008; Шахматов, 2017), А. В. Федоров (Федоров, Шахматов, 1999; Федоров, Шахматов, 2005; Федоров, 2017), Н. В. Павличенко (Павличенко, 2010; Павличенко, 2015; Павличенко, 2016), А. А. Маслов (Маслов, 2011; Маслов, 2014; Маслов, 2023), С. И. Владимиров (Владимиров, 2017а; Владимиров, 2017b; Владимиров, 2017с), Крипулевич А. Ю. (Крипулевич, 2016; Крипулевич, 2019а) и др. В работах указанных и иных авторов помимо нормативных правовых, организационно-тактических, психологических и прочих основ института содействия рассматривались и исследовались также наиболее распространенные мотивы содействия, морально-нравственные аспекты содействия, легитимность и этичность использования компрометирующей привлекаемое лицо информации.

”

И совершение отдельного преступления, как конкретный поведенческий акт, и преступность, как социально-правовое явление, можно считать проявлением девиации – отклонением от некой нормы в ее наиболее обобщенном словарном значении

“

На основе личного многолетнего опыта работы в оперативных подразделениях ОВД и результатов проведенного исследования вопросов содействия (в том числе конфиденциального) лиц оперативным подразделениям автором выдвигается интересная, по его мнению, и в то же время необычная гипотеза для дальнейшего научного обсуждения, что сам институт негласного содействия является своего рода девиацией, отклонением от неких условно положительных и отрицательных норм, свойственных различным социальным группам, причем девиацией двойственного характера.

Методы

В процессе исследования применялись общенаучный диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический методы и метод анализа действующих положений нормативных правовых актов и правоприменительной практики, позволившие обеспечить полное и всестороннее изучение рассматриваемых вопросов и сделать обоснованные выводы, изложенные ниже.

Результаты

В своих рассуждениях мы исходим из поддерживаемого нами и иными авторами⁵ постулата Я. И. Гилинского, что «девиация, девиантность – это социальное явление, выражающееся в относительно массовых статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям» (Гилинский, 2007, с. 28). В соответствии с этим определением преступная деятельность отдельного индивида (группы) или преступность как социально-правовое явление предстают несомненным отклонением от гуманистических идеалов и установок общества и основанных на них правилах поведения, а значит, является девиацией.

С одной стороны, основываясь на приведенном определении девиации и факте, что большая или малая преступная группа (или криминальная среда в целом) также являются социальными группами со свойственными им установками, ценностями и нормами поведения, девиацией следует признать и некие отклонения членов преступной среды от свойственных им (и пропагандируемых ими) норм преступного поведения, а именно оказание негласного содействия сотрудникам оперативных подразделений вопреки «воровским понятиям» о недопустимости сотрудничества «вора» с правоохранительными органами.

С другой стороны, такой же девиацией, то есть отклонением от свойственного нормальному здоровому обществу правила оказания помощи нуждающемуся, является присущее современному российскому менталитету откровенное нежелание граждан (обывателей) оказывать содействие оперативным подразделениям в раскрытии преступлений, совершенных в отношении членов своего же социума – малознакомых соседей, коллег, посторонних лиц, ставших жертвами преступлений. В данном случае мы используем термин «гражданин», «гражданин» в его наиболее общем значении, подразумевающим некое лицо, члена общества, без какой-либо связи с институтом гражданства или подданства. Складывается отчасти парадоксальная ситуация: преступники в силу своих «понятий» не должны и не

⁵ Комлев, Ю. Ю. (2013). *Теории девиантного поведения: учебное пособие* (стр. 13). Казанский юридический институт МВД России.

желают оказывать негласное содействие правоохранительным органам, но тем не менее оказывают. А законопослушные граждане, согласно общегуманным моральным установкам, могли бы такое содействие оказать, но в значительной своей части не желают этого делать из-за предвзятого отношения именно к правоохранительной системе, а не к жертве преступления, которой они все-таки сочувствуют.

У данных девиаций, очевидно, имеются различные и многовариативные мотивации и потенциал (положительный или отрицательный с позиции противодействия преступности), а также различные моральные оценки со стороны «своих» и «чужих» участников социальной группы. Рассмотрим эту ситуацию с позиции морали обеих (противоположных по своим внутренним установкам) социальных групп – законопослушной и криминальной.

Свои рассуждения начнем с того, что же именно понимается исследователями под моралью. «Мораль (лат. *moralitas*, термин введён Цицероном от лат. *mores* "общепринятые традиции") – принятые в обществе представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений. Иногда термин употребляется по отношению не ко всему обществу, а к его части, например: христианская мораль, буржуазная мораль и так далее. В тех языках, где, как, например, в русском, помимо слова "мораль" употребляется слово «нравственность» (в немецком соответственно *Moralität* и *Sittlichkeit*), эти два слова чаще выступают в роли синонимов или каким-то образом концептуализируются для обозначения отдельных сторон (уровней) морали, причём концептуализация такого рода носят по преимуществу авторский характер. Мораль, принятая и преобладающая в том или ином обществе, называется общественной моралью. Мораль изучает отдельная философская дисциплина – этика⁶. Иными словами, мораль и нравственность являются лексическими дуплетами и в смысловом значении выражают одну и ту же сторону изучаемого нами явления.

Мораль – сложное и многогранное социальное явление, олицетворяющее представление общества о плохом и хорошем. Моральной оценке различных групп общества подвергается и противоправная (преступная) деятельность отдельных представителей криминальной среды и целые социальные группы, и оперативно-розыскная деятельность во всех ее многочисленных (в том числе – негласных) силах, средствах и методах. Особо пристально рассматривается и оценивается с позиции морали содействие отдельных лиц органам, осуществляющим ОРД, тем более что именно в этой деятельности морально-этические и нравственные аспекты проявляются наиболее ярко и вызывают

сильный, иногда болезненный отклик у части населения страны.

Будучи существом прежде всего биологическим, человек постоянно оценивает окружающую его действительность с позиций выживания – «хорошо / плохо», «безопасно / опасно», «сытно / голодно», «тепло / холодно» и т. п. Но в то же время, будучи существом общественным (социальным), человек вынужден взаимодействовать с себе подобными и оценивать помимо прочего еще и свои отношения с окружающими его индивидами во всем их гендерном, возрастном, социальном, профессиональном и ином многообразии и следовать определенным общественным и своим личным установкам для поддержания внутреннего душевного и внешнего (основанного на контактах с себе подобными) комфорта. Именно данный многовековой

”

В системе государственного принудительного аппарата противодействия преступности негласное содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, является особым наиболее эффективным и рациональным функционально-правовым инструментом

“

процесс общежития и вынужденного взаимодействия членов общества привел к выработке ими целого набора разнообразных стереотипов (правил) поведения, в том числе студенческих, армейских, молодежных, криминальных, тюремных, корпоративных и прочих субкультур, при котором это общежитие является комфортным и безопасным для большинства.

Со временем некоторые правила трансформировались в обязательные для соблюдения нормы поведения – то есть в правовые нормы (закон), предписывающие или, наоборот, запрещающие определенное поведение и предполагающие негативные социальные последствия в случае нарушения запрета. Иные же неписанные правила остались лишь желательными, но отнюдь не обязательными для исполнения, не влекущими для

⁶ Мораль (2022). В *Bukunediui*. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C>

нарушителя никаких последствий за исключением его возможного нравственного осуждения со стороны социума или его части (в формате «Так делать нехорошо!») и так называемых мук совести – личностных духовно-нравственных переживаний нарушителя, разных по степени эмоциональности и нередко эфемерных. Следует признать, что в последнее время общество нередко выражает свое негативное отношение к безнравственным (по мнению какой-то части общества) поступкам своих индивидов показательными демонстративными формами – бойкотом, буллингом (запугивание, травля, агрессивное преследование), сталкингом (нежелательное навязчивое внимание), хэитингом (проявление ненависти; поступки или высказывания, порождаемые ненавистью), игнорированием и пр., граничащими с нарушением конституционных прав человека и гражданина. Современные правоведы отмечают, что отношения между лицами, вовлеченными в оперативно-розыскную деятельность, являются весьма специфическими и в чем-то противоречивыми с морально-этических позиций различных социумов, к которым эти лица принадлежат.

Нужно отметить длительное, на протяжении нескольких десятков лет, неоднозначное отношение большинства населения Российской Федерации к правоохранительным органам вообще и к институту содействия в частности. Так, в процессе мониторинга, проведенного в Омской области в 2003–2005 гг., было установлено, что до 48 % респондентов потенциально были настроены оказать помощь милиции в определенных случаях и до 31 % были готовы помочь безоговорочно (Черкасов, 2005). Примечательно, что аналогичные данные за 1997 г. были в среднем наполовину меньше (Шандыбин, 1997), а в 2006 г. уже до 79 % граждан были психологически готовы оказывать помощь органам внутренних дел. В то же время по результатам опроса общественного мнения, проведенного в 2020 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), сотрудникам полиции своего региона доверяют 58 % респондентов⁷. Очевидно, что почти каждый второй респондент ответил отрицательно на вопрос о доверии сотрудникам полиции и готовности оказать им помощь (содействие). Для государства, заинтересованного в профилактике и искоренении преступности, как явления, данная тенденция, конечно же, является негативным показателем.

Изложенное демонстрирует двойственность нравственного отношения законопослушной части общества к оказанию содействия правоохранительным органам, что можно и нужно расценивать как

определенную морально-психологическую девиацию рассматриваемой социальной группы со всеми вытекающими отсюда дальнейшими выводами, прогнозами и рекомендациями. Одной из глубинных, но в то же время наиболее вероятных и важнейших причин создавшейся ситуации трансформации и девальвации нравственных критериев можно считать участие правоохранительных органов в репрессиях первой половины XX века и многочисленные нарушения конституционных прав и свобод, о которых писали исследователи (Захарцев, Игнащенко, Сальников, 2006, с. 15). Это породило недоверие, озлобленность и даже ненависть населения к правоохранительной системе в лице ее непосредственных представителей. Кроме того, этому способствовала ухудшающаяся криминогенная обстановка конца XX – начала XXI века, а также многочисленные злоупотребления, коррупционные и должностные преступления высших представителей правоохранительных ведомств, которые вызвали массовое и устойчивое предубеждение населения против оперативных служб (Кальницкий, 2016, с. 75). Всё это в совокупности детерминирует современную парадоксальную ситуацию. С одной стороны, имеется сострадание законопослушных граждан жертвам преступлений, искреннее желание и готовность помочь пострадавшему от преступления человеку, а с другой стороны, налицо четко выраженное нежелание граждан оказывать какую бы то ни было помощь (содействие) оперативному подразделению в раскрытии этого самого преступления. При этом любые современные успехи и достижения оперативных подразделений по раскрытию и предупреждению преступлений населением во внимание не принимаются и не могут развенчать негативный ореол многочисленных предыдущих ошибок и злоупотреблений за многие предшествующие годы. В то же время результаты зарубежных исследований указывают на более лояльное отношение населения зарубежных государств к местной полиции. Так, согласно проведенному МВД Великобритании исследованию, основанному на изучении уголовной статистики и опросов населения, 78 % опрошенных заявили, что их местная полиция хорошо выполняет свою работу. Положительное отношение к деятельности высказали 71–74 % опрошенных представителей национальных меньшинств⁸.

Приведенные статистические данные можно считать «специфическим элементом российской ментальности, не разрушив которого, общество не в состоянии двигаться по пути установления должных для

⁷ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные опроса россиян, приуроченного ко Дню полиции (2023, 10 ноября). *Сайт МВД РФ*. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion>

⁸ Home Office Research, Development and Statistics Directorate (2001). *Research Findings*, 136, 1.

цивилизованного мира социальных отношений»⁹. Но также его можно считать и свидетельством серьезных просчетов государства в целом и его правоохранительных ведомств в создании у населения положительного образа сотрудника правоохраны вообще и сотрудника оперативных подразделений в частности. Подобное откровенно негативное или как минимум пренебрежительно-индифферентное отношение населения к правоохранительным органам, является, по нашему убеждению, одновременно и причиной, и катализатором негативного отношения граждан к содействию органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Проведенный нами в 2003–2018 годах опрос значительного количества (более 1500) сотрудников правоохранительных органов России и представителей различных социальных групп показал, что граждане в абсолютном большинстве (около 90 %) против оказания ими содействия (помощи) органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в любых его формах. В то же время среди населения весьма популярными становятся самоорганизованные или волонтерские формы гласного содействия, в которых более просматривается адресная направленность оказания помощи именно жертве, чем правоохранительной системе, хотя и оказывается такая помощь в большинстве случаев опосредованно через правоохранительные органы.

Характерное содержание нравственных отношений в сфере конфиденциальной работы во многом обусловлено ее исключительно скрытым, а потому не регламентируемым «открытыми» законами характером. В нормативно-правовом отношении, отмечает Н. М. Скорилкин, это направление детально регламентировано лишь в формальной части ее осуществления (Скорилкин, 2005). Именно по этой причине взаимоотношения лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, базируются, в основном не на правовой, а на нравственно-этический составляющей. Специфичность тактических ситуаций и решений, принимаемых сторонами «возможного содействия» в условиях ограниченного времени, недостатка информации, риска, неопределенности ситуации и непредсказуемости ее развития проявляется в том, что во многих случаях действующие нормы права не содержат ответов, а сами решения принимаются участниками этих отношений в соответствии с понятиями добра и зла, справедливости, долга, чести и др., содержащимися именно в нормах морали.

Проблема состоит в том, что, по мнению современного среднестатистического обывателя (в целом законопослушного гражданина), оказание содействия

(особенно негласного) является непрестижными, материально невыгодным, неблагодарным и безнравственным видом социальной деятельности, который осуждается практически всеми социальными группами и слоями населения. Благородный и гуманный по своей природе поступок – оказание опосредованной помощи в предупреждении или раскрытии преступления, не просто морально обесценивается обывателями и представителями средств массовой информации, но зачастую преподносится ими (и считается большей частью общества) как аморальный, безнравственный, унижительный. Более того, с позиции представителей криминального сообщества такое содействие есть прямое предательство «братвы» – соучастников преступной деятельности.

Кроме того, субъекты и участники ОРД, будучи представителями различных социальных групп – потерпевшими, подозреваемыми, свидетелями, ранее судимыми, осужденными, друзьями и родственниками всех вышеперечисленных, оперативными сотрудниками и т. д.) находятся под влиянием моральных установок и нравственных представлений своих социальных групп. Именно поэтому на состояние морального фактора оперативно-розыскной деятельности, а также на мотивацию решений и действий в оперативно-розыскной деятельности накладывают интегрированный отпечаток как общечеловеческие моральные нормы и принципы, так и профессиональные моральные правила поведения (Попов, Куликов, 1998). Одни из них имеют прямое отношение к оперативному составу органов, осуществляющих ОРД, а другие – к лицам, привлекаемым к содействию. В контексте вышеизложенного целесообразно указать на важнейший и в то же время «тончайший» момент, связанный с оценкой нравственности содействия, а конкретнее – с оценкой нравственности тех или иных оснований привлечения к содействию. Почему вышеупомянутые девиации в виде разных по мотивации нежеланий законопослушного гражданина и преступника оказывать содействие игнорируются субъектами и содействие ими в конечном счете все-таки оказывается?

Рассуждая о нравственности или безнравственности негласного содействия, просто невозможно отделиться от рассмотрения и оценки межличностных отношений, возникающих между оперативным сотрудником и привлекаемым к сотрудничеству лицом. Очевидно, что в некоторых случаях такие лица могут принадлежать к социальным группам с диаметрально противоположными ценностными и морально-нравственными ориентирами или же ситуативно по-разному оценивать одни и те же факты и обстоятельства. Теория и практика привлечения лиц к негласному со-

⁹ Аналитический материал о проблемах взаимоотношений между милицией и населением (п. 1.2.3 Плана НИР–2003 г. ВНИИ МВД России) (2003). *План НИР–2003 г. ВНИИ МВД России* (стр. 17). Москва.

действию знает множество типовых мотивов (Крипулевич, 2019b), среди которых в различных комбинациях фигурируют обеспечение собственной безопасности, достижение определенных комфортных условий существования, материальная выгода, устранение конкуренции, месть и ряд иных. При этом одним из самых действенных, рациональных, быстрых и эффективных способов привлечения к содействию является использование представителями специальных служб компрометирующих материалов в отношении потенциально конфиденнта. Доказательством эффективности этого способа кроме всего прочего являются официально опубликованные научно обоснованные точки зрения наших уважаемых коллег (Успанов, 2012; Шиков, Капу-

”

Сам институт негласного содействия является своего рода девиацией, отклонением от неких условно положительных и отрицательных норм, свойственных различным социальным группам, причем девиацией двойственного характера

“

стин, 2017). Однако данный формат привлечения лица к содействию может быть подвергнут критике, так как якобы является аморальным / безнравственным со стороны представителя оперативного подразделения. Наша нравственная оценка обсуждаемой гипотетической ситуации привлечения лица к содействию с использованием некой компрометирующей его информации основана на том, что упоминание греха не может быть греховнее самого греха. Более того, использование любого компромата (как, впрочем, и любого иного мотива) – это лишь попытка (и не обязательно успешная) установления первого контакта, попытка начать коммуникацию на интересующую сотрудника правоохранительного ведомства тему предложением со стороны оперативного подразделения. Принятие или непринятие данного «предложения» – это уже волевое решение реципиента, основанное на его ценностях, системе моральных координат, жизненных перспективах и т. п. Генезис и эволюция (трансформация)

этого разового контакта в дальнейшие более или менее устойчивые и длительные отношения сотрудничества между оперативным работником и данным лицом есть результат целенаправленной деятельности прежде всего представителя оперативного подразделения и заключается в трансформации страха компрометации и разоблачения в отношения взаимного доверия и надежности.

Общеизвестно, что хорошо работает тот, кто работает «не за страх, а за совесть». Компрометирующие материалы (негативная информация о конкретном лице) предполагают за собой некий страх разоблачения. Но информация со временем устаревает, а страх утомляет и медленно, но верно приводит субъекта к психологическому истощению (усталости бояться) и постепенно игнорированию самого повода бояться. Иными словами, компромат не вечен и не абсолютен. Нужен более универсальный мотив для дальнейшего поддержания отношений содействия / сотрудничества, а таким может являться только установление если не дружеских, то, по крайней мере, истинно доверительных рабочих отношений между оперативным сотрудником и конфидендом, что, по нашему мнению, и доказывает нравственность рассматриваемой концепции, несмотря на ее кажущуюся жестокость и аморальность.

Учитывая, что размеры и сфера морали не только меняются с течением времени, но и различны у разных народов, наций и даже слоев населения (Кузичев, 2006), что в отдельные исторические периоды проявлялось в отношении к оперативно-розыскной деятельности, констатируем устойчивое положительное (нравственное) отношение к охране лиц, оказывающих содействие, со стороны сотрудников оперативных подразделений как на ранних этапах формирования оперативной работы, так и в современный период. Достаточно еще раз вспомнить высказывание руководителя Московского охранного отделения С. И. Зубатова: «Вы, господа, – обращался он к своим подчиненным, – должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать честно и самоотверженно...» (Скрипилев, 1984, с. 115).

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что в настоящее время содействие законопослушных граждан и представителей криминальной среды во многом является проявлением социальных девиаций указанных общественных групп. Для законопослушных граждан девиация выражается в стойком нежелании оказывать какое бы то ни было содействие правоохранительным (оперативным)

подразделениям в раскрытии преступлений при страдании жертвам этих преступлений. Девиации представителей криминальной среды выражаются в ситуативной готовности пренебречь корпоративными (субкультурными) морально-нравственными

нормами поведения – «преступными понятиями» и оказывать негласное содействие ради достижения собственных, в основном меркантильных целей – безопасности, комфорта, достатка, устранения конкурентов и пр.

Список литературы

- Бобров, В. Г. (2011). К вопросу об анонимном содействии гражданам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. *Оперативник (сыщик)*, 2 (27), 28–32.
- Владимиров, С. И. (2017а). Исторические корни негласного содействия граждан. В *Правоохранительная деятельность территориальных органов МВД России: проблемы и пути их решения: сборник научных статей* (г. Москва, стр. 64–69). Москва: Академия управления МВД России.
- Владимиров, С. И. (2017б). К вопросу об обеспечении государством гарантий по защите лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. *Евразийский юридический журнал*, 4 (107), 254–256.
- Владимиров, С. И. (2017с). К вопросу о дефиниции «содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел». *Актуальные проблемы российского права*, 6 (79), 195–201. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.79.6.195-201>
- Гилинский, Я. И. (2007). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*, 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова, Юридический центр Пресс.
- Гилинский, Я. И. (2009). *Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: монография*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.
- Дриль, Д. А. (2006). *Преступность и преступники; Учение о преступности и мерах борьбы с нею* (серия: Библиотека криминолога: БК). Москва: ИНФРА-М.
- Железняк, Н. С. (2012). К вопросу о необходимости развития отдельных видов содействия сыскной деятельности. *Оперативник (сыщик)*, 4 (33), 46–51.
- Захарцев, С. И., Игнащенко, Ю. Ю., Сальников, В. П. (2006). *Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: монография*. Санкт-Петербург: фонд «Университет».
- Кальницкий, В. В. (2016). Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды: сборник статей. Омск: Омская академия МВД России.
- Клеймёнов, М. П., Клеймёнов, И. М. (2015). *Нераскрытая преступность: монография*. Москва: Норма : Инфра-М.
- Крипулевич, А. Ю. (2016). Роль негласного аппарата в вопросах профилактики пенитенциарной преступности. *Вестник Самарского юридического института*, 3 (21), 137–139.
- Крипулевич, А. Ю. (2019а). Классификация лиц, привлекаемых к негласному содействию в местах лишения свободы, по степени надежности в зависимости от мотивационных критериев. *Вестник Кузбасского института*, 3 (40), 135–139.
- Крипулевич, А. Ю. (2019б). Мотивы лиц, представляющих оперативный интерес для привлечения к негласному содействию в местах лишения свободы, по концепции «Пирамида потребностей Абрахама Маслоу». *Вестник Самарского юридического института*, 5 (36), 43–47.
- Кузичев, С. В. (2006). Нравственность и мораль как основа зарождения организованной культуры в России. *Культура: управление, экономика, право*, 1, стр. 25–26.
- Ларичев, В. Д. (2003). *Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности): монография*. Москва: ВНИИ МВД России.
- Маслов, А. А. (2011). К вопросу о понятии содействия граждан и иных лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. *Черные дыры в Российском законодательстве*, 3, 143–145.
- Маслов, А. А. (2014). К вопросу о содействии гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и сотрудничестве с ними на конфиденциальной основе. *Научный портал МВД России*, 2 (26), 43–47.
- Маслов, А. А. (2023). Вопросы социальной и правовой защиты лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. *Вестник Владимирского юридического института*, 1 (66), 81–84.
- Павличенко, Н. В. (2010). Участие лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в уголовном процессе (в решениях Европейского суда по правам человека). *Современное право*, 6, 96–100.

- Павличенко, Н. В. (2015). Проблемы взаимодействия оперативно-разыскных органов и населения. *Вестник Волгоградской академии МВД России*, 3 (34), 99–104.
- Павличенко, Н. В. (2016). Взаимодействие оперативно-разыскных органов и населения: правовые и теоретические проблемы. *Вестник Волгоградской академии МВД России*, 4 (39), 92–96.
- Плешаков, В. А. (1998). *Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимодействия организованной преступности и преступности несовершеннолетних*: дис. ... д. юрид. наук. Москва.
- Попов, В. Л., Куликов, В. А. (1998). Специфические черты нравственной сущности оперативно-розыскной деятельности. В *Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс*: сборник трудов международной научно-практической конференции. Том. Часть 1 (г. Санкт-Петербург, 06-08 ноября 1998 г., стр. 67). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия МВД России.
- Потёмкин, И. А., Тамбовцев, А. И., Павличенко, Н. В. (2021). Негласное содействие полиции подданными Российской империи. *Вопросы истории*, 9-1, 246–259.
- Скорилкин, Н. М. (2005). Нравственные аспекты содействия гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. В *Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях*: межвуз. сб. науч. тр. (стр. 204). Москва: Московский университет МВД России.
- Скрипилев, А. Е. (1984). *Отдельный корпус жандармов в системе Министерства внутренних дел дореволюционной России (1880-1917 гг.)*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва.
- Тамбовцев, А. И., Павличенко, Н. В. (2021). Объективные оценки нравственности содействия оперативно-розыскным органам. *Труды Академии управления МВД России*, 3 (59), 139–147.
- Тамбовцев, А. И., Павличенко, Н. В. (2022). *Содействие граждан правоохранительным органам как социально-правовой феномен*: монография. Москва: Проспект.
- Успанов, Ж. Т. (2012). Искусство привлечения граждан к конфиденциальному сотрудничеству. *Известия ВУЗов*, 4, стр. 188–192.
- Федоров, А. В., Шахматов, А. В. (1999). Правовое регулирование вопросов содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1 (1), 68–76.
- Федоров, А. В., Шахматов, А. В. (2005). *Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.
- Федоров, А. В. (2017). Российская оперативно-розыскная политика: общетеоретические положения. *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*, 2 (12), 24–33.
- Черкасов, Р. В. (2005). Мнение населения Омской области о милиции и проблемах ее деятельности. В В. Н. Омелин и др. (ред.), *Некоторые вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях*: сб. тр. адъюнктов и соискателей (стр. 142–147). Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
- Шандыбин, В. Д. (1997). Из опыта работы УВД Омской области по укреплению правопорядка. В А. Г. Горлов (гл. ред.), *Омский меридиан* (стр. 4–5). Москва: Объединенная редакция МВД России.
- Шахматов, А. В. (2005). *Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта)*: дис. ... д. юрид. наук. Санкт-Петербург.
- Шахматов, А. В., Гордин, А. В. (2008). Некоторые аспекты конфиденциального содействия лиц органам обеспечения безопасности. *Оперативник (сыйщик)*, 3 (16), 17–18.
- Шахматов, А. В. (2017). К вопросу развития института социально-правовой защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. В В. И. Тюнин (ред.), *Уголовное право, уголовный закон: теория и практика*: сборник научных статей (г. Санкт-Петербург, стр. 343–347). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
- Шиков, А. А., Капустин, К. В. (2017). Использование компрометирующих материалов в оперативно-розыскной деятельности. *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика*, 2 (12), 115–119.
- Шумилов, А. Ю. (2002). *Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С постановлением приложения нормативных актов и документов*, 4-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-ль Шумилова И. И.
- Шумилов, А. Ю. (2005). Конфиденты и агенты: кто они? *Оперативник (сыйщик)*, 3 (4), 18–19.

References

- Bobrov, V. G. (2011). K voprosu ob anonimnom sodejstvii grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatelnost'. *Operativnik (syshchik)*, 2 (27), 28–32.
- Vladimirov, S. I. (2017a). Istoricheskie korni neglasnogo sodejstviya grazhdan. V *Pravoohranitel'naya deyatelnost' territorial'nyh organov MVD Rossii: problemy i puti ih resheniya*: sbornik nauchnyh statej (g. Moskva, str. 64–69). Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii.
- Vladimirov, S. I. (2017b). K voprosu ob obespechenii gosudarstvom garantij po zashchite lic, sodejstvuyushchih organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatelnost'. *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal*, 4 (107), 254–256.
- Vladimirov, S. I. (2017c). K voprosu o definicii «sodejstvie grazhdan operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennih del». *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 6 (79), 195–201. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.79.6.195-201>
- Gilinskij, Ya. I. (2007). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»*, 2-e izd., ispr. i dop. Saint Petersburg: Izd-vo R. Aslanova, Yuridicheskij centr Press.
- Gilinskij, Ya. I. (2009). *Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol'*: monografiya. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr Press.
- Dril', D. A. (2006). *Prestupnost' i prestupniki; Uchenie o prestupnosti i merah bor'by s neyu* (seriya: Biblioteka kriminologa: BK). Moskva: INFRA-M.
- Zheleznyak, N. S. (2012). K voprosu o neobhodimosti razvitiya otdel'nyh vidov sodejstviya sysknoj deyatelnosti. *Operativnik (syshchik)*, 4 (33), 46–51.
- Zaharcev, S. I., Ignashchenkov, Yu. Yu., Sal'nikov, V. P. (2006). *Operativno-rozysknye meropriyatiya v XXI veke*: monografiya. Saint Petersburg: fond «Universitet».
- Kal'nickij, V. V. (2016). *Voprosy teorii i praktiki ugolovno sudoproizvodstva: izbrannye trudy*: sbornik statej. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii.
- Klejmyonov, M. P., Klejmyonov, I. M. (2015). *Neraskrytaya prestupnost'*: monografiya. Moskva: Norma : Infra-M.
- Kripulevich, A. Yu. (2016). Rol' neglasnogo apparata v voprosah profilaktiki penitenciarnoj prestupnosti. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 3 (21), 137–139.
- Kripulevich, A. Yu. (2019a). Klassifikaciya lic, privlekaemyh k neglasnomu sodejstviyu v mestah lisheniya svobody, po stepeni nadezhnosti v zavisimosti ot motivacionnyh kriteriev. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 3 (40), 135–139.
- Kripulevich, A. Yu. (2019b). Motivы lic, predstavlyayushchih operativnyj interes dlya privlecheniya k neglasnomu sodejstviyu v mestah lisheniya svobody, po koncepcii «Piramida potrebnostej Abrahama Maslou». *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 5 (36), 43–47.
- Kuzichev, S. V. (2006). Nravstvennost' i moral' kak osnova zarozhdeniya organizovannoj kul'tury v Rossii. *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo*, 1, str. 25–26.
- Larichev, V. D. (2003). *Prestupnost' v sfere ekonomiki (teoreticheskie voprosy ekonomicheskoy prestupnosti)*: monografiya. Moskva: VNII MVD Rossii.
- Maslov, A. A. (2011). K voprosu o ponyatii sodejstviya grazhdan i inyh lic organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatelnost'. *Chernye dyry v Rossijskom zakonodatel'stve*, 3, 143–145.
- Maslov, A. A. (2014). K voprosu o sodejstvii grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatelnost', i sotrudnichestve s nimi na konfidencial'noj osnove. *Nauchnyj portal MVD Rossii*, 2 (26), 43–47.
- Maslov, A. A. (2023). Voprosy social'noj i pravovoj zashchity lic, sodejstvuyushchih organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatelnost'. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 1 (66), 81–84.
- Pavlichenko, N. V. (2010). Uchastie lic, okazyvayushchih sodejstvie organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatelnost' v ugolovnom processe (v resheniyah Evropejskogo suda po pravam cheloveka). *Sovremennoe pravo*, 6, 96–100.
- Pavlichenko, N. V. (2015). Problemy vzaimodejstviya operativno-rozysknyh organov i naseleniya. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii*, 3 (34), 99–104.
- Pavlichenko, N. V. (2016). Vzaimodejstvie operativno-rozysknyh organov i naseleniya: pravovye i teoreticheskie problemy. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii*, 4 (39), 92–96.
- Pleshakov, V. A. (1998). *Kriminologicheskaya bezopasnost' i ee obespechenie v sfere vzaimovliyaniya organizovannoj prestupnosti i prestupnosti nesovershennoletnih*: dis. ... d. yurid. nauk. Moskva.
- Popov, V. L., Kulikov, V. A. (1998). Specificheskie cherty нравstvennoj sushchnosti operativno-rozysknoj deyatelnosti. V *Zakonnost', operativno-rozysknaya deyatelnost' i ugolovnyj process*: sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Tom. Chast' 1 (g. Sankt-Peterburg, 06-08 noyabrya 1998 g., str. 67). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii.

- Potyomkin, I. A., Tambovcev, A. I., Pavlichenko, N. V. (2021). Neglasnoe sodejstvie policii poddannymi Rossijskoj imperii. *Voprosy istorii*, 9-1, 246–259.
- Skorilkin, N. M. (2005). Nравstvennyye aspekty sodejstviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost'. V *Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del v sovremennyh usloviyah*: mezhvuz. sb. nauch. tr. (str. 204). Moscow: Moskovskij universitet MVD Rossii.
- Skripilev, A. E. (1984). *Otdel'nyj korpus zhandarmov v sisteme Ministerstva vnutrennih del dorevolucionnoj Rossii (1880–1917 gg.)*: dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow.
- Tambovcev, A. I., Pavlichenko, N. V. (2021). Ob»ektivnye ocenki нравstvennosti sodejstviya operativno-rozysknym organam. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 3 (59), 139–147.
- Tambovcev, A. I., Pavlichenko, N. V. (2022). *Sodejstvie grazhdan pravoohranitel'nym organam kak social'no-pravovoj fenomen*: monografiya. Moscow: Prospekt.
- Uspanov, Zh. T. (2012). Iskusstvo privlecheniya grazhdan k konfidential'nomu sotrudnichestvu. *Izvestiya VUZov*, 4, str. 188–192.
- Fedorov, A. V., Shahmatov, A. V. (1999). Pravovoe regulirovanie voprosov sodejstviya grazhdan operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennih del. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1 (1), 68–76.
- Fedorov, A. V., Shahmatov, A. V. (2005). Pravovoe regulirovanie sodejstviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost'. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr Press.
- Fedorov, A. V. (2017). Rossijskaya operativno-rozysknaya politika: obshcheteoreticheskie polozheniya. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii*, 2 (12), 24–33.
- Cherkasov, R. V. (2005). Mnenie naseleniya Omskoj oblasti o milicii i problemah ee deyatel'nosti. V V. N. Omelin i dr. (red.), *Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya deyatel'nosti organov vnutrennih del v sovremennyh usloviyah*: sb. tr. ad»yunktov i soiskatelej (str. 142–147). Moscow: Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut MVD Rossii.
- Shandybin, V. D. (1997). Iz opyta raboty UVD Omskoj oblasti po ukrepleniyu pravoporyadka. V A. G. Gorlov (gl. red.), *Omskij meridian* (str. 4–5). Moscow: Ob»edinennaya redakciya MVD Rossii.
- Shahmatov, A. V. (2005). *Agenturnaya rabota v operativno-rozysknoj deyatel'nosti (teoretiko-pravovoe issledovanie rossijskogo opyta)*: dis. ... d. jurid. nauk. Saint Petersburg.
- Shahmatov, A. V., Gordin, A. V. (2008). Nekotorye aspekty konfidential'nogo sodejstviya lic organam obespecheniya bezopasnosti. *Operativnik (syshchik)*, 3 (16), 17–18.
- Shahmatov, A. V. (2017). K voprosu razvitiya instituta social'no-pravovoj zashchity grazhdan, sodejstvuyushchih organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost'. V V. I. Tyunin (red.), *Ugolovnoe pravo, ugovolnyj zakon: teoriya i praktika*: sbornik nauchnyh statej (g. Sankt-Peterburg, str. 343–347). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet.
- Shikov, A. A., Kapustin, K. V. (2017). Ispol'zovanie komprometiruyushchih materialov v operativno-rozysknoj deyatel'nosti. *Penitenciarное pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika*, 2 (12), 115–119.
- Shumilov, A. Yu. (2002). *Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»*. S postatejnym prilozheniem normativnyh aktov i dokumentov, 4-e izd., ispr. i dop. Moscow: Izd-je Shumilova I. I.
- Shumilov, A. Yu. (2005). Konfidenty i agenty: kto oni? *Operativnik (syshchik)*, 3 (4), 18–19.

Информация об авторе:

Андрей Иванович Тамбовцев – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 02.11.2023

Одобрена после рецензирования 07.12.2023

Опубликована 15.12.2023

About the author

Andrei I. Tambovtsev – Associate Professor at the Department of Operational and Investigative Activities in Internal Affairs Bodies of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted November 02, 2023

Approved after reviewing December 07, 2023

Accepted December 15, 2023

УДК 34

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-476-482

Police intervention in domestic violence cases: mediation, warning or administrative penalty?

Yingxing Xu

Shanghai Police College
(Shanghai, China)

Jialu Lu

Shanghai Police College
(Shanghai, China)

Abstract

China's first law on domestic violence (DV) was passed in 2015 and implemented in 2016, which creatively established the DV warning system. It provides a way for police stations to intervene in DV and ensures family harmony and stability to some extent. However, there are regional and individual differences in implementation. In this study, information was collected during personal interviews with 12 police officers from three police stations in the same city in China. Through the discussion of police intervention in DV, we found that mediation was still the main way to settle a DV case due to the traditional concepts, ambiguity of related terms, weak deterrent of a warning paper, and inadequate understanding of related guide. Also, the support and cooperation mechanism to intervene in DV has not been established. Based on our findings, we will put forward suggestions on improving work norms and procedures, strengthening training and guidance, and establishing multi-party cooperation mechanisms.

Ключевые слова

administrative warning system, anti-domestic violence law, domestic violence, mediation, administrative penalty

For citation: Yingxing Xu, Jialu Lu (2023). Police intervention in domestic violence cases: mediation, warning or administrative penalty? *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 476–482. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-476-482.

Вмешательство полиции в дела о домашнем насилии: посредническая деятельность, предупреждение или административное наказание?

Инсин Сюй

Шанхайское высшее училище
полиции (Шанхай, Китай)

Цзялу Лу

Шанхайское высшее училище
полиции (Шанхай, Китай)

Аннотация

Первый закон о домашнем насилии в Китае был принят в 2015 году и стал реализовываться в 2016 году, позволив установить систему профилактических мер относительно случаев домашнего насилия. Закон дает возможность полицейским участкам вмешиваться в дела о домашнем насилии и в определенной степени гарантировать гармонию в семье и стабильность. Впрочем, существуют региональные и индивидуальные различия в его исполнении. В этом исследовании собрана информация о проведении интервьюирования 12 сотрудников полиции из трех полицейских участков в одном городе Китая. В ходе обсуждения полицейского вмешательства в случаи домашнего насилия мы обнаружи-

ли, что посредническая деятельность оставалась основным способом для урегулирования дел о домашнем насилии вследствие традиционных понятий, неоднозначности схожих условий, слабого сдерживающего фактора предупреждений со стороны полиции и недостаточного понимания соответствующего направления. Также, не были созданы поддержка и механизм сотрудничества в отношении вмешательства в дела о домашнем насилии. Основываясь на наших результатах исследования, мы выдвинем предположения об улучшении юридических нормативов и процедур, усилении обучения и руководства, и установлении механизмов многостороннего взаимодействия.

Ключевые слова

административная система предупреждения, закон против домашнего насилия, домашнее насилие, посредническая деятельность, административное наказание

For citation: Инсин Суй, Цзялу Лу (2023). Вмешательство полиции в дела о домашнем насилии: посредничество, предупреждение или административный штраф. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 476–482. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-476-482.

Introduction

The police represent the front line in the quick response to DV cases. The Anti-domestic Violence Law was passed formally by the National People's Congress on 27 December 2015. It stipulates that the police department has duties to send the police on time, stop violence, investigate and collect evidence, apply the warning system, give a punishment, and assist the victims. In particular, the warning system formally established by the law expands the legal ways for public power to intervene in DV.

The warning system plays an important role in protecting the victim in time, deterring and educating the violator, and providing evidence for subsequent litigation procedures. Since its implementation, many provinces and cities in China have successively issued relevant implementation rules and guidelines, but have not yet put into a national unified version. In August 2021, the Shanghai Public Security Bureau issued the Manua for Dealing with DV Cases ("The Manua") detailing the application situation of the warning paper and relevant procedure. However, in practice, the law was applied differently. In some areas, mediation has become the main way of disposal. Police rarely issue warning papers, which makes the warning system become a dummy; In other areas, the standard for issuing warnings is low. The warning papers were repeatedly issued to the same person and even issued to both parties, resulting in the abuse of the warning system.

This study focuses on the actual situation of police handling DV cases in Shanghai through individual interviews. And we will put forward suggestions to improve the service of police response to DV cases.

Literature review

Yet some domestic studies focused on the problems of police intervention in DV. Social culture, cognitive bias, law enforcement basis and difficulties in collecting evidence are interfered with the effect of police intervention in DV (Lan, 2021; Wu, 2022). Some scholars have examined the effect of the warning system and analyzed the factors affecting law enforcement, such as the backward concept of the

police, the low awareness of the warning system, the lack of standardized guidelines, the lack of a review system, and the lack of follow-up measures (He, 2020; Jiang, 2019; Li & He, 2017). These scholars also put forward suggestions on clarifying the legal nature of warning papers, standardizing the application and process, strengthening the training of law enforcement personnel, and establishing an anti-domestic violence linkage mechanism. The current literature mainly uses the methods of case study and questionnaire survey. Few are carried out in-depth interviews with the police officers in the local police stations. As a result, it is not possible to know detailed views of police intervention in DV.

Methods

Based on literature research, the interview outline was prepared in advance, and three police stations in Shanghai were selected as the samples (Between May 2022 and May 2023, two police stations haven't issued any warning papers, and the other has issued nine warnings). The participants were selected by the heads of each police station. There were 12 participants, including 6 community police officers, 2 security officers and 5 case handling officers. All the officers interviewed were male. Fifty percent had less than five service years, 17% had 5-10 service years and the rest worked for more than 10 years. This study was carried out separately in each police station, and the interview for each police officer was usually 20-30 minutes.

An interview guide containing seven questions was developed to guide the interviews. The questions were as follows:

1. What is the difference between domestic violence and domestic dispute?
2. Under what circumstances should the warning paper be used?
3. Do you know the process for issuing a warning paper?
4. What is the role of warning paper in the fight against DV? Is it useful?
5. Who will supervise the implementation of the warning paper after it is issued?

6. In the handling of a DV case, which way do you prefer to settle the case, mediation, warning, or administrative penalty? Why?

7. What support do you seek in handling DV cases?

Using the recordings and the notes made for interviews, we composed a transcript of each interview. All transcripts were then checked for accuracy by a second researcher. We coded each of the participants, such as A1 (referred to Officer 1 working in Police Station A) or B1 (referred to Officer 1 working in Police Station B). According to the content of the transcript, particular ideas were selected and categorized into corresponding themes. The researchers identified the facts and problems found in the interviews through the discussion afterward.

New findings of the study

1. The awareness of DV

The understanding of the concept of DV decides the extent of police intervention in family affairs and the protection of victims. According to the Anti-Domestic Violence Law, DV refers to physical and mental violations between family members including beatings, injuries, restraint or forcible limits on physical liberties, as well as recurring verbal threats and abuse. The concept of DV seems clear, but it is still vague for enforcement. Just as "a thousand readers have a thousand Hamlets in their minds", the interviewed police officers made free judgments on whether the case was DV based on their own experience.

It is difficult to distinguish between DV and domestic disputes. With the implementation of the Anti-Domestic Violence Law, most police have been able to recognize the harm of DV. Due to DV often evolving from family disputes, it is confusing when the adverse effects are not serious. When asked how to distinguish DV from domestic disputes, the interviewees had different views. Some officers determined that physical altercation should be taken as the standard. Physical altercation here can be broadly understood as "pushing, grabbing, slapping, kicking, threatening with a knife or weapon, etc." However, it is still difficult to grasp what level of physical violence can be identified as DV. Some officers believed that the distinction should be based on whether the parties are injured.

When someone gets hurt, it's considered DV. (B1)

Some respondents believed that DV took place repeatedly and continuously, and the times of violence happening should be taken as the basis for measuring.

Depending on the number of times, the first call to the police is generally not recognized (DV). You should check the previous records. If a man reports to the police again, the incident could be regarded as DV. (A1)

DV doesn't just happen once. The difference is a family dispute is accidental, impulsive, and will be stopped immediately after realizing one's mistake. It is just a minor dispute, such as a scratch. (A3)

Non-traditional violence is difficult to identify. The Anti-Domestic Violence Law extends the protection of victims to psychological abuse, which reflects legislative progress. Psychological abuse can include: Hostile behaviors or silent treatment as part of a pattern of behavior to make the victim feel fearful; Being insulted in front of others; Repeatedly being belittled and so on. Psychological abuse is more hidden and private than physical violence. Therefore, the burden of proof for the victim is bigger, such as only providing the victim's testimony cannot effectively prove the existence of psychological abuse, the victim needs to collect audio or video evidence. At the same time, the effect of psychological abuse is subjective and intangible, and there is no clear standard in practice for determining whether the victim is afraid and then feels psychological coercion. In the case of PUA (Pick-up Artist), it has changed in the Chinese context in recent years. It has become a specific term for a kind of behavior of controlling another person by belittling or abusing him. However, this kind of behavior may continue for a longtime to have a serious effect on the victim. This makes it difficult for a single act to be directly identified as DV.

Psychological violence is more abstract and harder to identify than physical violence. For example, a wife called the police because her husband scolded her, and when we arrived at the scene, the husband had stopped scolding her, which required the wife to take evidence herself. (C1)

People always say something unpleasant in a quarrel and may regret it later. Therefore, you can't just call it mental violence. My point of view is that mental violence should be long-term and lasting. For example, when a husband humiliates his wife in front of neighbors and outsiders, he causes psychological damage to his wife, and this damage has to be serious. (C2)

PUA is also a form of DV. There was such a case two years ago where a girl who didn't feel good enough for her boyfriend killed herself in despair. The couple's chat records were exposed, in which the man let the woman prove their love with extreme behavior. The boy was so arrogant that he ordered his girlfriend to call him master and belittled her all the time. He's trying to control his partner's life by destroying her self-esteem. But this is difficult to identify, it is difficult for outsiders to know these things happened between them. In this case, it wasn't until the girl died that her mother discovered the truth. (B5)

Furthermore, some respondents mentioned "cold violence," which is manifested as "coldness" or "indifference" toward family members. For example, though ignoring one's partner for a long time does cause damage to the mental health of the victim, this kind of deviant behavior corresponds to the moral responsibility of the perpetrator, and "anti-indifference" is difficult to implement in judicial practice.

Parent-to-child incidents are controversial. Influenced by the traditional idea of "bringing out filial children under

the stick" (filial children are beaten to be obedient), most respondents believe that parents' beating their children belongs to the punishment in general family education and cannot be completely equated with DV. At the same time, the Chinese Civil Code also stipulates that parents have the right and duty to educate their children, which means that the law does not explicitly exclude parents' right to discipline their children for wrongdoing.

Parents beating their children generally cannot be considered DV, it is because the parents' original intention is to wish their children well. When my son makes a mistake, I will also hit him, but this behavior is related to love. I think good parents sometimes have to spank their children. Of course, spanking should be limited and you can't spank children too often. (A1)

Parents beating their children should also be counted, but children rarely report to the police. Society generally agrees with this way of educating children, as long as it is not very serious. (B2)

2. *The understanding of the function of the warning paper.*

The warning paper is a written warning issued by the public security organ to urge the abuser not to commit DV again where the adverse effects are minor and no administrative punishment should be given according to law. The warning paper has the following legislative value: 1) Deterrent effect. In the eyes of lawmakers, the police officially record the facts of DV in the form of a warning paper and will prohibit the perpetrator from committing DV again. For the perpetrator, the warning paper leads to psychological shock, to achieve the purpose of preventing the recurrence of DV; 2) Function of education. The warning paper confirms the illegality and illegal consequences of the perpetrator's behavior in written form. It transmits the signal that DV is not a private affair, it is a crime against the law; 3) Function of evidence. The DV warning paper issued by the public security organs can be used as effective evidence in the follow-up judicial procedure. According to the provisions of Article 20 of the Anti-Domestic Violence Law, the people's court can directly determine the facts of DV based on the warning paper. From the practical results of the warning system, respondents generally believe that the warning paper is a kind of administrative guidance; It doesn't have a direct impact on the rights and obligations of the counterpart, so its educational and deterrent effects are limited.

The warning paper has an educational effect. It has a deterrent effect on ordinary people, but for a drunkard it is difficult to restrain his behavior and the role of warning paper cannot be guaranteed. (A1)

Some officers interviewed confessed that a few family conflicts were mixed with interests, and in this case, warning papers could not act as constraints on both sides.

(Whether the warning paper has an effect) depending on the situation. I once met an old couple who had remarried. The husband beat his wife to separate the house.

The warning paper was not effective at all in this case. They will continue to fight, and fighting is just a means to gain profits. (A4)

In addition, whether the victim applied to the court for a Restraining Order or applied for divorce, the proof role of the warning paper in the subsequent litigation activities was affirmed by the officers.

Sometimes the victim will ask for a warning paper, which is usually taken to court as evidence. (B2)

I recommend asking the court for a Restraining Order. After the court issues a Restraining Order, the local police station will enforce it. For example, when the perpetrator appears in the community where the applicant is located, the community police officer can ask him to leave immediately. He also can warn the perpetrator not to affect the normal life of the applicant. I think this can have a protective effect on the applicant. (A3)

3. *The awareness of the issuing process of warning paper.*

The supporting rules of each province and city further specify the application and issuance process of the warning papers. "The Manua" lists four circumstances in which a DV warning paper should be issued, respectively: 1) the adverse effects are extremely minor; when voluntarily eliminate or mitigate the consequences and obtain the victim's understanding; 2) if the adverse effects are minor, can be handled by public security organs through mediation, and the two parties have reached and performed a mediation agreement; 3) Other circumstances. However, from the interviews, we found the understanding of the warning letter varied from person to person, and some officers were not clear about when to apply and how to apply the warning paper. The description of the so-called "adverse effects are extremely minor" in The Manua is still vague. The discretion of the police is relatively large, which affects the issuance of the warning paper to a certain extent.

Can not fully understand, the provisions are too general. In practice, the law is applied cautiously. (C1)

Yes, I know (the conditions of the issue). If the victim has called the police three times, and believes that the other party has a violent tendency, then you can issue a warning. (B1)

In practice, warning papers are rarely issued. I understand that it is usually issued after an act of violence. In the case of non-accountability, the circumstances are minor, which means that the physical conflict is small and the victim has no serious trauma; The parties are willing to settle. (B4)

It is not clear (how to issue warning papers). I haven't used it. (A4)

For the return visit after issuing the warning paper, most police said that the community police officer and the residential (village) committee (also named Ju Wei Hui) should cooperate, but no other departments are mentioned. It can be seen that the level of cooperation between multiple departments in reality is not enough.

4. *The way police intervene in DV cases*

Article 15 of the Anti-Domestic Violence Law stipulates that police must respond to DV reports. “The Manua” further clarifies the whole process of police handling DV cases: 1) Quickly arrive at the scene, turn on the law enforcement recorder, and declare yourself as a police officer; 2) stop the ongoing violence in time, control the perpetrator according to law (If anyone gets hurt, you should assist or call 120 to treat the injured), and maintain order at the scene; 3) investigate, collect relevant evidence at the scene (like questioning victims, witnesses at the scene, simultaneous collection of evidence by using law enforcement recorders, and carrying out on-site inspection if necessary); 4) handle the situation according to different circumstances. In practice, the ways of handling the cases are flexible and diverse, including legal publicity, criticism and education, separation of the two sides, mediation, warning, administrative punishment and other means. The police will choose the intervention method based on the severity of the violence, whether it is repeated, whether tools are used, and the emotional state of the perpetrator.

I will assess the situation: if there is a verbal conflict, I will mediate; If there is a physical conflict, I will recommend checking the wound in the hospital; If tools are used, I will take both sides to the police station. (A3)

I'll issue a warning if it's a first call. If the person commits violence again after the warning is issued, I will deal with it according to the procedures and circumstances under the Public Security Administration Punishment Law. (C3)

In interviews, most of the police expressed their preference for mediation for the purpose to promote harmony.

Sometimes couples fight over trivial things. I would pull the man to the side, persuade him to compromise with his wife, and let him apologize. If he agrees, I will try to persuade the wife. There is a foundation of love between couples, and when the man apologizes, they usually get back together. (A1)

Except or being influenced by the traditional concept of "One would rather demolish ten temples than destroy an intimate relation", the respondents gave their reasons for choosing mediation as a mild way to intervene in DV. First, from the perspective of family harmony, mediation provides a platform for equal dialogue between the two parties and can resolve disputes and contradictions within the family to the greatest extent.

I always deal with (DV cases) in the way of mediation, which may be related to my work as a community police officer, hoping that the family can be harmonious. (A3)

For the sake of family stability and preventing conflicts from escalating, I prefer mediation. Some of the vicious cases stem from the most ordinary family conflicts. If the family conflict can be found in time at the early stage, it can be resolved, and the tragedy can be avoided. (B5)

Mediation allows couples to move on with their lives. Punishment can't fundamentally solve the conflict. (B3)

Second, from the perspective of the relationship between family members like the mouth and teeth, punishing the abuser often inevitably hurts other members. Under normal circumstances, victims don't want the public security organs to punish the violators for maintaining family relations and property interests.

If the caller has an injury, we will listen to his intention on whether to check the injury. If the victim wants to end the relationship, both parties will be taken to the police station for further processing. Whether to enter the case process depends on the situation. ... In most cases, women are soft-hearted and feel that [punishing their partners] affects their family. (B1)

Because family members are in the same household register book, who are close to each other. One party will worry that the punishment may affect the child of the family in the future. Thus, he does not want his partner to be punished. (B2)

From the perspective of work efficiency, some officers believed that mediation does not have too many procedural requirements and can be concluded as soon as possible.

5. *The supporting handling DV cases*

Anti-domestic violence work cannot rely on a single department; various departments should work together. The Anti-Domestic Violence Law also stipulates the responsibilities of different departments, including courts, women's federations, residential (village) committees, and social service agencies. In practice, mediation organizations under the neighborhood (village) committee take the initiative to participate in the mediation of DV cases. A community police officer introduced to us that through the "Multiple Disputes and Conflicts Resolution Platform", the local residential (village) committee shared the information about conflicts with the police station and would jointly mediate them. The "110" hotline information that occurred in the community every day would be transferred to the local residential (village) committee on time, and the mediation director of the residential (village) committee would organize mediation through telephone or door-to-door visits regarding as the wishes of the parties.

After receiving the information, the mediation director will call the parties to pay a visit and ask if mediation service is needed. In most cases, the parties do not want the neighborhood committee to come to the door and do not want this matter to be publicized. But in one successful case, there was a mediation director who was patient enough to persuade the abuser several times. And he also invited the abuser to join in the volunteer activities. Once the director got to know the family and made friends with the abuser, the problem was solved easily. China is a human relations society; it is generally difficult to refuse acquaintances. And the neighborhood committee is an autonomous organization of the masses, which has no power and can only rely on a deep mass base. (A4)

Some police officers interviewed believed that the interdepartmental collaboration platform hoped for in the law had not been fully established. The police can't get enough professional support in handling DV cases. For example, Article 15 of the Anti-Domestic Violence Law stipulates the setting of shelters, but a few police officers do not know the address of the shelter in their jurisdiction. Therefore, the customary practice is to let one party go to a hotel to temporarily live to allow both sides to have a calm time.

I know we can take our victims to a shelter, but I don't know where that shelter is. It is more difficult for me to coordinate other departments as a grass-roots officer. (A4)

Some officers also realized that while dealing with DV cases, they should also actively repair the family relations, which requires the support of professional teams such as psychological counseling and dispute resolution. At present, there is a lack of specialized training and professional teams to assist the work of police.

My busy schedule does not guarantee my participation in the long-term training. Usually, I learn the relevant knowledge from the news and the Internet. When I encounter a dispute, I will look for the policy for reference by myself. (A1)

After the occurrence of DV, we often punish the abuser, and ignore the treatment of the victim. The victim was hurt emotionally, and needed someone to calm him down. That's a service we don't have time for when we're responding. But there is no professional team to follow up. (C3)

Conclusion and suggestions

From this interview, it can be seen police officers in the police station have become more familiar with the regulations on DV and the warning system than before. However, due to the traditional concepts, ambiguity of related terms, weak deterrent of a warning paper, and inadequate understanding of the related guide, mediation is still the main way of handling such cases. At the same time, the support from other government departments and social organizations is insufficient, and the cooperation mechanism to intervene in DV has not been established. Therefore, this study puts forward suggestions to improve the current situation of police intervention in DV from three aspects.

1. Suggestions on clear definition of the term "DV" and improvement of the law enforcement concept.

The police should correct the attitude of law enforcement and realize that DV is a violation of social norms. The police should be able to accurately define what is "DV" according to the law, rather than being free to judge by their own experience. Given this, it is urgent to make a unified interpretation of the application of the law. Through the combination of general descriptions and specific examples, DV and family disputes should be clearly distinguished. We believe that minor physical violence should also be

recognized as DV. Because without intervention, victims are trapped in a cycle of violence, with high rates of repeat violence by perpetrators; Appropriate punishment and DV in the parental education scene should also be clearly distinguished to help the police quickly identify DV in practice. In addition, for non-traditional forms of violence such as mental violence, sexual violence and economic control, the forms of expression and standards of proof should be further explained, so that they don't just stop at the legislative stage; As for the concept of "cold violence" in the non-legal sense, it should be regarded as an advocacy norm. Following the provisions of Article 1043 of the Chinese Civil Code, we advocate "non-violent communication" in marriage and family life, and create an equal, harmonious and civilized atmosphere.

2. Suggestions on further detailed warning system workflow and strengthening guidance on law enforcement.

Home is not a place beyond the law. The implementation of the warning system reflects the policy attitude of combining education, correction and punishment in anti-domestic violence. To prevent law enforcement differences and effect gaps, a unified national standardized implementation procedure should be formulated. The legal nature of the warning paper, scope of application, evidence standard, reconsideration provisions, enforcement and supervision procedures, and penalties for repeat offenses rules should be unified; It is necessary to build a multi-subject collaborative DV handling mechanism in light of regional realities, and establish a closed-loop process of "collection of evidences-mediation-issuance of a warning paper-paying a return visit"; Law enforcement guidance should be strengthened through portable working manuals and online micro-course training. The ambiguous concepts should be explained in the learning resources to help the police to make the right choice among various means of intervention. For example, a warning paper cannot replace administrative punishment or criminal responsibility; In cases where a warning paper should be issued, verbal mediation should not be rushed through. Only in this way can we thoroughly stop the recurrence of DV.

3. Suggestions on the establishment of a multi-departmental mechanism for coordinated intervention in DV.

Combating DV is along-term process. We cannot rely on the police alone to intervene in DV cases. Relying on the cooperation of the whole society, we will establish a long-term linkage mechanism integrating prevention, intervention and assistance. It is suggested to try to expand the scope of participants in the "Multiple Disputes and Conflicts Resolution Platform", and unite relevant units such as police stations, residential (village) committees, and women's federations to realize information exchange and resource sharing; Considering the high professional requirements for handling DV cases, it is suggested to establish a special anti-domestic violence working group at the community level. For example, due to the

intergenerational transmission of DV, it is also necessary to consider the psychological comfort of children in the intervention process; Develop the Fengqiao Experience in the new era (The Fengqiao experience refers to mobilizing and relying on the masses, so that contradictions are solved in the community), and encourage social organizations, community workers, public interest lawyers, psychological counselors, etc., to join the anti-domestic violence working groups. With the joint participation of the community police, they provide legal services, medical treatment, psychological counseling and other humanistic care and services for victims and even abusers, and work together

to repair family relations and fundamentally prevent the recurrence of DV.

Due to time and regulations constraints, our research is insufficient. Our survey is only the tip of the iceberg and does not cover all the districts of the city. The number of police officers who participated in the interview was small, and it was regrettable that there were no female police officers among them. We have not spent too much time on the specific case, and have not analyzed the reasons for failure or success from the details of disposal. We also did not look at the views of other responsible departments on the handling of DV. These are what we should pay attention to in the next step.

References

- He, Z. C. (2020). Research on the Understanding and Application of Domestic Violence Warning System in Public Security Work. *Journal of forest Public Security*, 2, 11–16.
- Jiang, Y. (2019). An Evaluation and Comment on Applied Effect of the Anti-Domestic Violence Law of PRC—Based on Statistical Analysis for Civil Judgments (2016–2018) of the People's Court. *Journal of China Women's University*, 3, 13–22.
- Lan, M. H. (2021). The Predicament and Improvement of Public Security Organs' Intervention in Domestic Violence. *Journal of Law and Economics*, 9, 4244.
- Li, Q. Y., & He, X. X. (2017). Police Intervention in Determining Civil Cases of Domestic Violence: Regarding Minor Domestic Violence by Police First Judgment. *Journal of Chinese Women's Studies*, 4, 41.
- Wu, C. (2022). How Do Police Respond to Domestic Violence? *Journal of Public Security Science*, 2, 83.
- Xu, Y., Li, J., & Wang, J. (2021). Empirical Study on Handling of Domestic Violence Cases by Police. *China Journal of Social Work*, 14:1, 48–58, <https://doi.org/10.1080/17525098.2020.1844930>

About the authors:

Yingxing Xu – Lecturer in the Department of Public Order at Shanghai Police College. Main disciplines: "Fundamentals of Police Station Functioning in China", "Public Order Theory", PhD in Management and Engineering from Shanghai University, Research Area: Combating Domestic Violence, Dating Violence and Public Order Management.

Jialu Lu – Cadet Class of 2023 from Security Studies, Shanghai Police College, Shanghai.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted September 12, 2023

Approved after reviewing October 11, 2023

Accepted December 15, 2023

Информация об авторах:

Инсин Сюй – преподаватель кафедры по обеспечению общественного порядка в Шанхайском высшем полицейском колледже. Основные дисциплины: «Основы функционирования полицейского участка в Китае»; «Теория обеспечения общественного порядка»; кандидат наук в области управления и проектирования Шанхайского университета; область исследований: борьба с домашним насилием, насилие со стороны интимного партнера и управление общественным порядком.

Цзялу Лу – кадет 2023 года, факультета безопасности Шанхайского высшего полицейского колледжа.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 12.09.2023

Одобрена после рецензирования 11.10.2023

Опубликована 15.12.2023

УДК 343.81

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-483-489

Осуществление контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы в Монголии: проблемные аспекты и пути их решения

Буяннэмэх Дашдорж

Центр исследования исполнения судебных решений
Научно-исследовательского института Университета внутренних дел Монголии
(Улан-Батор, Монголия)
buugji99044623@gmail.com

ORCID: 0009-0003-4851-1715

Аннотация

Статья посвящена анализу состояния и осуществления контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы в Монголии. Рассматриваются предпосылки, научно-правовые основы формирования системы постпенитенциарного надзора Монголии, дается характеристика ее современного состояния.

Предметом исследования выступает проблематика пенитенциарного и постпенитенциарного сопровождения лиц, подвергнутых уголовному наказанию не связанному с лишением свободы, а также освободившимися от его отбывания в исправительных учреждениях. Выявлены и описаны проблемы организации и осуществления пенитенциарного и постпенитенциарного надзора в Монголии.

Эмпирическому анализу подвергается структурно-функциональная организация службы контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы. Рассматривается объем задач и характеризуется нагрузка по их выполнению, возлагаемая на сотрудников. Наряду с этим изучаются потребности поднадзорных лиц, анализируется степень их удовлетворения службой исполнения судебных решений. Обнаруженные проблемы соотносятся с опытом функционирования институтов постпенитенциарного контроля США и Японии. Рассматриваются перспективы совершенствования службы за счет государственно-частных партнерств, общественных (добровольческих) инициатив в сфере постпенитенциарного контроля.

Результаты исследования посвящены перспективам преобразования службы контроля над условно-досрочно освобожденными лицами. Представлен комплекс мер по подготовке осужденных к освобождению из исправительных учреждений системы исполнения судебных решений Монголии и их реинтеграции в общество, описаны виды и формы социальных услуг, представляемых государством поднадзорным лицам, рассматриваются перспективы внедрения института пробации как практики контроля над поведением и социальной реинтеграцией бывших осужденных.

Ключевые слова

обвиняемый, заключенный, лишение свободы, условно-досрочное освобождение, сроки надзора, судебное решение, уголовный исполнитель

Для цитирования: Буяннэмэх Дашдорж (2023). Осуществление контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы в Монголии: проблемные аспекты и пути их решения. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 483–489. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-483-489.

Control of persons released from criminal institutions in Mongolia: problem aspects and ways of solution

Buyannemekh Dashdorzh

Center for the Study of the Execution of Judicial Decisions of the Research Institute of the University of Internal Affairs of Mongolia

(Ulaanbaatar, Mongolia)

buugji99044623@gmail.com

ORCID: 0009-0003-4851-1715

Abstract

An article is devoted to the analysis of the state and implementation of control over persons who are released on parole from places of incarceration in Mongolia. The article considers preconditions, scientific and legal bases of formation of post-penitentiary supervision system in Mongolia, characterizes its current state. The subject of the study is the problem of penitentiary and post-penitentiary support of persons subjected to criminal punishment not related to imprisonment, as well as released from its serving in correctional institutions. The problems of organization and execution of the penal and post-penitentiary supervision in Mongolia are identified and described.

The structural and functional organization of the service of control over persons who are released on parole from penitentiary institutions is empirically analyzed. The scope of tasks is examined, and the workload of the staff is characterized. Along with this, the needs of supervised persons are studied and the degree of their satisfaction by the service of execution of service decisions is analyzed. The discovered problems are correlated with the experience of functioning of post-penitentiary control institutions in the USA and Japan. Prospects for improving the service through public-private partnerships, public (volunteer) initiatives in the field of post-penitentiary control are considered.

The results of the study are devoted to the prospects of transforming the service of control over parolees. It presents a set of measures to prepare convicts for release from correctional institutions of the system of execution of court decisions of Mongolia and their reintegration into society, describes the types and forms of social services provided by the state to supervised persons, considers the prospects for the introduction of probation as a practice of behavioral control and social reintegration of former convicts.

Keywords

accused, prisoner, deprivation of liberty, parole, criminal supervision, court decision, criminal executor

For citation: Buyannemekh Dashdorzh (2023). Control of persons released from criminal institutions in Mongolia: problem aspects and ways of solution. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 483–489. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-483-489.

Введение

Считается, что правовое регулирование досрочного освобождения из-под стражи зародилось во Франции в 1885 году, после чего распространилось в других европейских странах и в настоящее время существует в уголовно-процессуальном законодательстве всех стран мира (Додонов, 2009). В Монголии прецедент досрочного освобождения впервые зафиксирован в решении суда, вынесенном в 1926 году. Согласно ему, предлагалось учесть в срок наказания осужденных ранее отбытое ими время и в связи с исчерпанием времени наказания помиловать.

В дальнейшем данная идея нашла свое воплощение в законодательстве Монголии. Статья 6.12 части 1 действующего Уголовного кодекса Монголии гласит: «Суд, учитывая мнение прокурора, может применить условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и установить надзор в случаях, если осужденный возместил вред, причиненный преступлением, и своим поведением доказал свою безопасность для общества, а также не совершил злостных нарушений в период отбывания наказания». При этом, исходя из практики существования института досрочного освобождения, оно осуществляется с учетом принятия мер социаль-

ного контроля над поведением лица (Монгол Улсын хууль, 2002).

Механизм пенитенциарного и постпенитенциарного контроля регламентирует закон Монголии «О предупреждении преступности и правонарушений» (Монгол Улсын Гэмт хэрэг, зөрчлөөс урьдчилан сэргийлэх тухай хууль, 2019), действие которого распространяется на лиц, которые полностью отбыли срок, определенный решением суда, были освобождены после отбытия двухлетнего срока лишения свободы либо отбыли два года из определенного судом срока наказания. Кроме того, в соответствии со статьями 6.1.2, 6.1.3 и 6.1.4 Уголовного закона Монголии, институт досрочного освобождения действует на «лиц..., срок надзора за которыми истек, как это предусмотрено Уголовно-процессуальным законом и Законом об исполнении судебных решений» (Монгол Улсын Гэмт хэрэг, зөрчлөөс урьдчилан сэргийлэх тухай хууль, 2019).

”

По статистике, в среднем ежегодно места лишения свободы Монголии покидают от 1800 до 2000 бывших осужденных, причем около 1000 из них освобождаются досрочно и находятся под надзором

“

Теоретические основания исследования

Контроль поведения лиц, освобожденных после отбывания тюремного заключения, на всей территории Монголии осуществляется органами исполнительной власти и полиции. Субъектами контроля являются: уголовно-процессуальный отдел по предупреждению преступности и проступков, а также исполнением судебных решений; полицейская служба, Главное управление исполнения судебных решений и начальник Главного управления полиции. Деятельность всех этих субъектов реализуется в рамках правовых актов, постановлений и инструкций, утверждаемых совместным приказом. По статистике, в среднем ежегодно места лишения свободы Монголии покидают от 1800 до 2000 бывших осужденных, причем около 1000 из них

освобождаются досрочно и находятся под надзором. Однако анализ состояния правонарушений и преступлений в Монголии показывает недостаточную эффективность мер социального контроля. Например, количество лиц, приговоренных к тюремному заключению за совершение повторных преступлений, составляет около 40–50 % от общего числа осужденных лиц. В связи с этим целесообразно оценить роль субъектов постпенитенциарного контроля над лицами, освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы либо отбывшими его полностью.

В соответствии с законодательством Монголии орган по исполнению решений суда осуществляет надзор за осужденными, освобожденными досрочно, а также за приговоренными к условному наказанию.

Его функции выполняет служба по контролю за исполнением уголовного постановления, осуществляющая контроль за лицом, освобожденным досрочно. Организация контроля включает в себя комплекс мероприятий, среди которых:

- представление и подписание условий, порядка, прав и обязанностей мониторинга;
- ведение личного дела, в том числе приобщение к личному делу личных документов, характеристик и иных сведений, касающихся личного и уголовного статуса осужденного;
- предоставление соответствующему лицу информации о порядке отчетности об обязанностях, ответственности и выполнении обязательств, предусмотренных законом;
- осуществление контроля за лицом путем ежемесячной фиксации его поведения посредством записей в личном деле надзора;
- письменное уведомление прокурора, полиции и осужденного после окончания срока отсрочки исполнения решения суда о наказании.

Анализируя эти функции, можно прийти к выводу, что система социальной реинтеграции осужденных после их освобождения из мест лишения свободы недостаточно сформирована, а правовое регулирование, обязанности и сотрудничество местной администрации и правоохранительных органов не всегда эффективны. Это связано с тем, что, реализуя функции контроля за досрочно освобожденными лицами, субъекты ограничиваются формами вызова, учета и наблюдения, причем они осуществляются только на основании возможности повторного совершения преступления. Как следствие, теряется подлинное значение контрольно-социализирующей работы, предусмотренное законодателем для субъектов контроля.

Причинами этого, как показывает практика, выступают отсутствие правовых механизмов для сотрудничества и участия государственных и неправительственных организаций и граждан в отношении

социальной реинтеграции лиц, освобожденных досрочно, а также неэффективная реализация отдельных законов, постановлений и инструкций, регламентирующих деятельность правоохранительных и судебных органов Монголии.

Эмпирическое исследование

Рассмотрим сведения о системе пенитенциарного и постпенитенциарного контроля в Монголии. За последние 5 лет судами Монголии вынесены решения об освобождении от отбывания наказания и осуществлении надзора за 6094 заключенными, а за тот же период подразделениями исполнения решений суда проверено 8897 заключенных (Алтангэрэл, 2022).

Реализацию всего комплекса мероприятий в отношении досрочно освобожденных лиц в Монголии осуществляют 178 сотрудников. Из них организацию и координацию деятельности в Главном управлении исполнения судебных решений осуществляют 24 сотрудника. В столице страны функции контроля осуществляет 31 старший исполнитель, а в регионах – 65 исполнителей. Мероприятия технического контроля возложены на 26 сотрудников, мониторинг деятельности в электронном центре контроля и управления осуществляют 24 сотрудника, 7 сотрудников выполняют функции технического сопровождения в случае аварий, один офицер отвечает за профессиональную и физическую подготовку личного состава.

В целях анализа нагрузки на сотрудников подразделений исполнения решений суда Монголии проведено эмпирическое исследование. По результатам анкетирования 53 исполнителей решений по уголовным делам и социальной реинтеграции лиц, освобожденных досрочно, можно выделить следующие особенности.

В среднем в месяц на одного сотрудника данных подразделений приходится большое количество условно-досрочно освобожденных лиц, нуждающихся в контроле. 13 сотрудников сообщили, что надзирают более чем над 220 лицами, пять офицеров заявили о 180–210 лицах, трое отметили среднемесячную нагрузку в 151–180 лиц, двум офицерам приходится надзирать над 121–150 лицами, 11 офицерам – над 60–120 лицами, и только 19 офицеров сообщили, что в месяц им приходится контролировать от 10 до 60 человек. Можно заключить, что при такой загруженности осуществлять процесс контроля в соответствии с требованиями законодательства очень сложно. Следует также отметить значительные трудности в проведении индивидуального надзора над каждым контролируемым лицом. 70 % опрошенных отметили, что выполнить это требование практически невозможно, и только 30 % сочли его реальным.

Нужно подчеркнуть, что сотрудник подразделения исполнения судебных решений несет ответственность

не только за лиц, освобожденных досрочно, но и за другие категории поднадзорных. К ним относятся те, кому суд назначил испытательный срок без наказания в виде лишения свободы, а также те, кто был приговорен к условному наказанию, а также лица, к которым были применены принудительные меры или которые были приговорены к наказанию, отличному от тюремного заключения. В связи с этим сложно реализовать функции по организации занятий и учебно-воспитательной работы среди осужденных, а также сотрудничать с местной администрацией, государственными и негосударственными организациями.

По результатам изучения потребностей лиц, досрочно освобожденных от отбывания наказания и находящихся под надзором Управления по делам нетюремного исполнения Департамента исполнения столичного суда Монголии, можно сделать следующие выводы.

”

Следует поощрять участие общественности, поскольку в нем заложены большие возможности и поскольку оно является одним из важнейших факторов укрепления связей между правонарушителями, в отношении которых приняты меры, не связанные с тюремным заключением, и их семьями и обществом

“

Из 60 опрошенных 54,8 % ответили, что не нуждаются в какой-либо помощи государства, 16,1 % отметили необходимость своего трудоустройства, 11,3 % хотели решить жилищную проблему, 3,2 % заявили о потребности в обучении выбранным специальностям, 8,1 % ответили, что нуждаются в постоянной и разнообразной помощи государства.

На вопрос о том, получали ли они социальные услуги с момента освобождения (либо изменения условий отбывания наказания), отрицательно ответили 85,5 %, что говорит о том, что они не обращались в социальные службы, а 9,7 %, ответили, что «понятия не имеют о социальных службах».

На вопрос, посещали ли они курсы профессионального обучения (профессиональной переподготовки)

в период наблюдения, 53,2 % ответили, что «никогда не посещали», а 41,9 % опрошенных сообщили, что обучались во время отбывания наказания в тюрьме.

Исходя из результатов опроса, можно заключить, что итоги работы, направленной на реинтеграцию лиц, досрочно освобожденных от тюремного заключения, недостаточны. Учитывая, что данные лица ежемесячно помещают судебно-исполнительную инспекцию, фиксируя адрес места своего проживания, а также заявляя о неучастии в каких-либо преступлениях или нарушениях, работа подразделений исполнения судебных решений более напоминает административный надзор, являющийся прерогативой полиции.

Следует подчеркнуть, что Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), подчеркивают важность участия общества в реабилитации правонарушителей. Об этом говорит статья 17.1 Правил, провозглашающая что «следует поощрять участие общественности, поскольку в нем заложены большие возможности и поскольку оно является одним из важнейших факторов укрепления связей между правонарушителями, в отношении которых приняты меры, не связанные с тюремным заключением, и их семьями и обществом».

Сравнивая систему контроля судебных решений с зарубежными странами, отметим, что в Японии помимо службы пробации, имеющей государственный статус, за исправление преступников в обществе отвечают сотрудники службы добровольной пробации. В данной службе с 60-летней историей насчитывается около 48 000 сотрудников, которые в сотрудничестве с профессиональными службами пробации контролируют и поддерживают правонарушителей в своем сообществе.

Некоторые представители стран Азии и остального мира считают, что за счет создания подразделений, аналогичных подобным общественным службам, создается благоприятная среда для укрепления сотрудничества со службами пробации в этом направлении. Например, в июле 2014 года на конференции, прошедшей в Токио по этому вопросу, была принята Токийская декларация в поддержку программы добровольной службы пробации и реабилитации преступников в обществе.

Как отмечается в журнале, издаваемом UNAFEI (Азиатско-Дальневосточным институтом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями), программа постпенитенциарной реинтеграции в Японии осуществляется Региональным советом по условно-досрочному освобождению на национальном уровне.

Целью ее работы выступает социальная реинтеграция следующих четырех типов субъектов (Criminal justice in Japan 2019 edition, 2019):

1) осужденных решением суда или лиц, исполнение наказания для которых отложено;

2) заключенных, отбывших наказание условно-досрочно либо досрочно освобожденных по решению государственного органа в сфере исполнения наказания (из 21 998 заключенных, освобожденных в стране в 2019 году, 12 760, или 58 %, были освобождены досрочно и помещены под пробационный надзор);

3) несовершеннолетних, освобожденных под залог из образовательного учреждения;

4) несовершеннолетних, находящихся под просмотром.

Что касается США, то в этой стране больше внимания уделяется направлению ухода и надзора в рамках целей реинтеграции и профилактики преступности. Так, по состоянию на 2021 год в тюрьмах отбывают наказание 2,3 миллиона человек, а ежегодные затраты на одного заключенного составляют 32 миллиона долларов США. Кроме того, под надзором в учреждениях пробации и исправительных учреждениях находятся 6,7 млн человек (Jones, 2018).

После освобождения из тюрьмы в первые месяцы надзора в США активно организуются мероприятия социальной адаптации, а срок и условия надзора определяются так называемой «комиссией по условно-досрочному освобождению». Осужденный в период надзора должен предоставить гарантию надзирающему совету в том, что он не будет совершать преступлений и правонарушений, владеть огнестрельным оружием, покидать без разрешения место жительства, употреблять наркотики и алкоголь, но заведёт постоянный рабочий или домашний адрес и будет регулярно отчитываться о соблюдении требований соответствующего надзора. Данные требования идентичны требованиям и обязанностям подразделений по исполнению судебных решений Монголии при надзоре за лицами, освобожденными досрочно.

Анализируя содержание социальной работы по условно-досрочному освобождению, следует охарактеризовать потребности данной категории лиц. Отметим, что человек, освобожденный от отбывания наказания в местах лишения свободы, сталкивается со множеством трудностей. Поэтому большинство из них склонны к повторному совершению преступлений из-за недостаточной поддержки и помощи со стороны общества и государства (Рецидивизмээс урьдчилан сэргийлэх ба гэмт хэрэгтнийг нийгэмд эргэн нэгтгэх, 2018). Чтобы преодолеть финансовые трудности лиц, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся под надзором, государство должно сформировать систему социального обеспечения в дополнение к трудоустройству и медицинскому обслуживанию. Что касается Монголии, отметим, что статья 45 Закона «О предупреждении преступности и правонарушений» гласит: «Граждане, государственные и неправительственные организации могут привлекаться к осуществлению надзора на добровольной основе». Подобная инициатива законодателя

соответствует необходимым мерам вовлечения общественности в процессы ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Подводя итоги анализа состояния системы постпенитенциарной пробации Монголии, полагаем целесообразным обозначить решения следующих проблем.

1. Необходимо создать государственную систему реинтеграции лиц, освобожденных из мест лишения свободы. В ее функции должно входить удовлетворение запросов лиц, освобожденных от отбывания наказания.

Таковыми могут выступить потребности, о которых говорят результаты анкетирования 503 человека, осужденных за совершение повторных преступлений (Пробацийн үйл ажиллагаа: Эрх зүйн зохицуулалт, харьцуулсан судалгаа, 2021). По мнению опрошенных, наиболее значимыми функциями должны быть: помощь в трудоустройстве (40,5 % опрошенных), профессиональное обучение (36,1 %), обучение (12,7 %), помощь в решении семейных проблем (9,3 %). Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что большинство досрочно освобожденных стремятся реинтегрироваться в общество, освоив профессию и работая. В рамках данного вопроса министры труда и социальной защиты Монголии, а также министры юстиции и внутренних дел совместным приказом № А/167 и А/233 от 30 августа 2022 года утвердили «Программу подготовки заключенных к освобождению».

2. В целях реинтеграции лиц, освобожденных из тюрем, необходимо усилить координацию сотрудничества между всеми правоохранительными органами Монголии. Предметом сотрудничества должны стать вопросы взаимодействия в целях оказания данной категории лиц поддержки и помощи в адаптации к обществу и труду, о чем говорит статья 45 Закона Монголии «О предупреждении преступности и правонарушений». Координация повысит эффективность совместной работы по осуществлению контроля за правонарушениями и преступлениями, совершаемыми досрочно освобожденными лицами, в актуальных для Монголии сферах незаконного оборота наркотических средств и психоактивных веществ.

Заключение

В заключение статьи отметим, что международный опыт надзора за лицами, досрочно освобожденными от

отбывания наказания, связанного с лишением свободы, делится на два основных типа: основанный на риске и основанный на потребностях.

В то время как модель, основанная на риске, считает, что системы надзора важны для предотвращения повторного совершения преступления, подход, основанный на потребностях, разрабатывает и реализует программы, которые отвечают потребностям человека. В случае Монголии мониторинг осужденных в основном осуществляется на основе оценки риска, что приводит к акценту на предотвращение рецидивов среди заключенных, игнорируя при этом реинтеграцию. Несмотря на то, что закон Монголии «О предупреждении преступности и правонарушений» содержит некоторые прогрессивные статьи и положения в сфере уголовного контроля, практика показывает, что они малоэффективны для возобновления социального функционирования лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Отметим, что институт надзора за данной категорией лиц в Монголии характеризуется слабой координацией правоохранительных органов, отсутствием единого правового регулирования их деятельности, стремлением к противодействию преступлениям и правонарушениям, а не к осуществлению ресоциализации.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости создания специального правового регулирования и формирования комплексной политики и независимого института реинтеграции преступников в Монголии. В целях повышения эффективности надзора за лицами, досрочно освобожденными из-под стражи, могут реализовываться:

- программы подготовки к освобождению заключенных, сочетающие оценку готовности данной категории лиц к досрочному освобождению;
- фокусирование на реинтеграции поднадзорных лиц из числа досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы;
- расширение видов и форм социальных услуг, предоставляемых государством освобожденному лицу, а также повышение их доступности;
- внедрение системы пробации как наиболее успешной практики контроля и реинтеграции преступников.

Список литературы

- Алтангэрэл, Б. (2022). *Монгол Улсад пробацийн тогтолцоог бий болгох боломж, шийдэл*, 191 дэх тал.
- Додонов, В. Н. (2009). *Сравнительное уголовное право: монография. Общая часть*. Москва: Юрлитинформ.
- Монгол Улсын Гэмт хэрэг, зөрчлөөс урьдчилан сэргийлэх тухай хууль (2019). *Төрийн мэдээлэл эмхэтгэл*, 42.
- Монгол Улсын хууль (2002). *Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем*. Retrieved from: <https://legalinfo.mn/mn/detail/12172>
- Пробацийн үйл ажиллагаа: Эрх зүйн зохицуулалт, харьцуулсан судалгаа* (189 дэх тал) (2021). Дотоод хэргийн их сургууль.
- Рецидивизмээс урьдчилан сэргийлэх ба гэмт хэрэгтнийг нийгэмд эргэн нэгтгэх* (2018). НҮБ-ын Хар тамхи, гэмт хэрэгтэй тэмцэх алба (Вена, 5 дахь тал).
- Criminal justice in Japan 2019 edition* (2019). Edited by Faculty Members of UNAFEI. Retrieved from: CJSJ_2019/00C-JSJ_2019.pdf

Jones, A. (2018, December). Correctional Control 2018: incarceration and supervision by state. *Prison Policy Initiative*. Retrieved from: <https://www.prisonpolicy.org/reports/correctionalcontrol2018.html>

References

- Altangerel, B. (2022). *Mongol Ulsad probacijн тогтолцоог бй болгох боломж, шийдэл*, 191 дех тал.
- Dodonov, V. N. (2009). *Sravnitel'noe ugovnoe pravo: monografiya. Obshchaya chast'*. Moskow: Yurlitinform.
- Mongol Ulsyn Gemt hereg, зөрчлөөс ур'дчилан сэргийлэх туһаг хуул' (2019). *Tөрийн медеел эмһетгел*, 42.
- Mongol Ulsyn huul' (2002). *Erh зүгн медеелгйн негдсен систем*. Retrieved from: <https://legalinfo.mn/mn/detail/12172>
- Probacijн үгд азһиллагаа: Erh зүгн зохичуулалт, һар'цуулсан судалгаа* (189 дех тал) (2021). Dotood һегийн иһ сургуул'.
- Recidivizmees ур'дчилан сэргийлэх ба гемт һерегтнйг нийгемд ерген негтгекх* (2018). NYB-ын Хар тамһи, гемт һерегтег темцекх алба (Vena, 5 dah' tal).
- Criminal justice in Japan 2019 edition* (2019). Edited by Faculty Members of UNAFEI. Retrieved from: CJSJ_2019/00C-JSJ_2019.pdf
- Jones, A. (2018, December). Correctional Control 2018: incarceration and supervision by state. *Prison Policy Initiative*. Retrieved from: <https://www.prisonpolicy.org/reports/correctionalcontrol2018.html>

Информация об авторе:

Буяннэмэх Дашдорж – адъюнкт Центра исследования исполнения судебных решений Научно-исследовательского института Университета внутренних дел Монголии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 15.10.2023

Одобрена после рецензирования 15.11.2023

Опубликована 15.12.2023

About the author

Buyannemekh Dashdorzh – Postgraduate at the Center for the Study of the Execution of Judicial Decisions of the Research Institute of the University of Internal Affairs of Mongolia.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted October 15, 2023

Approved after reviewing November 15, 2023

Accepted December 15, 2023

УДК 378

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-4-490-498

«Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики» (Обзор международной научно-практической конференции)

Наталья Федоровна Гейжан

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
naftus@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1272-8766

Аннотация

В статье представлен обзор второй международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики», прошедшей в октябре 2023 года. Конференция нацелена на расширение и укрепление научного международного и межведомственного сотрудничества, обмен научными мнениями по развитию педагогики и психологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

В конференции приняли участие более 100 человек из 40 образовательных организаций России и зарубежья, среди которых: представители Народной полицейской академии Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева, Костанайской академии МВД Республики Казахстан, Образовательного комплекса полиции Республики Армения, Российского государственного университета правосудия, Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, Волжского государственного университета водного транспорта, Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, Института практической психологии «Иматон»; представители образовательных организаций МВД России, Росгвардии, Следственного комитета России, ФСИН России, Минобороны России, МЧС России, Минобрнауки России, территориальных органов МВД России.

На пленарном заседании конференции были представлены доклады и аналитические материалы, характеризующие современное состояние морально-психологического обеспечения служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов России и зарубежных государств. В педагогической студии и мастер-классах представлен положительный опыт реализации современных психолого-педагогических практик.

Результатом конференции стало обсуждение академических и прикладных проблем внедрения теории юридической педагогики и психологии в практику и укрепление научных связей между сотрудниками правоохранительных органов и образовательных организаций силовых структур, а также поиск эффективных педагогических форм и методов подготовки сотрудников правоохранительных органов.

По итогам работы международной научно-практической конференции сформирована и принята резолюция.

Ключевые слова

юридическая педагогика и психология, подготовка кадров, образовательные технологии, цифровая трансформация, психолого-педагогическое сопровождение, психолого-педагогическая компетентность

Для цитирования: Гейжан, Н. Ф. (2023). «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики» (Обзор международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 490–498. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-490-498.

Review

“Pedagogy and Psychology in the Activities of Law Enforcement Officers: Integration of Theory and Practice” (review of the international scientific and practical conference)

Natalia F. Geizhan

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
naftus@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1272-8766

Abstract

The article gives an overview of the second international scientific and practical conference "Pedagogy and Psychology in the Activities of Law Enforcement Officers: Integration of Theory and Practice" held in October 2023. The conference is aimed at expanding and strengthening scientific international and interdepartmental cooperation, sharing scientific ideas on the development of pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers.

The conference brought together more than 100 participants from 40 organisations in Russia and abroad, including: representatives of the People's Police Academy of the Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam, the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major-General E. Aliyev, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, the Educational Complex of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Armenia, the Russian State University of Justice, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Volga State University of Water Transport, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Institute of Practical Psychology "Imaton"; representatives of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rosguard, Investigative Committee of Russia, Federal Penitentiary Service of Russia, Ministry of Defence of Russia, Ministry of Emergency Situations of Russia, Ministry of Education and Science of Russia, territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. At the plenary session of the conference, reports and analytical materials characterising the current state of moral and psychological support of official activities of law enforcement officers of Russia and foreign countries were discussed. The pedagogical studio and master-classes presented positive experience in the implementation of modern psychological and pedagogical practices.

The conference resulted in the discussion of academic and practical challenges of introducing the theory of legal pedagogy and psychology into practice and strengthening scientific contacts between law enforcement officers and educational organisations of law enforcement institutions, as well as searching for effective pedagogical forms and methods of training law enforcement officers.

According to the results of the international scientific and practical conference the resolution was formed and accepted.

Keywords

legal pedagogy and psychology, personnel training, educational technologies, digital transformation, psychological and pedagogical support, psychological and pedagogical competence

For citation: Geizhan, N. F. (2023). Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice. Review of international research and practice conference. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (4), 490–498. doi: 10.35750/2713-0622-2023-4-490-498.

27 октября 2023 года в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась международная научно-практическая конференция «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики». Необходимо отметить, что конференция проводится ежегодно с 2018 года, при этом с 2022 года получила международный статус.

Конференция является знаковым международным событием для ведущих ученых в области педагогики и психологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Она проводится в рамках реализации приоритетного профиля подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел» и в соответствии с основными направлениями исследований научной школы «Психолого-педагогическая система профессионального становления кадров в органах внутренних дел Российской Федерации».

В работе конференции приняли участие представители Народной полицейской академии Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева, Костанайской академии МВД Республики Казахстан, Образовательного комплекса МВД Республики Армения, Российского государственного университета правосудия, Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, Волжского государственного университета водного транспорта, Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, Института практической психологии «Иматон»; представители образовательных организаций МВД России, Росгвардии, Следственного комитета России, ФСИН России, Минобороны России, МЧС России, Минобрнауки России, территориальных органов МВД России.

Академическую и профессиональную среду представляли более 100 участников 40 образовательных организаций Российской Федерации, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

С приветственным словом к участникам конференции обратился начальник Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, генерал-майор полиции **Игорь Филиппович Амельчаков**. Им было обозначено, что прошедший с предыдущей конференции год ознаменовался важными общественно значимыми событиями. Он прошел в полном соответствии с приданным ему смыслом Года педагога и наставника. Мы возвращались и переосмыслили наследие основоположника научной педагогики России К. Д. Ушинского. Памятные даты рождения А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского задавали

направления наших размышлений о путях развития педагогической практики.

В прошедший год укладывается и дата подписания Президентом России Указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Этот документ особенно значим для образовательных организаций правоохранительной направленности, Вооруженных Сил России. Указ дает педагогической науке и практике заказ на развитие идей патриотизма в стране, сохранение исторического наследия.

Одной из главных задач, стоящих перед сегодняшним научно-представительским мероприятием, является не только обмен накопленными знаниями и опытом между представителями научного сообщества, но также и передача этого опыта нашим будущим правоприменителям: курсантам, слушателям, адъюнктам. Участие обучающихся в научных мероприятиях является одним из необходимых этапов формирования психолого-педагогических компетенций, необходимых для успешной будущей практической деятельности.

В программу конференции вошли выступления участников на пленарном заседании, проведение педагогической студии и мастер-классов ведущими специалистами и выпуск электронного сборника тезисов докладов участников конференции.

В рамках пленарного заседания прозвучали доклады ученых России и зарубежных стран.

Открыл пленарное заседание доклад профессора кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктора педагогических наук **Марины Римантасовны Илакавичус** «Методические ответы на современные вызовы целей образования высшей школы МВД России». Докладчик начала с тезиса: в современных социально-политических условиях, когда на первое место выходят гражданская позиция, консолидация общества вокруг общезначимых внеисторических ценностей российского народа, высшее образование должно сконцентрироваться на решении сверхзадачи воспитывающего обучения. Абстрактное обсуждение глобальных смыслов образования сегодня должно уйти на второй план, на первый необходимо поставить научно обоснованные поиски методических путей реализации воспитывающего потенциала дисциплин высшей школы, готовящей молодежь к профессиям служения, к которым относится и профессия полицейского. Реализация воспитания в образовательном процессе как первой, так и второй половины учебного дня рассматривается сегодня как вызов прежде всего методической компоненте работы преподавателя высшей школы. Вне реализации орга-

низационно-педагогических условий, сконструированных на гуманитарно-антропологических основаниях, на принципах природо- и культуросообразности нарастают труднопреодолимые риски формализации и профанации двуединого образовательного процесса высшей школы. Выступающая произвела анализ разных подходов современной педагогики высшей школы к ответам на данный вызов и предложила посетить педагогическую студию, на которой и был продемонстрирован один из вариантов решения задачи конструирования занятия, решающего задачу воспитывающего обучения (Илакавичус, 2023).

С докладом на тему «Технология и результаты разработки профессиограммы участкового инспектора полиции (опыт Республики Казахстан)» выступила начальник Центра по подготовке специалистов психологов и проведению социологических исследований Костанайской академии МВД Республики Казахстан **Елена Сергеевна Федотова**.

Елена Сергеевна в своем докладе раскрыла новые требования к личности участкового инспектора полиции, которые предъявляет общество, и как эти требования соответствуют современным реформам, в частности, внедряемой модели сервисной полиции в Республике Казахстан. Докладчик систематизировала современные подходы к профессиографическому исследованию деятельности сотрудников правоохранительных органов различных стран, представила возможности использования компетентностного подхода в профессиографическом описании деятельности участкового инспектора полиции Республики Казахстан. В профессиограмме участковых инспекторов полиции должна в первую очередь учитываться их способность успешно работать с проблемами местного населения и умение вовлекать местных жителей в процесс реализации этих усилий. Именно степень эффективности мер, принятых в процессе решения проблем, уровень удовлетворенности населения полицейским обслуживанием или степень сотрудничества общества с полицией, а также жизнеспособность проектов жителей района и ощущение безопасности у проживающего в нем населения являются центральными показателями для оценки населением своего участкового инспектора полиции¹.

О новых аспектах роли преподавателя высшей школы в реализации воспитательных задач предложил собравшимся подумать профессор кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат педагогических наук,

доцент **Сергей Николаевич Тихомиров**, выступивший с докладом на одноименную тему. В контексте задач, поставленных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным перед всем обществом в Указе об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, выступающий обратил внимание аудитории на такое направление педагогических усилий представителей высшего образования, как противодействие западной деструктивной пропаганде, идеологии либерализма и транспостгуманизма, десакрализации истории. Необходимо прилагать усилия для продвижения государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, продвижения концепции, образа и смыслов российского патриотизма. В заключение докладчик предложил авторское видение влияния широкого социокультурного и политического контекста на формирование ценностей молодежи, проведя исторические параллели с современностью, и призвал собравшихся представителей высшей школы правоохранительных органов активно противостоять раскрытым им тенденциям (Туфлейкина, Тихомиров, 2023).

Преподаватель кафедры психологии Народной полицейской академии Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, кандидат психологических наук **Вьет Кхоа Фам** в докладе «Использование электронных лекций (E-lesson) в преподавании (на примере психологических дисциплин): принципы и процедуры построения» отметил, что традиционные лекции, которые, по сути, преимущественно подчёркивают роль деятельности преподавателя, носят малоподвижный характер. Обучающиеся с трудом осваивают знания из области гуманитарных наук, в т. ч. психологических наук, так как они испытывают сложность в восприятии большого объёма текстовых материалов. Однако в настоящее время использование электронных лекций (E-lesson) является эффективным способом создания новой формы обучения, позволяющим преодолеть ограничения пространства, времени и поощрить инициативу обучающихся на всех этапах обучения² (Фам, 2023).

Доклад преподавателя Института практической психологии «Иматон», кандидата психологических наук, доцента **Марины Васильевны Пряхиной** был посвящен описанию научно-методических основ организации психологической помощи сотрудникам органов внутренних дел, выполняющим оперативно-служебные задачи в особых условиях. Докладчик описала целевые задачи организации психологической работы

¹ *Международный опыт по системе оценки работы полиции и рекомендации для Республики Казахстан* (стр. 45) (2021). <https://lprc.kz/ru/library/mezhdunarodnyj-opyt-po-sisteme-ocenki-raboty-policzii-i-rekomendaczii-dlya-respubliki-kazahstan/>

² Вьетнам и Россия расширят учебные программы для вьетнамской полиции. (2019). *Vietnam Television (VTV)*. <https://english.vtv.vn/news/vietnam-and-russia-to-expand-training-programs-for-vietnamese-police-20190701130941078.htm>

при выполнении сотрудниками правоохранительных органов задач в особых условиях, а также этапы данной работы. Психологическая травматизация среди личного состава становится причиной снижения эффективности выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях, увеличения «небоевых потерь», трудностей с преодолением травматического стресса и т.д.³ (Баринова, Пряхина, 2023).

Важность исследований в этом направлении обусловлена, с одной стороны, наличием недостаточной информации об особенностях психологической травматизации у сотрудников, которым приходится выполнять задачи в рамках специальной военной операции, а с другой – необходимостью повышать эффективность ее профилактики, меры которой должны базироваться на результатах изучения ее особенностей у участников специальной военной операции (Шаранов, Душкин, 2023).

Начальник кафедры общественно-политических дисциплин и психологии Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева, доктор юридических наук **Чолпон Айзабековна Кадырова** и преподаватель кафедры общественно-политических дисциплин и психологии Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева, кандидат психологических наук **Айчурок Акжолтоевна Зайырбекова** в докладе «Социально-психологические причины похищения невест в современном Кыргызстане» представили одну из актуальных проблем современного общества Кыргызстана – борьбу с похищением невест с целью вступления в принудительный брак (Махмудова, М. М., Королева, А. М., Махмудова, Д. М., 2019; Кадырова, Зайырбекова, 2023). Были рассмотрены основные социально-психологические причины данного явления и определены способы и мотивы похищения невест. Представлены статьи уголовного кодекса Кыргызской Республики касаясь данного деструктивного явления (Клименко, 2022).

Главный редактор редакции журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» и газеты «На страже закона», ответственный секретарь «Российского девиантологического журнала», кандидат филологических наук **Лариса Викторовна Каверина** в докладе «“Российский девиантологический журнал” – проект интеграции педагогических и психологических исследований проблем отклоняющегося поведения» отметила, что в основу создания «Российского девиантологического журнала» изначально заложен интеграционный подход – создание цифровой площадки, объединяющей исследователей из разных областей знаний, занимающихся изучением вопросов девиантного поведения, осветила ключевые направления дальнейшего развития издания. Представлены

результаты анализа библиометрических показателей журнала в Российском индексе научного цитирования, свидетельствующие о том, что издание имеет хорошие условия для интеграции и продвижения в международное информационное пространство. Приведенные итоги оценки уровня и качества публикаций показывают, что эксперты в области девиантологии положительно оценивают реализуемую стратегию развития издания, которая соответствует ожиданиям читательской аудитории (Каверина, 2022).

Начальник кафедры организации огневой и физической подготовки Академии управления МВД России, кандидат педагогических наук, доцент **Тимофей Сергеевич Купавцев** в докладе «Педагогическая поддержка в управлении средой непрерывного образования сотрудника МВД России» подробно описал педагогическую поддержку как стратегию управления средой непрерывного образования сотрудника МВД России, которая концентрируется на создании условий для расширения его личного опыта во взаимодействии со все более усложняющейся профессиональной средой (Купавцев, 2023b). Подобное построение взаимодействий в служебном коллективе позволяет снимать межличностные противоречия между руководителем и подчиненным сотрудником, укреплять событийные связи, обеспечивать самореализацию каждого в профессиональном и личном плане в избранном виде деятельности (Купавцев, 2022). Докладчик отметил, что педагогическая поддержка раскрывается как стратегия управления средой профессиональной деятельности в русле лично ориентированного подхода, когда учитываются интересы всех субъектов, взаимодействующих со средой, в совместном решении профессиональных задач (Купавцев, 2023a).

В соответствии с программой конференции была организована педагогическая студия «Приемы реализации воспитывающего потенциала дисциплин профессионально-ценностного блока в образовательных организациях МВД России». Ее ведущими выступили профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук **Марина Римантасовна Илакавичус** и адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России **Алиса Разимовна Шарипкулова**. Педагогическая студия была посвящена демонстрации и обсуждению варианта проектирования и реализации антропопрактики в профессиональном образовании МВД России. Демонстрационная часть основывалась на поэтапном создании условий для активизации рефлексивных процессов участников занятия. Посредством предъявления культурных текстов в видео, визуальном и аудиоформатах ими были

³ Стрельникова, Ю. Ю., Баринова, М. Г., Пряхина, М. В. (2023) *Психологическая интервенция (развитие, коррекция и реабилитация): учебное пособие*. Санкт-Петербургский университет МВД России.

восприняты, обсуждены важнейшие характеристики нравственно-этической стороны деятельности современного сотрудника полиции. Среда диалога и позитивного восприятия друг друга позволила выйти на позицию самоопределения в вопросе ценностной основы личностно-профессиональной позиции полицейского. Дискуссионная часть студии позволила уточнить соответствие методологии и методики, использованных в данном варианте антропопрактики.

Ведущими мастер-класса «Современные образовательные технологии в системе подготовки кадров МВД России» выступили доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук **Тамара Леонидовна Журавлева** и доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент **Елена Васильевна Филипенко**.

В ходе проведения мастер-класса участникам был представлен положительный педагогический опыт кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России по применению в учебно-воспитательном процессе современных образовательных технологий.

Участники мастер-класса осваивали технологию «Алфавит» (С. С. Кашлев) проблемного обучения. Постигание смысла понятия «воспитание» сопровождалось определением слов, связанных с воспитанием, и занесением этих слов в технологическую карту. Результатом освоения технологии «Алфавит» стало определение участниками ее значимости в обучении курсантов и слушателей.

Преподаватель Института практической психологии «Иматон», кандидат психологических наук, доцент **Марина Васильевна Пряхина** была ведущим мастер-класса «Методы психологической помощи сотрудникам органов внутренних дел, выполняющим оперативно-служебные задачи в особых условиях». Ведущий продемонстрировал возможности использования палсинга, светозвуковой и музыкальной стимуляции в коррекции состояний нервно-психической дезадаптации сотрудников органов внутренних дел, выполняющих оперативно-служебные задачи в особых условиях. Особое внимание было уделено психической травматизации и ее последствиям как «мишени» психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел. Своевременно оказанная профессиональная психологическая помощь в виде психологической коррекции и реабилитации позволяет повысить эффективность выполнения сотрудниками оперативно-служебных задач в особых условиях.

Психолог отделения психологического обеспечения отдела воспитательной и социальной работы с личным составом Санкт-Петербургского университета ФСИН России **Юлия Александровна Мейер** в качестве

ведущего провела мастер-класс «Развитие эмоционального интеллекта у сотрудников правоохранительных органов для повышения эффективности служебной деятельности». Необходимость развития эмоционального интеллекта обусловлена тем, что дает возможность объективно оценивать себя и других в процессе служебной деятельности, выявлять внутриличностные и межличностные противоречия, искать пути их устранения, самостоятельно выстраивать концепции личностно-профессионального развития и стратегии реализации целей. Ведущий в ходе мастер-класса представил различные методы развития эмоционального интеллекта: методы эмоциональной (психофизиологической) саморегуляции (методы релаксации, медитативные техники, дыхательные техники, визуализация (представление образов, якорные техники), арт-терапевтические методы и др.

Заслушав и обсудив материалы докладов пленарного заседания, педагогической мастерской и мастер-классов участники форума приняли **резолцию**.

Участники конференции считают, что:

- состоялся плодотворный обмен опытом проведения по теоретическим и практическим проблемам педагогики и психологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов;

- установлены пути международного сотрудничества с зарубежными образовательными организациями;

- следует провести в 2024 году международную научно-практическую конференцию «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики», сосредоточив свое внимание на актуальных проблемах взаимодействия образовательных организаций различных министерств и ведомств.

На пленарном заседании конференции были представлены доклады, характеризующие современное состояние морально-психологического обеспечения служебной деятельности сотрудников силовых структур. В рамках педагогической студии и мастер-классов был представлен положительный опыт реализации современных образовательных технологий в системе подготовки кадров МВД России, а также психологической работы с сотрудниками правоохранительных органов, выполняющих оперативно-служебные задачи в особых условиях.

В рамках работы конференции были выявлены следующие значимые **теоретические выводы**:

- уточнены методологические подходы к проектированию и реализации современного непрерывного образования в правоохранительных органах России и зарубежных государств;

- сформулированы идейные основы решения задачи сбережения личного состава правоохранительных органов;

– сформулированы перспективные направления развития эффективных практик психолого-педагогического сопровождения развития человеческого потенциала в правоохранительных органах России и зарубежных государств;

– расширены возможности использования в образовательном процессе проектной деятельности обучающихся на всех уровнях образования;

– обоснована необходимость методического обеспечения подготовки психологов для работы с участниками специальной военной операции и членами их семей.

В рамках работы конференции сформулированы следующие предложения по решению **практических проблем**:

– выявлена необходимость проведения научно-исследовательских работ по заявкам центрального аппарата МВД России и территориальных органов

МВД России по вопросам психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях в 2024 году;

– в целях научно-методического обеспечения подготовки психологов издать монографию «Психологическая интервенция последствий служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел в особых условиях» в 2024 году;

– в целях реализации комплекса мероприятий, направленных на повышение эффективности деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции, в том числе улучшения условий службы и социальной защиты сотрудников, разработать аналитические материалы «Психолого-педагогические детерминанты формирования положительного имиджа участкового уполномоченного полиции в современных условиях» в 2024 году.

Список литературы

- Барина, М. Г., Пряхина, М. В. (2023). Методы психологической коррекции сотрудников правоохранительных органов. В А. С. Душкин, М. Р. Илакавичус (ред.), *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года, стр. 26–31). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN: YUNKVL
- Илакавичус, М. Р. (2023). Гуманитарно-антропологический подход как основа организации профессионального воспитания представителей профессий служения. *Научно-педагогическое обозрение*, 3 (49). 86–93. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-3-86-93>
- Каверина, Л. В. (2022) Управление научным журналом университета с помощью электронной редакции. В *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России: сборник статей по итогам внутриведомственной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года, стр. 144–148). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN: LIZXJW
- Кадырова, Ч. А., Зайырбекова, А. А. (2023). Социально-психологические причины похищения невест в современном Кыргызстане. В А. С. Душкин, М. Р. Илакавичус (ред.), *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года, стр. 130–133). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN: OXRAXD
- Клименко, К. И. (2022). Сравнительно-правовая характеристика законодательного регулирования обычая похищения невесты в России и иностранных государствах. *Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т)*, 8 (4 (20)), 41–54.
- Купавцев, Т. С. (2022). *Концепция педагогической поддержки саморазвития личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в непрерывном образовании*: монография. Москва: Академия управления МВД России.
- Купавцев, Т. С. (2023а). Феномен ответственности в концепции педагогической поддержки. *Мир науки. Педагогика и психология*, 11 (1). <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN123.pdf>
- Купавцев, Т. С. (2023б). Педагогическая поддержка в управлении средой непрерывного образования сотрудника МВД России. В А. С. Душкин, М. Р. Илакавичус (ред.), *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года, стр. 189–193). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN: DANNSL
- Махмудова, М. М., Королева, А. М., Махмудова, Д. М. (2019). Похищение невесты – обычай или вызов времени? *Женщина в российском обществе*, 1, 121–132. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.1.11>

- Туфлейкина, Н. А., Тихомиров, С. Н. (2023). Личностно-развивающий подход в образовательном процессе как определяющее направление всех прогрессивных педагогических технологий. В *Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя: сборник научных трудов* (Рязань, 01-08 февраля 2023 года, стр. 368–371). Рязань: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя.
- Фам, В. К. (2023). Использование электронных лекций (e-lesson) в преподавании (на примере психологических дисциплин): принципы и процедуры построения. В А. С. Душкин, М. Р. Илакавичус (ред.), *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года, стр. 277–282). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN: KQMBZU
- Шаранов, Ю. А., Душкин, А. С. (2023). Психологическая травматизация сотрудников правоохранительных органов, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях. *Прикладная юридическая психология*, 2 (63), 26–38.

References

- Barinova, M. G., Pryahina, M. V. (2023). Metody psihologicheskoj korrekcii sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. V A. S. Dushkin, M. R. Ilakavichus (red.), *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 oktyabrya 2023 goda, str. 26–31). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN: YYHKVL
- Ilakavichus, M. R. (2023). Gumanitarno-antropologicheskij podhod kak osnova organizacii professional'nogo vospitaniya predstavitelej professij sluzheniya. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*, 3 (49). 86–93. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-3-86-93>
- Kaverina, L. V. (2022) Upravlenie nauchnym zhurnalom universiteta s pomoshch'yu elektronnoj redakcii. V *Aktual'nye problemy i tendencii razvitiya nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti v obrazovatel'nyh organizacijah MVD Rossii: sbornik statej po itogam vnutrivedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 17 iyunya 2022 goda, str. 144–148). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN: LIZXJW
- Kadyrova, Ch. A., Zajrbekova, A. A. (2023). Social'no-psihologicheskie prichiny pohishcheniya nevest v sovremenom Kyrgyzstane. V A. S. Dushkin, M. R. Ilakavichus (red.), *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 oktyabrya 2023 goda, str. 130–133). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN: OXRAXD
- Klimenko, K. I. (2022). Sravnitel'no-pravovaya harakteristika zakonodatel'nogo regulirovaniya obychnykh pohishcheniya nevesty v Rossii i inostrannykh gosudarstvah. *Novizna. Eksperiment. Tradicii (N.Eks.T)*, 8 (4 (20)), 41–54.
- Kupavcev, T. S. (2022). *Konceptiya pedagogicheskoy podderzhki samorazvitiya lichnosti sotrudnika organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii v nepreryvnom obrazovanii*: monografiya. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii.
- Kupavcev, T. S. (2023a). Fenomen otvetstvennosti v koncepcii pedagogicheskoy podderzhki. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 11 (1). <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN123.pdf>
- Kupavcev, T. S. (2023b). Pedagogicheskaya podderzhka v upravlenii sredoy nepreryvnogo obrazovaniya sotrudnika MVD Rossii. V A. S. Dushkin, M. R. Ilakavichus (red.), *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 oktyabrya 2023 goda, str. 189–193). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN: DANNSL
- Mahmudova, M. M., Koroleva, A. M., Mahmudova, D. M. (2019). Pohishchenie nevesty – obychnyj ili vyzov vremeni? *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, 1, 121–132. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.1.11>
- Tuflejkina, N. A., Tihomirov, S. N. (2023). Lichnostno-razvivayushchij podhod v obrazovatel'nom processe kak opredelyayushchee napravlenie vsekh progressivnykh pedagogicheskikh tekhnologij. V *Sbornik nauchnykh statej po itogam Nedeli rossijskoj nauki v Ryazanskom filiale Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. YA. Kikotya: sbornik nauchnykh trudov* (Ryazan', 01-08 fevralya 2023 goda, str. 368–371). Ryazan': Moskovskij universitet MVD Rossii im. V. YA. Kikotya.
- Fam, V. K. (2023). Ispol'zovanie elektronnykh lekcij (e-lesson) v prepodavanii (na primere psihologicheskikh disciplin): principy i procedury postroeniya. V A. S. Dushkin, M. R. Ilakavichus (red.), *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-*

prakticheskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 27 oktyabrya 2023 goda, str. 277–282). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN: KQMBZU

Sharanov, Yu. A., Dushkin, A. S. (2023). Psihologicheskaya travmatizaciya sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov, vypolnyavshih operativno-sluzhebnye zadachi v osobyh usloviyah. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 2 (63), 26–38.

Информация об авторе:

Гейжан Наталия Федоровна – профессор кафедры педагогики и психологии, доктор педагогических наук, профессор.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 15.11.2023

Одобрена после рецензирования 27.11.2023

Опубликована 15.12.2023

About the author

Natalia Fedorovna Geizhan – Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Doctor Sci. (Ped.), Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted November 15, 2023

Approved after reviewing November 27, 2023

Accepted December 15, 2023